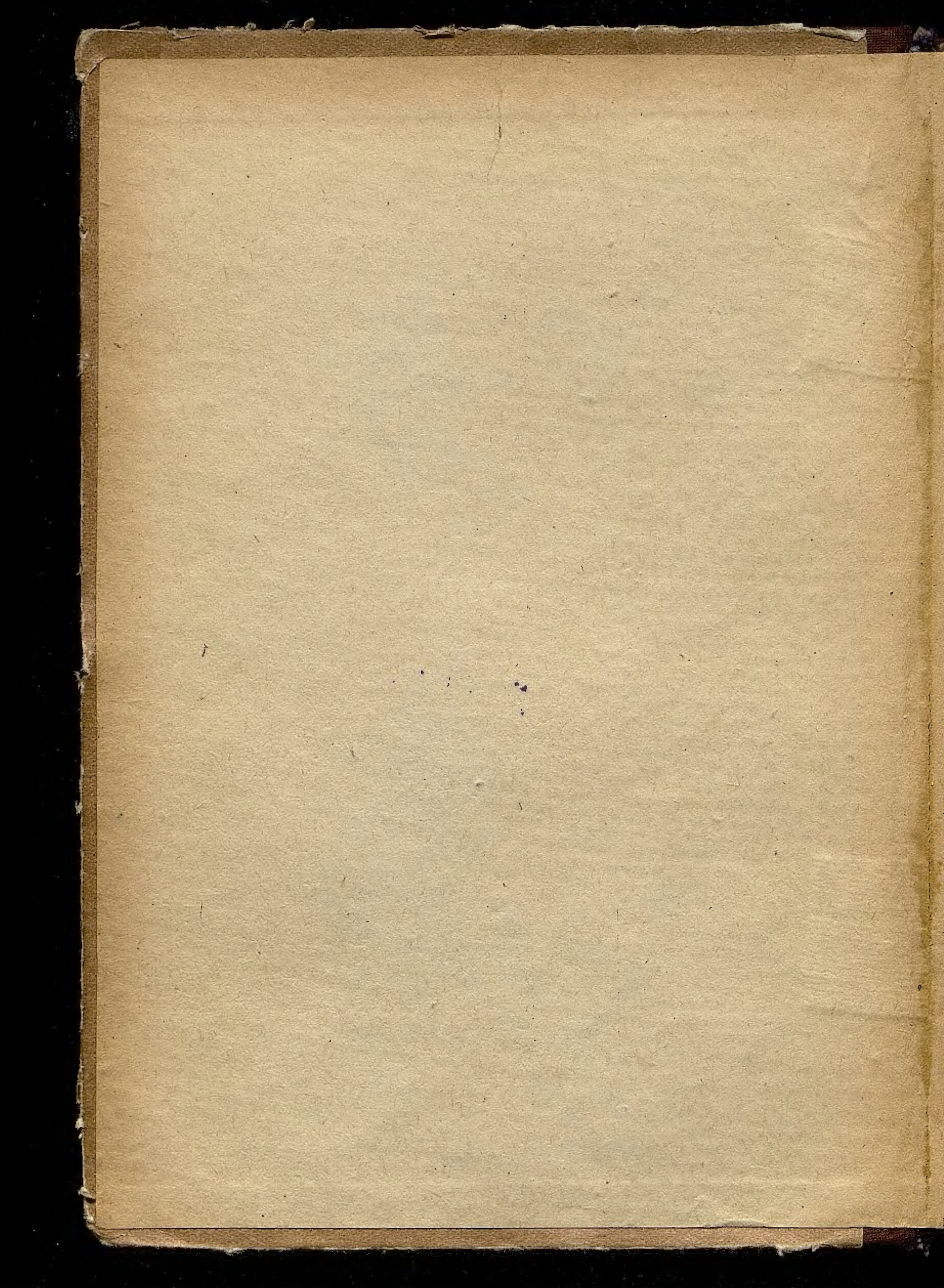
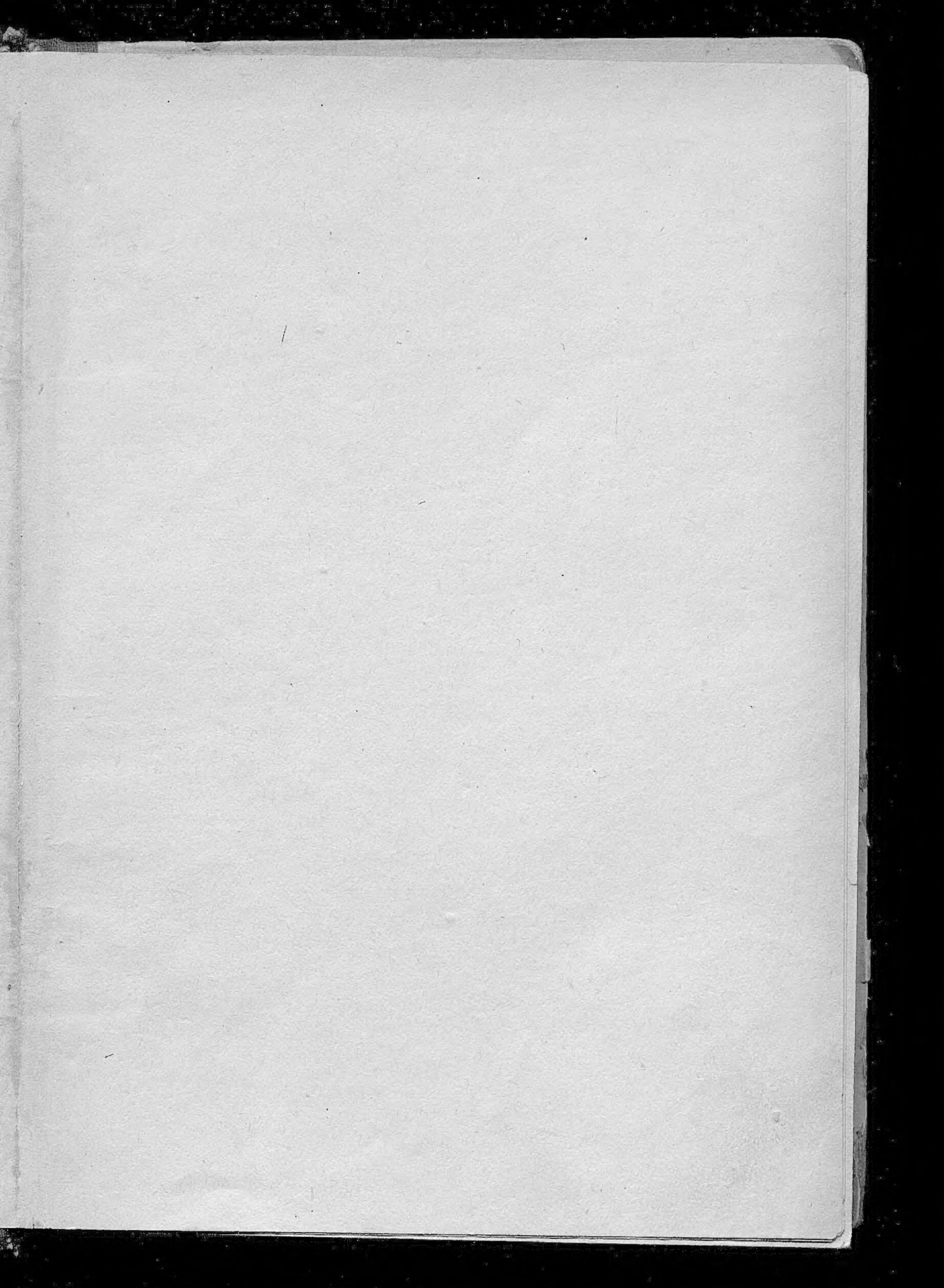
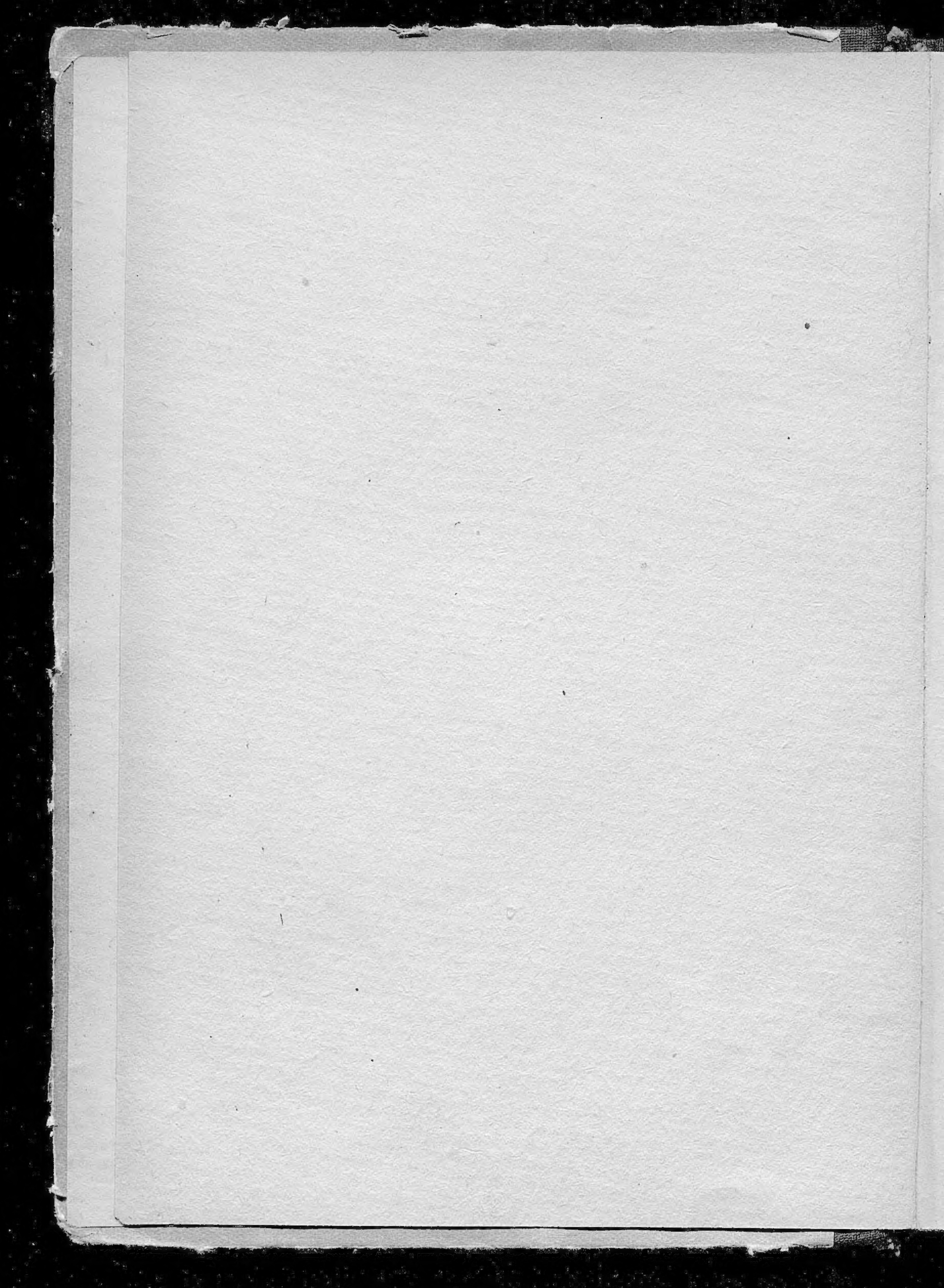
П. В. Семернин, М. Н. Корчин, Я. Н. Раенко

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ДОНУ

РОСТИЗДАТ 1948







ПАРТАРХИВ РОСТОВСКОГО ОБКОМА ВКП(б)

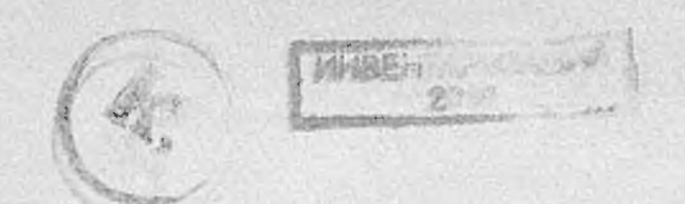
П. В. Семернин, М. Н. Корчин, Я. Н. Раенко

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ДОНУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Под общей редакцией
кандидата исторических наук
П. В. Семернина

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д.—1948



ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые «Очерки истории большевистских организаций на Дону» имеют своей задачей дать, в более или менее систематическом изложении, историю Ростовской областной партийной организации от начала ее зарождения до победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления советской власти на Дону.

Во второй части подготавливаемых очерков будет дана история Ростовской областной организации от начала гражданской войны и до наших дней.

Потребность в создании научной истории местных большевистских организаций вполне назрела и является одной из важных задач советской исторической науки.

Знание истории местных партийных организаций, их борьбы за претворение в жизнь великих идей марксизма-ленинизма поможет еще глубже и полнее понять исторический путь, пройденный большевистской партией.

Большевистские организации Дона, являясь составной и неразрывной частью Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), под руководством гениальных вождей партии В. И. Ленина и И. В. Сталина прошли в сложных условиях казачьей области большой и славный путь своего развития — от небольших марксистских кружков и групп в конце прошлого века до сильной и многотысячной областной организации в наше время—и внесли свой вклад в общую борьбу партии и рабочего класса за свержение самодержавия, уничтожение капитализма и построение социализма в нашей стране, в дело защиты социалистического отечества от иностранных интервентов в годы гражданской войны и от немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне.

В создании и руководстве Ростовской областной партийной организации выдающуюся роль сыграли виднейшие деятели нашей партии: Гусев С. И. (1901—1903 гг.), Джапаридзе П. А. (1910—1911 гг.), Шкирятов Ф. М. (1910—1911 гг.),

Серго Орджоникидзе (1911—1918—1926 гг.), Ворошилов К. Е. (1921—1924 гг.), Микоян А. И. (1922—1926 гг.) и Андреев А. А. (1928—1930 гг.).

Большевистские организации Дона росли и крепли в непримиримой борьбе с врагами большевистской партии—эсерами, меньшевиками, троцкистами и правыми оппортунистами—и в этой борьбе добились победы великих идей Ленина—Сталина.

При составлении очерков авторы руководствовались периодизацией сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)».

Первый том «Очерков истории большевистских организаций на Дону» написан научными сотрудниками Партархива Ростовского обкома ВКП(б) и Кафедры марксизма-ленинизма Ростовского государственного университета им. В. М. Молотова.

Партархив Ростовского Обкома ВКП(б)

ГЛАВА I

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КРУЖКОВ НА ДОНУ

1. Развитие промышленного капитализма на Дону и формирование промышленного пролетариата. Первые шаги рабочего движения

На Дону, так же как и по всей стране, после отмены крепостного права быстро стал развиваться промышленный капитализм. В 60-х годах XIX века на Дону не было крупной промышленности. Преобладала мелкая, преимущественно пищевая, промышленность. Угольная промышленность была развита слабо, годовая добыча угля не превышала 8 миллионов пудов.

В Донской области имелись более благоприятные условия для быстрого развития капитализма, чем в Центральной России: Донская область значительно меньше, чем центральные районы, была обременена пережитками крепостничества, имела колоссальные природные богатства и примыкала к портам Азовского моря, через которые поддерживала связь со странами Ближнего Востока и Западной Европы.

Огромное значение для развития капитализма имело строительство железных дорог, которые, с одной стороны, предъявляют спрос на уголь, металл и т. д. и, с другой,—связывают в единый рынок самые отдаленные районы и гигантски ускоряют товарооборот.

В 1869—1870 гг. была построена Курско-Харьковско-Азовская железная дорога, в 1871 году—Козлово-Воронежско-Ростовская, в 1875 году—Ростово-Владикавказская. Железнодорожное строительство дало сильный толчок для развития каменноугольной промышленности. Добыча угля в Донской области с 8 миллионов пудов в 1863 году выросла к 1900 г. до 217 миллионов.

Быстро развивалась металлургическая и металлообрабатывающая промышленность. В 90-е годы в Таганроге были построены два завода—металлургический и котельный, в Ростове — завод сельскохозяйственных машин «Аксай». Металлургический завод в Сулине, пущенный в 1874 году, к концу XIX века значительно увеличил выпуск чугуна, стали и выработку металлических изделий. Довольно быстро развивалась табачная и пищевая промышленность.

Юг России, вообще, Донская область, в частности, являлись молодыми районами капиталистической промышленности, и по темпам развития они обгоняли многие старые промышленные центры. Сравнивая развитие капитализма на Юге и на Урале, Ленин писал:

> «Насколько Урал стар и господствующие на Урале порядки «освещены веками», настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения. В южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху горячки (1898) туда перевозятся из Америки целые заводы» [1] *.

В Уральской промышленности с 1877 по 1893 г. применение машин в паровых силах увеличилось в два с половиной раза, а на юге—в 6 раз. Количество рабочих за этот же период на Урале увеличилось в $1^2/_3$ раза, а на юге—почти в четыре раза [2].

Иностранный капитал в промышленности Донской области играл исключительно крупную роль. Французским и английским капиталистам принадлежали многие каменноугольные шахты и предприятия металлургической промышленности. В Таганроге металлургический, котельный и кожевенный заводы принадлежали бельгийским капиталистам. Иностранный капитал проник и в городское хозяйство. В Ростове трамвай был построен бельгийскими капиталистами. Экспорт хлеба из Ростовского порта находился, главным образом, в руках иностранного капитала. В 1896 г. на территории Донской области иностранные капиталисты владели 103 промышленными предприятиями. В 67 акционерных обществах и товариществах, имевшихся в области, преобладал иностранный капитал [3].

Таким образом, рабочий класс на Дону жестоко эксплоа-

---

* Все подстрочные примечания — см. в конце книги.

тировался не только русскими, но и иностранными капиталистами.

Быстрое развитие промышленности вызвало бурный рост городов, особенно Ростова и Александровска-Грушевского (Шахты).

Темпы роста населения в городах Донской области характеризуются следующими цифрами [4]:

Годы	Ростов	Александровск-Грушевский	Таганрог
1860	17574	—	—
1897	119071	16250	51965
1905	133112	40822	64369

Население Ростова за 37 лет (1860—1897) увеличилось почти в 7 раз; еще быстрее росло население Александровска-Грушевского: за 8 лет оно увеличилось в 2,5 раза.

Донская область была одной из самых больших казачьих областей царской России. В 1900 году из общего количества населения области в 2 629 тысяч человек, казаков насчитывалось 1 125 тысяч.

Донские казаки являлись военным сословием. Надельные земли казаков, на основе общинного землепользования, были ни чем иным, как средневековым пользованием землей за службу. В пореформенный период капитализм начал быстро вторгаться в сельское хозяйство области. В своем классическом труде «Развитие капитализма в России» Ленин относил Донскую область к районам торгового зернового хозяйства. Быстрое развитие сельского хозяйства на Дону и, вообще, на южных окраинах России во второй половине XIX века объясняется тем, что эти окраины, как указывал Ленин, были экономически тесно связаны, во-первых, с Центральной Россией, которую они снабжали хлебом, получая оттуда промышленные товары, а, во-вторых,—с европейским рынком, куда сбывали огромное количество зерна.

Вопреки всем «заботам» правительства о сохранении казачьей общины, капитализм в станицах Дона вызывал те же процессы социальной дифференциации, как и, вообще, среди крестьянства.

Г. В. Плеханов, близко знавший условия жизни донских казаков, среди которых он, будучи еще народником, в конце

70-х годов, вел революционную работу, в своей книге «Наши разногласия», критикуя взгляды народников об «общинном социализме», писал: «У донских казаков теперь столько земли, сколько было бы её у наших крестьян после народной (народовольческой тож) революции. Её приходится почти по 30 дес. на душу. Земля эта принадлежит не отдельным лицам, даже не отдельным общинам, а всему «славному войску». Спрашивается,—обнаруживают ли донские казаки склонность заводить коммунистическое хозяйство? Насколько нам известно,—не коммунистические, а буржуазные стремления все более и более усиливаются в их среде. Может быть, это будет отнесено за счет «разлагающего влияния государства». Ну, так ведь было время, когда влияние это почти равнялось нулю; почему же тогда не переходили они к коммунизму? Им мешал военный быт? Вообразите же себе, что казаки, совсем избавленные от военной службы, целиком предались мирным занятиям. Что было бы в таком случае? Мы скажем вам — что: тогда-то и началось бы усиленное разложение существующих в среде казаков остатков первобытного коммунизма, тогда-то и приблизилось бы царство буржуазии.

Многоземелье не спасло казаков от возникновения неравенства, а с ним -эксплоатации бедного богатым. Совсем напротив: многоземелье само способствовало возникновению неравенства»[5].

По положению 1835 года, земельный пай на одного казака определялся в 30 десятин. К 1905 году пай в среднем по области составлял всего лишь 13,86 десятин[6]. Огромная земельная площадь находилась в руках дворянства, офицеров и чиновников. С 1845 года на Дону началась раздача земель казачьим офицерам и чиновникам, вместо жалованья и пенсий—по чинам: обер-офицерам по 200 десятин, штаб-офицерам—400 десятин, полковникам—800 десятин и генералам по 1600 десятин.

К началу 20 века расслоение среди казачества зашло далеко. Из общего количества 142859 казачьих дворов, по владению скотом имелось: кулацких хозяйств—21,7%, середняцких—45% и бедняцких—33,3%[7]. Казак пользовался землей за службу, на которую он обязан был явиться со своей лошадью, обмундированием и т. д., что в общей сложности обходилось в 250—300 рублей, и для многих являлось просто непосильным расходом. Ввиду этого с каждым годом росла задолженность значительной части казаков станичным обществам, выдававшим ссуду для закупки военного снаряжения. На Дону все более увеличивалась масса казачества, которая

не в состоянии была и «прокормиться», и нести расходы на военную службу со своего надела (пая). Таких хозяйств к концу 19 века насчитывалось свыше 21%. Политика царского правительства, направленная на сохранение казачьих общин и казачества как военного сословия, находилась в резком противоречии как с экономическим развитием области и страны в целом, так и с интересами основной массы казачества.

Казачество, организованное в военно-феодальное сословие, всем укладом своей жизни и политикой царизма воспитывалось в духе беспрекословного повиновения начальству и рабской покорности царю. Казаков воспитывали в духе сословной и областной замкнутости и неприязни к «пришельцам» — иногородним.

Накануне отмены крепостного права на Дону имелось около 150 тысяч крепостных крестьян, которых помещики при проведении реформы оставили почти без земли.

К 1905 году в Донской области насчитывалось 130716 крестьянских хозяйств с населением 791745 человек. При чем 82% всего крестьянского населения области проживало в трех округах: Таганрогском, Ростовском и Донецком. В среднем на каждый крестьянский двор приходилось 4,4 дес. надельной земли, между тем, как на казачий двор приходилось 46,4 дес., на помещичье владение—320 дес.[6]. Следовательно, на крестьянский двор приходилось земли в 10 раз меньше, чем на казачий, и в 70,5 раза меньше, чем на помещичье владение. 3000 помещиков имели на Дону земли почти в два раза больше, чем 130 тысяч крестьянских дворов. За исключением 15% кулацких хозяйств, обеспеченных землей, остальное крестьянство было зажато в тиски безземелья. Свыше 20% крестьянских дворов почти не имело земли. Крестьяне арендовали землю у помещиков за деньги, а также исполу или отдавая помещику даже две третьих урожая. На своих жалких полосках крестьяне бились, как рыба об лед, в безисходной нужде, платя к тому же бесконечные налоги, в то время как рядом расстилались безграничные просторы помещичьих полей.

Еще в более тяжелом положении находились основные массы иногороднего крестьянства. После реформы 1861 г., когда пришлые крестьяне получили право на оседлость в Донской области, приток иногородних на Дон стал быстро расти.

Крестьяне центральных губерний и Украины, гонимые нуждой, в большом количестве переселялись на Дон. В 1873 г. их было около 85 тыс. человек, а в 1900 г.—552 тысячи. Огром-

ная часть их работала в качестве батраков у помещиков, богатых казаков и «своих» кулаков. За усадьбу на казачьей земле, кроме арендной, иногородние платили ежегодно еще и посаженную плату. В отличие от казаков, они не имели право бесплатно пользоваться лугами, пастбищами, озерами, реками и т. п. Без разрешения станичных властей иногородние не могли возводить новые постройки, даже вместо уничтоженных пожаром. Не могли они бесплатно учить детей в казачьих школах. Иногородние были лишены права участвовать в станичных сходах и т. д.

На Дону, вместе с ростом промышленности, формировался и рос промышленный пролетариат. Если в 70-х годах в Донской области насчитывалось промышленных рабочих не многим более 11 тысяч, то в 1900 г. их было уже до 50 тысяч. В каменноугольной промышленности было занято 26,5 тысяч рабочих. Крупным городом и торгово-промышленным центром являлся Ростов, особенно быстро выросший к концу прошлого столетия. В 1900 г. в нем было 120 фабрик и заводов, на которых работало более 15 тысяч промышленных рабочих. В конце XIX века и Таганрог начал превращаться в промышленный город с крупными заводами.

Рабочий класс на Дону формировался в основном за счет пришлого населения—крестьянской бедноты центральных губерний страны,—а также за счет местных крестьян и частично городского населения. Промышленных рабочих-выходцев из казаков было очень мало.

Положение рабочих на Дону было таким же тяжелым, как и повсеместно в царской России. Рабочий день у шахтеров доходил до 12—14 часов. Непомерно низка была заработная плата, составлявшая от 90 коп. до 1 р. 15 коп. в день [9]

Грабительская система штрафов значительно снижала и этот нищенский заработок. Хозяйские лавки, в которых шахтеры вынуждены были покупать товары втридорога и к тому еще плохого качества, также сильно влияли на снижение реальной заработной платы рабочего. Жилищем шахтерам служили бараки, а, чаще всего, землянки без деревянных полов, без нар и даже без окон. Каторжные условия труда и быта выматывали у шахтеров все силы, разрушали их здоровье, рано делали их стариками и преждевременно сводили в могилу.

Не лучше было положение и фабрично-заводских рабочих. Работали они по 13—14 часов в сутки, а на мелких предприятиях рабочий день нередко доходил до 18 часов. Заработная плата была еще более низкой, чем у шахтеров. В

Главных мастерских Владикавказской железной дороги—одном из самых крупных предприятий Ростова, в начале XX в. чернорабочие получали 50—60 копеек в день, и лишь наиболее квалифицированные слесари—до 1 р. 40 коп. в день.

Фабрично-заводские помещения были тесными, грязными и слабо освещенными. Не было никакой охраны труда. Медицинская помощь оказывалась только за плату. В довершение к этому предприниматели и мастера крайне грубо обращались с рабочими и даже избивали их. Женщины работали столько же часов, сколько и мужчины, но заработную плату получали значительно меньшую.

Об условиях работы на ростовских табачных фабриках старая работница Е. В. Быстрицкая, работавшая в 90-х годах на фабрике Асмолова, пишет: «Условия труда были действительно каторжные. Зимой работали 14, а летом 18 часов, при чем во время Макарьевской ярмарки—без обеденного отдыха. Расценки женского труда были от 10 до 60 коп. Приказчики были грубые и циничные. Вентиляция отсутствовала» [10]. Мужчины на сдельной работе получали до 1 руб. в день; на месячной—получали 12 рублей в месяц.

На многих предприятих Дона администрация состояла из иностранцев. Так, на Сулинском металлургическом и Таганрогском котельном заводах почти вся администрация—от директора, начальников цехов до всех почти мастеров, состояла из немцев и бельгийцев, высокомерно и грубо-вызывающе относившихся к русским рабочим. Русские рабочие, ни в чем не уступая по своей квалификации английским, немецким и бельгийским, получали заработную плату в несколько раз меньше их.

В конце XIX в. Донская область считалась в России одним из основных районов, куда большими массами прибывали из деревни отходники в поисках заработков. Главным рынком труда являлся Ростов, куда ежегодно прибывало до 150 тыс. рабочих. Отсюда они расходились по всему Дону или же передвигались дальше, на Кубань. При таком огромном передвижении отходников часть их неизбежно застревала в Ростове, где, ввиду этого, всегда имелась значительная масса безработных, находившихся, буквально, на положении нищих.

«Стоит только пройти по новому базару,—писала ростовская газета «Донская пчела» 21 июля 1885 г.,—и наблюдателю бросится в глаза густая масса рабочего люда, движущегося без всякого дела. Все эти люди собирались из самых далеких мест, многие из них оставили свои бедные семейст-

ва и на последние копейки пустились искать заработка, но вместо желаемого, бедняки находят скорее всего средства к гибели».

Условия самодержавно-полицейского режима всей тяжестью давили на рабочий класс. Рабочие везде и всюду подвергались постоянным полицейским преследованиям; царские власти даже за экономические стачки расправлялись с рабочими самым жестоким образом.

Рабочие Дона стали сговариваться и выражать свой протест против бесправия и жестокой эксплоатации. В 60—70-х годах прошлого века выступления рабочих в виде стачек, «беспорядков» и бунтов являлись стихийными. В 1861 году произошли довольно крупные «беспорядки» на постройке Волго-Донской железной дороги. Землекопы запротестовали против непомерно тяжелых условий труда и быта. Для подавления «беспорядков» были вызваны казаки, которые стреляли в рабочих. В результате двое рабочих были убиты. В 1862 г. на строительстве Александровск-Грушевской железной дороги бастовало до 800 рабочих.

Большой стихийный бунт произошел в Ростове в апреле 1879 г. Поводом к нему послужил арест и избиение рабочего полицейским. Вступившаяся за рабочего толпа портовых грузчиков, не добившись освобождения арестованного, набросилась на полицейский участок и разгромила его.

Г. В. Плеханов, прибывший в Ростов на другой день после бунта, так писал об этом событии: «Народ ворвался в часть; полицейские, которые успели тем временем сделать несколько выстрелов в нападавших, моментально скрылись. В самое короткое время часть была разнесена. Покончив с нею, толпа бросилась на другие полицейские части, потом опустошила квартиры полицмейстера и некоторых квартальных. О сопротивлении ей никто не думал. Полуживой от страха, полицмейстер прятался в Нахичевани, а военные власти Ростова не уверены были в том, что им удастся оборонить банк и острог. В зданиях частей выломаны были полы, выбиты стекла с рамами и двери с притолоками, разрушены печи, попорчены дымовые трубы и крыши. И на далекое расстояние мостовая, усеянная обломками мебели, покрыта была, как снегом, мелкими клочками разорванных полицейских бумаг... А в то же время, заметьте, что эта разъяренная толпа умела вполне сохранить свое достоинство. Никто из опустошителей не позволил себе взять ничего из уничтожаемого имущества полицейских» [11].

В толпе, громившей полицейские участки, кто-то нес крас-

ный флаг. В течение дня город оставался без полицейской власти, пока не были присланы войска.

Стихийный бунт был жестоко подавлен. Арестовано было около 300 человек.

Узнав о бунте, группа шахтеров Александровска-Грушевского, человек 200, отправилась в Ростов, чтобы принять участие в разгроме полиции, но бунт уже был подавлен, и шахтерам пришлось вернуться с дороги.

В том же году, летом, бастовали горняки на руднике «РОПИТ» (Русское общество пароходства и торговли)—тогда самой большой шахте Александровск-Грушевского района.

В. И. Ленин о стихийных выступлениях рабочих того времени писал:

> «И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством» [12].

Уже в 70-х годах передовые рабочие Дона «начали понимать, что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация» [13].

Как известно, первой рабочей организацией в России был «Южнороссийский союз рабочих», созданный в 1875 г. в Одессе.

В том же году представители союза Наддачин и Секачин, связавшись с передовыми рабочими Ростова в железнодорожных мастерских, на заводе Пастухова, ныне — судоремонтный завод «Красный Дон», организовали Ростовский филиал союза.

Ростовский филиал проводил свою работу на основе устава «Южнороссийского союза рабочих», в котором говорилось:

«Сознавая, что установившийся экономический и политический порядок не соответствует истинным требованиям справедливости, что этот порядок может быть изменен посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основой личного и общественного благосостояния. Что этот переворот может свершиться только после сознания рабочими их безвыходного положения и после их полного объединения...».

Кроме основного устава, Ростовский филиал союза имел еще устав библиотеки и кассы взаимопомощи. Филиал союза ставил своей целью объединить передовых рабочих во-

круг легальной библиотеки и кассы взаимопомощи. Однако, Ростовский филиал «Южнороссийского союза рабочих» просуществовал недолго. В январе 1877 года он был разгромлен полицией.

Как первая рабочая организация, Ростовский филиал оказал известное влияние на сознание рабочих и на дальнейшее развитие рабочих кружков на Дону.

2. Появление марксистских кружков. Борьба с народничеством

> «До появления марксистских групп революционную работу в России вели народники, являвшиеся противниками марксизма» [14].

Народники вели работу и на Дону. В 70-х годах Ростов был для народников центральным пунктом на юге, откуда они направлялись «для хождения в народ» на Дон и Северный Кавказ. В те годы в Ростове перебывали многие видные народники, в том числе и 23-летний Г. В. Плеханов.

Народники рассчитывали, воскрешая в памяти времена Степана Разина и Кондрата Булавина, поднять донских казаков на борьбу против царского правительства.

«Хождение» народников к казакам окончилось неудачей так же, как и их «хождение в народ», повсюду, ибо они не только не понимали роли рабочего класса, но и как следует не знали и не понимали крестьян и казаков.

Во время своего непродолжительного пребывания в апреле 1879 года в Ростове Г. В. Плеханов познакомился с рабочими кружками [15].

В этих кружках работали народники, ставшие в борьбе с царским правительством на путь индивидуального террора.

Не понимая передовой роли рабочего класса в революционном движении, народники в рабочих кружках пропагандировали свои ошибочные и вредные взгляды об индивидуальном терроре, при помощи которого полагали свергнуть царское самодержавие. Некоторых рабочих народникам удалось увлечь и в Ростове на этот ошибочный путь.

С марксистским учением небольшой круг передовых рабочих и учащейся молодежи Ростова стал знакомиться в конце 70-х годов. Из марксистской литературы в Ростове к этому времени имелся 1-й том «Капитала» К. Маркса. В 1879 г. при аресте участников рабочего кружка Владикавказских железнодорожных мастерских был отобран первый том «Капитала» Маркса, издания 1872 г. Кроме того, с учением Маркса в начале 80-х годов знакомились по отдельным ста-

тьям Зибера. Большой популярностью пользовалась его статья «Рабочий день по Марксу». Передовые рабочие начинали знакомиться с социал-демократическим движением западноевропейских стран.

Выдающимися деятелями рабочих кружков в Ростове в начале 80-х годов были рабочие железнодорожных мастерских Андрей Карпенко и Виталий Кудряшев.

В 1882 году в этих мастерских Андреем Карпенко был организован «Центральный кружок революционных рабочих». Под руководством этого кружка были созданы кружки на заводе Пастухова и на ряде других предприятий и установлена связь с Таганрогом и Новочеркасском. Центральный кружок занимался пропагандистской работой.

В кружках изучали книги: Лассаля—«О сущности конституции», «Капитал и труд»; Флеровского—«Положение рабочего класса в России»; Н. Г. Чернышевского—«Примечание к политической экономии Милля», а также статьи журнала «Отечественные записки», отдельные брошюры и газеты, издаваемые народниками.

В 1884 году в одном из рабочих кружков в Ростове изучался «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, изданный на русском языке.

Как Центральный кружок, так и кружки на отдельных предприятиях Ростова не были марксистскими, они находились еще под влиянием народнической идеологии, от которой передовые рабочие освобождались далеко не сразу.

К тому же народнические взгляды, преобладавшие тогда среди передовых рабочих и революционной интеллигенции, начали подвергаться систематической критике со стороны русских марксистов только с образованием в 1883 году заграницей «Группы освобождения труда», во главе с Плехановым.

Тем не менее, А. Карпенко сам начал знакомиться с учением К. Маркса и знакомил с ним членов кружка.

А. Карпенко был рабочим вожаком, обладавшим большими знаниями, полученными путем самообразования. При встрече с известным народовольцем Г. Лопатиным, много бывавшем заграницей, А. Карпенко произвел на него сильное впечатление.

«Андрей Карпенко,—говорил потом Г. Лопатин,—успел прочесть Ад. Смита и Дарвина, и Луи Блана, и кое-что из Маркса, да и чего, чего он только не читал? Мало того, прочитанное понимал, перерабатывал... Не преувеличивая могу сказать, что даже заграницей не встречал таких рабочих» [16].

В 1884 году, будучи вынужденным, из-за преследований со стороны жандармов, уехать из Ростова в Екатеринослав, А. Карпенко поступил и там на работу в железнодорожные мастерские, где создал кружок из рабочих. В кружке, как пишет один из его участников, А. Карпенко читал «статьи по политической экономии из сочинений Маркса, Лассаля и других, толковал их» [17].

О другом руководителе Ростовского «Центрального кружка»—В. Кудряшеве, встретившийся с ним в 1883 году М. Ольминский (впоследствии видный деятель большевистской партии) пишет, что «Он основывал свои мысли на политической экономии, а мы до неё, выражаясь ученическим языком, еще не дошли» [18].

Кружком Карпенко в 1883 году был выпущен напечатанный на гектографе нелегальный журнал «Рабочий», в котором, наряду со статьями, написанными в народническом духе, имелись статьи с изложением учения Маркса. В статьях «Товар и ценность» и «Записки по политической экономии» автор довольно правильно излагает учение Маркса об общественно необходимом труде, о стоимости, цене и прибавочной стоимости. В заключение автор выражал уверенность в неизбежном крушении капиталистического общества.

«Все более и более пробуждающееся сознание рабочих масс,—говорится в статье «Записки по политической экономии»,—расширение их политического и общественного развития, их понимание экономических явлений все чаще и чаще проявляется в виде протестов. Сквозь гнет политического и экономического насилия и порабощения все чаще и чаще вспыхивают схватки тружеников-пролетариев с эксплоатацией капитала, все громче и громче раздаются среди рабочих масс всех стран и национальностей требования экономических и политических прав, а все это указывает на то, что прочность современного экономического порядка является только вопросом времени» [19].

Выход этого журнала, несмотря на наличие в нем народнических взглядов, указывает на несомненный рост классового сознания у передовых ростовских рабочих, которые уже в тот период начинали знакомиться с марксистской теорией.

В рабочих кружках Ростова отдельные передовые рабочие стали выступать против народников еще в первой половине 80-х годов. Они спорили с народниками, не соглашаясь, прежде всего, с тактикой индивидуального террора, противопоставляя ей опыт рабочего движения и деятельность социал-демократических партий Западной Европы [20].

Ростовский «Центральный кружок» осенью 1884 года подвергся разгрому; был арестован почти весь его состав.

А. Карпенко был арестован в Екатеринославе в 1885 году и умер в ссылке, на Сахалине. Другой видный участник «Центрального кружка»—рабочий В. Кудряшев, после отбывания ссылки вернулся в Ростов и в 90-х годах принимал активное участие в организации социал-демократических кружков.

В 80-х годах прошлого века революционная пропаганда велась не только в Ростове и Таганроге, но и в Азове, Новочеркасске и ряде станиц, главным образом, среди учащейся молодежи.

Обеспокоенные развитием революционной пропаганды, а также и тем, что в покушении на Александра III, вместе с Александром Ульяновым (братом В. И. Ленина), в 1887 году принимал участие студент В. Д. Генералов—донской казак из станицы Потемкинской,—царские власти спешно начали принимать крутые меры. На Дону было создано Областное жандармское управление. Ростов и Таганрог, как промышленные центры, были изъяты из ведения Екатеринославского губернаторства и переданы под управление наказному атаману войска Донского. Окружные Нижне-Чирская и Усть-Медведицкая гимназии, где жандармы обнаружили кружки «революционного направления», были закрыты, а в остальные средние учебные заведения «прекращен прием учеников, не соответствующих по своему положению и воспитанию целям среднего образования» [21]. Одним словом, — «кухаркиным детям» доступ в гимназии и реальные училища закрыли.

О невыносимо душной атмосфере, царившей в те годы в Усть-Медведицкой гимназии, один из крупнейших русских писателей Александр Серафимович в своих воспоминаниях «Как мы читали Карла Маркса» пишет: «Нас душили в гимназии латинским, греческим, законом божьим, давили всем, лишь бы задушить живую душу. Всякую книжку по общественным наукам отнимали, а нас сажали в карцер. И были наши учителя нашими палачами.

Когда мы кончили и ехали в университет, мы, наконец, вздохнули от проклятой жизни. Хотелось знаний, свободы, хотелось общественной работы,—живые ростки все-таки остались в душе, даже палачи не сумели их убить.

Но в Питере оказалось еще хуже,—стояла удушливая тьма самодержавия и в общественной жизни и в университете...».

Однако, ни арестами, ни другими репрессиями царские власти не смогли остановить рабочее движение, не в силах были прекратить пропаганду социалистических идей.

После разгрома в 1884—85 годах рабочие кружки в Ростове временно ослабили свою деятельность и смогли ее возобновить лишь к концу 80-х годов.

Крупную роль в организации рабочих кружков в Ростове в те годы сыграли Н. Мотовилов и Ю. Мельников.

Н. Мотовилов приехал в Ростов в середине 1888 года из Казани, где учился в ветеринарном институте. В декабре 1887 г. он был исключен из института за студенческие «беспорядки», в которых принимал видное участие В. И. Ленин.

В Ростове Мотовилов стал одним из организаторов кружка из рабочих. Он поддерживал связь с Федосеевым—руководителем марксистского кружка в Казани.

Летом 1888 года для организации рабочих кружков и установления связи с Харьковом, в Ростов прибыл Ю. Мельников. Поступив слесарем в Главные мастерские Владикавказской железной дороги, Ю. Мельников стал здесь принимать активное участие в организации кружка рабочих. В этом кружке состоял рабочий Козин И. И. *, ставший в 90-х годах видным деятелем социал-демократического движения на Дону. Ростовский кружок установил связь с рабочим кружком в Таганроге.

К этому времени в Ростов стала поступать марксистская литература, издававшаяся группой «Освобождение труда».

Идеология и тактика народников все больше и больше переставали удовлетворять передовых рабочих. Они искали новых путей, стремились к самостоятельной организации рабочего класса, всё более расходясь и порывая с народническими взглядами.

В Харьковском кружке, по заданию которого Ю. Мельников прибыл в Ростов, подавляющее большинство членов

* Козин Иван Иванович, рабочий Главных мастерских Владикавказской ж. д. В революционное движение вступил в конце 80-х годов. Участник социал-демократического кружка в начале 90-х годов. Один из руководителей стачки 1894 года в Главных мастерских Владикавказской ж. д. в Ростове. За руководство стачкой был арестован и после года предварительного заключения выслан на 4 года в Сольвычегодск. По возвращении из ссылки в 1898 году принимал участие в работе с.-д. организации. По заданию Донкома выезжал в Таганрог и Новочеркасск для работы в с.-д. кружках. В 1899 году снова был арестован и посажен в тюрьму. В 1902 году вернулся в Ростов и принял активное участие в работе социал-демократической организации. За короткую, тридцатилетнюю жизнь, И. И. Козин десять лет провел в тюрьме и ссылке, что подорвало его здоровье. Умер он в октябре 1903 года.

отрицательно относилось к тактике индивидуального террора. Они считали, что «нужно обратить главное внимание на организацию рабочих» [22]. В этом духе Мельников проводил работу и в Ростове.

* * *

Социал-демократические кружки на Дону возникли в начале 90-х годов. В этот период рабочее движение в Донской области нарастало всё больше и больше. Летом 1892 года бастовали шахтеры рудника «Русского общества пароходства и торговли». В январе 1893 года забастовали рабочие металлургического завода в Сулине.

В донесении начальника Областного жандармского управления говорилось: «10 января (1893 г.—**Ред.**) на Сулинском чугунолитейном заводе г. Пастухова... произошла забастовка рабочих пудлингового отделения (около 300 рабочих), принявшая настолько угрожающий характер, что заводская администрация принуждена была выехать с завода, увозя с собой кассу и документы» [23].

В 1894 году произошла большая стачка рабочих железнодорожных мастерских в Ростове.

Наблюдалось сильное недовольство среди рабочих табачных фабрик. Жестокая эксплоатация и бесправное положение толкали рабочих на путь борьбы. Эта борьба проходила в условиях общего подъема промышленности в стране, особенно же,—бурного ее развития на юге.

В начале 90-х годов в Ростове был создан кружок, во главе которого стоял В. Я. Алыбашев, исключенный из Казанского университета за участие в студенческих «беспорядках». Об этом кружке в жандармском донесении говорится, что «кружок Алыбашева состоит из интеллигенции, из служащих на железной дороге, все придерживаются чисто социал-демократических идей» [24].

В 1892 году в Ростове существовало несколько кружков, в которых участвовали Быстрицкая В., Мошицкие Александр и Анна, Козин И. и др.

В 1893 году в Ростов приехал Петр Моисеенко, который был раньше членом «Северного союза русских рабочих», а в 1885 году руководил знаменитой морозовской стачкой. После ссылки Моисеенко переехал на Кубань, но в скором времени его пригласили в Ростов. В своих воспоминаниях Петр Моисеенко пишет:

«...И вот как раз приезжает в Екатеринодар А. Серафимович (писатель.—**Ред.**), потом Мошицкая. Стали они меня звать в Ростов открыть там столярную мастерскую, работу

обещали достать и средства будут понемногу. Обсудили этот вопрос совместно, со всех сторон, и нашли, что это будет самое подходящее для пропаганды и для собраний» [25].

В Ростове Моисеенко организовал столярную мастерскую, которая служила местом встреч революционеров. Он имел большой авторитет среди передовых ростовских рабочих. А. Д. Карпузи, один из участников кружковой работы, пишет о Моисеенко, что «он имел колоссальное влияние на нас всех, как рабочий вождь» [26]. За революционную деятельность среди ростовских рабочих Моисеенко был арестован в марте 1894 года, накануне стачки в Главных железнодорожных мастерских, в подготовке которой он принимал активное участие.

В кружках изучали в основном марксистскую литературу: «Капитал» Маркса, произведения Энгельса, Каутского, Плеханова. Были еще кружки смешанного характера. Участница такого кружка В. Быстрицкая пишет: «Кружок получился смешанный. Торсуев (ее брат.—**Ред.**) уже был знаком с учением Маркса и предложил читать «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханова; Горбунов и Прокофьев стояли за «Экономические записки» Карышева, Михайловского и прочих народников. Торсуев вел непрерывную полемику с народниками» [27].

На примере этого кружка особенно наглядно виден резкий переход рабочих кружков от народничества к марксизму. В кружке велась сильная борьба марксистов с народниками, закончившаяся тем, что народнически настроенные члены кружка, не соглашаясь с марксистами, ушли из него, и кружок стал чисто марксистским.

О борьбе марксизма с народничеством пишет и А. Д. Карпузи. Он указывает, что в начале 90-х годов в Ростове «две группы боролись на идеологической почве: народовольчество и социал-демократия» [28]. К этому времени кружковая работа в Ростове получила довольно широкое распространение.

В жандармском донесении в сентябре 1893 года говорится: «Кружков в настоящее время в Ростове очень много. Лиц, вполне известных своим участием в них и состоящих под агентурным и секретным наблюдением, более 150 человек. И хотя в последнее время в кружках замечается некоторый подъем духа, но острого террористического направления нет и высказываемые единичные мнения в этом смысле общего сочувствия не встречают.

Развитию революционной деятельности пока мешает раз-

розненность кружков, а иногда и взаимный антагонизм. Общей программы еще не выработано» [29].

В 1894 году в Ростове произошла довольно крупная стачка железнодорожников. Ею руководил И. Козин и другие члены с.-д. кружка, существовавшего тогда в железнодорожных мастерских.

В. И. Ленин в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» писал:

> «Со времени основания русской соц.-демократии (1883 г.) русское рабочее движение, при всяком широком проявлении его, прямо сближалось с русскими соц.-демократами, стремилось слиться с ними» [30].

Члены с.-д. кружка в мастерских пользовались у рабочих-железнодорожников большим авторитетом еще до стачки. К ним, как к людям развитым и «начитанным», рабочие обращались по всем, положительно, делам, начиная с житейских неполадок в семье и кончая притеснениями со стороны администрации и политическими вопросами. Когда вспыхнула стачка, члены кружка и стали её руководителями.

Непосредственным поводом к стачке послужил случай кулачной расправы мастера паровозно-сборочного цеха над рабочим и увольнения его из мастерских. Забастовка началась 24 марта.

Сперва забастовали рабочие паровозно-сборочного цеха. 25 марта по случаю праздника мастерские не работали. В течение этого дня члены кружка обошли многие квартиры рабочих, агитируя их присоединиться к забастовавшему цеху. Ими же были выработаны требования рабочих. Основными из этих требований были: 9-часовой рабочий день, увеличение заработной платы всем рабочим на 10%, вежливое обращение администрации с рабочими.

На другой день забастовали рабочие всех цехов.

Стачка встревожила не только местную железнодорожную администрацию и жандармерию, но и министерство путей сообщения. Администрация пыталась прекратить стачку путем запугивания рабочих, но когда ей это не удалось, она предложила стачечникам выделить и прислать своих представителей для переговоров. Делегаты, во главе с И. Козиным, предъявили требования рабочих. Управляющий дорогой заявил, что рабочие немедленно должны приступить к работе, а их требования он пошлет правлению дороги. На это Козин ответил, что рабочие не приступят к работе до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования. Рабочие, узнав о результатах переговоров, решили продолжать стач-

ку и разошлись по домам. Тогда жандармерия вместе с администрацией сделала попытку обезглавить забастовку, и арестовала Козина и других делегатов. Но рабочие, узнав об аресте своих представителей, быстро собрались у мастерских и двинулись в город на выручку их. Перепуганная жандармерия немедленно освободила арестованных и доставила их к мастерским на извозчике, чем и приостановила движение рабочих в город.

В тот же день рабочим было объявлено, что часть их требований удовлетворена, а остальные переданы в специальную комиссию для рассмотрения. Частичным удовлетворением требований рабочих и лживыми обещаниями администрация решила дезорганизовать стачку, внести в ряды бастующих раскол, что ей, в известной мере, и удалось. Рабочие, поверив обещаниям, на другой день стали на работу. Но обещанная комиссия не была создана, требования рабочих никто не рассматривал и никто не думал их удовлетворять.

Поработав два дня и убедившись, что их обманули, рабочие снова забастовали. Возобновление стачки еще больше встревожило министерство путей сообщения и оно прислало в Ростов своего главного инспектора — князя Хилкова, но он ничего не мог сделать. Рабочие продолжали настаивать на удовлетворении своих требований. Стачка продолжалась. Хилков доносил о настроении стачечников министру и, повидимому, предлагал свои услуги в качестве «уговаривающего», на что министр путей сообщения отвечал телеграммами: «Никаких переговоров с рабочими не должно быть, пока они послушно не станут на работу,—только тогда разрешаю приступить к рассмотрению их заявления».

В другой телеграмме министр Кривошеин, щедро бросая угрозы по адресу рабочих, писал: «Объявите моим именем, что которые не выйдут на работу через 24 часа, получат немедленно расчет с воспрещением быть принятыми впредь в какие бы то ни было мастерские на всей сети железных дорог» [31].

Угрозами, провокациями, вторичным арестом Козина и других руководителей стачки упорство рабочих было сломлено. 5 апреля рабочие вышли на работу, получив частичное удовлетворение своих требований.

На развитие рабочего и социал-демократического движения в Ростове, и вообще на Дону, эта забастовка оказала большое влияние.

Впервые за 15 лет, прошедших после стихийного бунта 1879 года, Ростов увидел дружное и организованное выступ-

ление рабочих против своих угнетателей. Рабочие Ростова и всей Владикавказской железной дороги с огромным интересом обсуждали итоги забастовки в Главных мастерских. Проведенная стачка будила мысль рабочих и поднимала их на дальнейшую борьбу.

От появления на Дону первых рабочих организаций до создания марксистских кружков прошло около 20 лет.

Двадцать лет небольшие группы передовых рабочих и революционной интеллигенции Дона, подвергаясь на каждом шагу гонениям и арестам, длительным тюремным заключениям и ссылкам, жадно и упорно искали научную теорию, которая могла бы указать правильный путь борьбы за социализм. Этой теорией явилось учение Маркса—Энгельса. Распространение марксизма среди передовых рабочих Ростова и Таганрога в начале 90-х годов прошлого века привело и здесь, так же как и в других городах России, к образованию социал-демократических кружков, к развитию социал-демократического движения на Дону.

> «Это был еще период возникновения и упрочения в России теории марксизма, идей марксизма, программных положений социал-демократии. Социал-демократия за десятилетие 1884—1894 годов существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков, не связанных или очень мало связанных с массовым рабочим движением. Подобно еще не родившемуся, но уже развивающемуся в утробе матери младенцу, социал-демократия переживала, как писал Ленин, **«процесс утробного развития»** [32].

3. Первый Донком

> «В 1895 году Ленин объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки (их было уже около 20) в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этим он подготовил создание революционной марксистской рабочей партии... Петербургский «Союз борьбы» дал могучий толчок к объединению рабочих кружков в такие же союзы и в других городах и областях России» [33].

В 1895 году существовавшие в Ростове марксистские кружки объединились в марксистскую группу, которая создала руководящий центр — «Донской комитет». Об этом Торсуева писала: «В 1895 г. был организован Донской комитет... В основании его участвовали: Быстрицкая (Торсуева), Мелешко С. и др. Комитет выработал социал-демократическую

программу. При организации районов мы почувствовали, что 5 лет прошедшей работы не прошли даром. Нам удалось организовать 10 кружков по 6 человек в каждом» [34].

Для подготовки пропагандистов — руководителей рабочих кружков, Донком выделил особую группу, с которой проводились систематические занятия. Пропагандисты старательно изучали «Капитал» Маркса, читали некоторые труды Энгельса, Плеханова и книги по истории французской революции. Закончившим программу пропагандистской группы поручалось вести занятия во вновь организованных кружках или в кружках по месту работы пропагандистов. В один из таких кружков, в 1895 году вступил Сергей Иванович Гусев, ставший потом видным деятелем большевистской партии.

О деятельности Донского комитета в 1896 году Торсуева пишет: «Летом работа протекала так успешно, что на встрече нового года, устроенной для подсчета сил, собралось 60 человек организованных рабочих. Из них 20 человек были из кружка пропагандистов, с которыми велась особенно усиленная работа. Каждый из рабочих, пробывший полгода в кружке пропагандистов, был обязан организовать свой кружок на месте работы, в котором он должен был вести пропаганду — читать мелкие брошюры и ряд нелегальных книг, приходивших из Москвы. Комитетчикам, кроме своих кружков, приходилось бывать инструкторами и в других мелких кружках. У рабочих была жажда к самым разнообразным знаниям» [35].

В 1897 году Донком установил связь с Петербургским и Московским «Союзами борьбы за освобождение рабочего класса» и начал получать от них литературу. К этому времени в Ростове была получена работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», сыгравшая большую роль в сплочении Донкома и руководимых им кружков на марксистских позициях. В следующем году Донком своими силами выпустил первомайскую прокламацию, в которой разъяснял ростовским рабочим политический смысл и значение международного пролетарского праздника и призывал рабочих не работать 1 мая. Прокла-
[illegible]ии были распространены среди рабочих, в особенности, в [illegible]дместьях города. Утром 1 мая на лесах строившейся бо[illegible]тяновской церкви развевалось красное знамя с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия! Долой существующий строй!».

Первомайские прокламации и развевавшееся над городом

красное знамя вызвали большое оживление среди рабочих. Начальство подняло на ноги всю полицию и жандармерию. На «удачу» арестовали кое-кого из находившихся тогда в Ростове политических ссыльных. Была вызвана сотня казаков из Новочеркасска.

В том же году Донской комитет получил подкрепление: в Ростов приехали несколько социал-демократов, в том числе вернувшиеся из ссылки В. Кудряшев и И. Козин.

После забастовки 1894 года И. Козин попал в ссылку в Сольвычегодск, где в то время в качестве политического ссыльного находился известный марксист Н. Е. Федосеев, общение с которым помогло Козину пополнить свои знания в области марксистской теории. Находясь в ссылке, Федосеев не прекращал борьбы с народниками и их главарем Михайловским.

В феврале 1895 года, ввиду непрекращающейся травли марксистов со стороны либерально-народнического журнала «Русское богатство», Федосеев написал третье письмо Михайловскому с протестом против травли марксистов и с критикой либерально-народнических взглядов журнала. Это письмо было подписано также И. Козиным.

Возвращение из ссылки опытных социал-демократических деятелей помогло Донкому углубить и расширить подпольную работу. Была улучшена связь с другими городами. Донком командировал в Таганрог Козина для организации там кружков и занятий с ними.

В Сулин была послана с нелегальной литературой Полина Чайченко; в Луганск и Баку были направлены товарищи с целью установления связей; в Новороссийск — для оказания помощи в работе кружков.

Создание «Донского комитета» явилось крупным шагом в развитии социал-демократического движения на Дону. Существовавшие до этого в Ростове разрозненные кружки были объединены и руководились из одного центра. Объединив социал-демократические силы в Ростове, Донком мог больше оказать помощи в пропаганде марксизма кружкам Таганрога, Сулина, Новочеркасска, Новороссийска. К началу 900-х годов Донком стал превращаться в руководящий социал-демократический центр не только для Дона, но и для Кубани.

Марксистские кружки в Ростове, как и в других городах страны, в те годы были чисто пропагандистскими и охватывали небольшой круг передовых рабочих; с массовым рабочим движением кружки были мало связаны.

В середине 90-х годов среди русских марксистов происходили горячие споры о необходимости перехода от пропаганды к агитации.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» под руководством В. И. Ленина первым начал этот переход, первым начал осуществлять соединение марксизма с рабочим движением.

Ю. Мельников — организатор рабочих кружков в Харькове и в Ростове, выступая за переход к злободневной политической агитации, говорил, что «лучше поднять массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж».

Против перехода от пропаганды к агитации многие возражали, считая это ошибочным и опасным шагом, ссылаясь на отсутствие подготовленных кадров, на опасность провала кружков.

В 1898 году часть ростовских марксистов настаивала на переходе от пропаганды к агитации и потребовала от Донкома обсуждения этого вопроса. На состоявшемся собрании В. Кудряшев и его сторонники решительно настаивали на переходе к агитации.

Быстрицкая (Торсуева), представлявшая на этом собрании Донком, пишет, что «массовки были приняты. Агитация отклонена ввиду возможности провала»[36].

Донком начал проводить массовки. За лето в Балабановской роще, за Темерником и за Доном было проведено около 20 массовок, с участием в них от 20 до 60 человек.

Но все же Донком продолжал, главным образом, работу в кружках. За зиму 1898—99 годов было организовано до 20 кружков. Усиление деятельности Донкома вызвало большую тревогу среди ростовских властей. Накануне 1 мая 1899 года жандармы арестовали до 40 человек, в числе которых были 2 члена Донкома. В следующем году, тоже к 1 мая, было арестовано до 60 человек.

Это было сильным ударом по Донкому. Однако, и после этих арестов подпольная работа не приостановилась. Социал-демократическое движение в Ростове к тому времени пустило глубокие корни и никакие усилия жандармов не могли их уничтожить.

Социал-демократические организации в России переживали тогда трудный этап своего развития. Деятельность их осложнялась не только полицейскими преследованиями, но особенно тем, что не было руководства из единого центра, не была еще создана партия.

1-й съезд РСДРП, состоявшийся в 1898 году, этой задачи не смог разрешить.

> «...Несмотря на состоявшийся I съезд, на деле марксистская социал-демократическая партия в России не была еще создана. Съезду не удалось отдельные марксистские кружки и организации объединить и связать организационно. Не было еще единой линии в работе местных организаций, не было программы партии, устава партии, не было руководства из одного центра»[37].

Ввиду этого, Донком попрежнему продолжал вести свою работу обособленно от других местных организаций и только изредка устанавливал связь с некоторыми из них, ибо, не имея руководства из единого партийного центра, трудно было связаться с социал-демократическими организациями других городов и областей. В социал-демократических организациях продолжала господствовать кружковщина, довлели местные, порой весьма ограниченные, цели. Такое положение в партии создавало благоприятную обстановку для идейного разброда и оппортунистических шатаний.

Главным препятствием, мешавшим в те годы созданию единой марксистской партии в России, являлось оппортунистическое течение—«экономизм», нашедшее себе сторонников и среди отдельных членов Донкома.

> «Понадобилось несколько лет напряженной работы Ленина и организованной им газеты «Искра», чтобы преодолеть разброд, побороть оппортунистические шатания и подготовить образование Российской социал-демократической рабочей партии»[38].

ГЛАВА II

БОРЬБА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ДОНА ЗА ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН ПОСТРОЕНИЯ МАРКСИСТСКОЙ ПАРТИИ

1. Роль «Искры» в развитии социал-демократических организаций на Дону. Борьба с «экономистами»

В конце XIX в. в Европе начался промышленный кризис, распространившийся вскоре и на Россию. Вся тяжесть его обрушилась на рабочий класс. Закрывались предприятия. Сотнями и тысячами увольнялись рабочие. За три года кризиса — 1900-1903 — в России было уволено свыше 100 тысяч рабочих. Резко снижалась заработная плата оставшимся на предприятиях рабочим.

В каменноугольной промышленности Донской области в 1902 году рабочих было занято на 11574 чел. меньше, чем в 1901 году. На руднике РОПИТ в 1903 году заработная плата была снижена с 90 до 80 коп. в день; на Таганрогском и Сулинском металлургических заводах в начале 1902 года расценки были снижены на 25% и проводилось сокращение рабочих. При этом, как докладывал «Социал-демократический союз горнозаводских рабочих юга России» II съезду РСДРП, сокращали в первую очередь «более сознательных рабочих» [1].

Массовая безработица, понижение заработной платы привели к тому, что «с наступлением зимы, — писал в «Искру» корреспондент из Таганрога, — Касперовка — предместье, населенное рабочими металлургического завода, имела вид голодающей русской деревни» [2]. Сильно сказался кризис на положении ростовских рабочих. «Рабочих рассчитывали сотнями, — говорится в докладе Донкома II съезду РСДРП, — и в первую голову, конечно, увольняли наиболее сознательные элементы» [3].

Летом 1902 года Донком сообщал в «Искру», что из-за

массовых сокращений он лишился 60—70% организованных, сознательных рабочих [4]. В одних Главных мастерских Владикавказской железной дороги в 1902 году было уволено 306 рабочих. Заработная плата снижалась, а цены на продукты повышались. В Ростове цены на ржаную муку, пшено, гречневую крупу поднялись на 12%. В городе всё больше и больше накапливалось безработных.

> «Промышленный кризис, безработица не остановили и не ослабили рабочего движения. Наоборот, борьба рабочих стала принимать всё более революционный характер. От экономических стачек рабочие стали переходить к политическим стачкам. Наконец, рабочие переходят к демонстрациям, выставляют политические требования о демократических свободах, выставляют лозунг: «Долой царское самодержавие» [5].

На основе роста революционного движения, в первые годы XX века, преодолевая большие трудности, росли и крепли социал-демократические организации на Дону.

После арестов в 1899 году Донком на время перестал существовать. Однако, социал-демократические кружки в Ростове и Таганроге продолжали работать. В 1900 году Ростовским кружком был создан новый Донком.

В докладе Донкома II съезду РСДРП говорится:

«В начале 1900 года этот кружок, объединявший в то время уже несколько десятков рабочих механического производства в Ростове и десяток — другой в Таганроге, получил, с соблюдением надлежащих формальностей, наименование Донского комитета партии» [6].

В начале своей деятельности новый Донком не имел твердой политической линии, среди некоторых его членов было тяготение к «экономистам». В Комитете партии происходила борьба между оппортунистическими и революционными элементами.

Часть членов Донкома стояла только за экономическую борьбу, выступая против политической борьбы и массовой политической агитации. «Вопрос о том, выпускать ли первую прокламацию или нет, дебатировался целых три недели» [7]. И только после такой борьбы прокламация была выпущена.

Когда один из социал-демократов, прибывший в 1900 году из Екатеринослава, предложил Донкому распространить прокламацию политического характера с протестом по поводу предания военному суду нескольких рабочих в Польше (за убийство шпиона, то два члена Донкома не хотели брать прокламации для распространения, «высказывая недовольство

тем, что они написаны ярко политически»[8]. И опять понадобились споры, лишь после которых прокламация была распространена.

В борьбе с «экономистами» внутри Донкома победу одержали революционные марксисты — сторонники перехода к политической борьбе, но с «экономизмом» не было еще покончено.

С мая 1900 года Донком начал выпускать и распространять листовки с призывом рабочих к политической борьбе, с политическими обличениями царизма. Всего было выпущено 6 прокламаций тиражом в 2500 экз. В то же время проводилась работа в кружках, где изучали «Манифест Коммунистической партии», первый том «Капитала» К. Маркса, книгу Ленина «Развитие капитализма в России» и другую марксистскую литературу.

Начавшая налаживаться работа Донкома была снова прервана осенью 1900 года в результате массовых арестов. В течение нескольких месяцев ростовские социал-демократические кружки вновь оказались без руководящего центра. Аресты расстроили и работу кружков. Создать новый Донком удалось в начале 1901 года. При Донкоме тогда имелось 3—4 пропагандиста и 6—7 небольших кружков. Связи с другими социал-демократическими организациями были слабые. Обстановка осложнялась еще и тем, что в условиях промышленного кризиса, в связи с массовым сокращением рабочих, Донком лишился многих социал-демократических активистов.

Однако, и в тех трудных условиях Донком, располагая небольшими силами, начал восстанавливать работу партийной организации. Улучшилась работа кружков, было выпущено 5 прокламаций политического характера.

Длительное время ростовские социал-демократы не имели своей типографии, и прокламации приходилось печатать на гектографе. Наконец, в 1901 году удалось создать подпольную типографию.

Шрифт поручили достать одному рабочему-социал-демократу. «Сначала он хотел поступить в типографию (областную) рабочим, но, осмотревшись на месте, он решил дело сделать скорей. Пробравшись ночью на двор типографии, он влез в форточку, забрал весь набор, до 8 пудов веса, в мешки и вынес его через окно на улицу»[9]. Типографию первоначально поместили в одном хуторе, в 80 км. от Ростова, а в августе 1902 года она была перенесена в Ростов. Создание подпольной типографии дало возможность Донкому приступить к массовому печатанию прокламаций.

Деятельность Донкома и социал-демократических кружков в середине 1901 года опять была расстроена массовыми арестами и высылками.

Оживление в Донской социал-демократической организации наступает лишь в начале 1902 г. Большим событием для социал-демократического движения в Ростове явилось проведение политической демонстрации 19 февраля 1902 года, в годовщину отмены крепостного права.

Несмотря на слабую подготовку, группа организованных рабочих, человек 150, с пением революционных песен и криками «Долой самодержавие!» прошла по улице. Демонстранты несли красное знамя с надписью: «Долой самодержавие». Эта демонстрация, несмотря на её малочисленность, имела большое политическое значение. «Она посеяла такую бодрость и отвагу,—говорится в отчете Донкома II съезду партии,—такое воодушевление и подъем революционной энергии, каких до того не наблюдалось» [10].

После демонстрации, несмотря на аресты, заметно оживилась работа ростовских социал-демократов.

* * *

Решающую роль в сплочении Донкома и социал-демократических групп в других городах Донской области на партийных, марксистских позициях сыграла ленинская «Искра».

Ленин, создавая газету «Искра», ставил перед русской социал-демократией задачу—разбить «экономизм», преодолеть разброд и шатание, объединить вокруг «Искры» разрозненные социал-демократические кружки и группы и создать монолитную партию, вооруженную передовой марксистской теорией, способную руководить рабочим классом в любых условиях.

Выдающуюся роль в деятельности Донкома, в массовой политической агитации и подготовке крупных выступлений ростовских рабочих сыграл С. И. Гусев, прибывший в Ростов из заграницы в качестве агента «Искры».

Еще будучи учеником реального училища, С. И. Гусев принимал в 90-х годах в Ростове деятельное участие в марксистских кружках. В 1896 году, приехав учиться в Петербург, Гусев вошел там в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», созданный В. И. Лениным, и активно в нем работал. В 1897 году он участвовал в мартовской политической демонстрации, после которой вскоре был арестован и сослан в Оренбург.

В середине 1901 года С. И. Гусев приехал в Ростов, вошел в состав Донкома, но, вследствие начавшихся арестов, вскоре вынужден был скрыться. Он уехал заграницу, был в Бельгии и в Германии, где встречался с Лениным, вернулся в Ростов летом 1902 года и возглавил Донком. С. И. Гусев был профессионалом-революционером *.

С приездом его в Ростов, Донком устанавливает прочную связь с «Искрой». С. И. Гусев наладил получение газеты в значительно большем количестве, чем это было до него. Ростовские социал-демократы с огромным вниманием читали и обсуждали каждую статью ленинской «Искры».

«Если кому-либо из нас удавалось узнать,—пишет один из членов Донкома,—что пришел свежий номер «Искры», мы немедленно записывались в очередь на читку. Каждую статью «Искры» читали и перечитывали не только в одиночку, но также разбирали в кружках, при чем всегда происходили самые оживленные прения» [11].

В свою очередь из Ростова начали поступать корреспонденции в «Искру».

В конце лета 1902 года до Ростова дошла книга Ленина «Что делать?» В этом гениальном труде В. И. Ленин подверг сокрушительной критике «экономизм», как оппортунистическое течение в РСДРП, показав его связь с международным ревизионизмом, и дал гениальную разработку идеологических основ марксистской партии.

Ростовские социал-демократы с огромным вниманием изучали знаменитую книгу Ленина.

---

* Гусев С. И. (родился в 1874 г.) — видный большевик. В 1895 г., будучи реалистом, состоял в соц.-дем. кружке в Ростове. В 1896 г. вступил в Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1902 г. член Донкома РСДРП. Принимал участие в руководстве ростовской стачкой 1902 г., а затем в организации мартовской демонстрации 1903 года, после чего уехал в Женеву. Был участником II съезда РСДРП в качестве делегата от Донского комитета и решительно стал на сторону Ленина. После съезда в Ростов не вернулся; по поручению ЦК вел партийную работу в Петербурге, в начале 1905 г., в качестве секретаря Петербургского комитета и Бюро комитетов большинства. Затем был секретарем Одесского комитета РСДРП. В январе 1906 г. переехал в Москву, где был членом Московского комитета РСДРП. Весной 1906 г. ездил в Стокгольм в качестве делегата от московской организации на IV (объединительный) съезд. Подвергался неоднократным арестам и ссылкам. В Октябрьские дни 1917 г. был секретарем Военно-Революционного Комитета Петрограда; с весны 1921 г.— начальником Политуправления и членом Рев. Воен. Совета Республики; с 1923 г.—секретарем ЦК ВКП(б) и членом коллегии НК РКИ СССР. С 1925 г.—заведывал отделом печати ЦК ВКП(б). С 1930 г. работал в Коминтерне. С. И. Гусев умер в 1933 г.

В материалах партийного архива отмечается, что на социал-демократов Ростова очень сильное впечатление «произвела брошюра Ленина «Что делать?», прибывшая... в конце лета 1902 года в двух-трех экземплярах»... Её обсуждали на все лады и зачитывали чуть не до дыр» [12].

Воспитывая партийную организацию на ленинской «Искре» и книге «Что делать?», С. И. Гусев провел большую организационную работу. Было уничтожено двоецентрие: вместо двух комитетов — «рабочего» и «руководящего»,—был создан один; город был разбит на три района (городской, темерницкий и нахичеванский), в которых были созданы районные партийные организации.

При Донкоме была создана пропагандистская комиссия. которой непосредственно руководил С. И. Гусев.

Донком искровского периода развернул небывалую до того времени по размерам и революционной четкости политическую агитацию среди рабочих, в большом количестве распространяя на фабриках и заводах прокламации и листовки, отпечатанные в своей типографии.

В отчете Донкома РСДРП, напечатанном в «Искре» № 37 от 1 апреля 1903 года, сказано: «Донским комитетом РСДРП за 1902 год было издано 45 названий прокламаций в количестве 60.000 экз., из них 2—в феврале, 2—в марте, 5—в апреле, 1—в мае, 12—в сентябре и октябре, до начала стачки, и 23—в течение стачки. Сверх того изданы майские брошюры и брошюра Либкнехта «Пауки и мухи», в 4500 экз. Надо заметить, что до 1902 года, за все время существования местной социал-демократической организации, ею выпущено всего 19 названий в количестве, приблизительно, 10.000 экз.».

В своей работе по снабжению рабочих нелегальной литературой и листовками Донком использовал все возможности и всегда находил подходящие поводы для выпуска прокламаций. Отсутствие элементарных требований охраны труда на заводах и фабриках, грубое обращение мастеров и хозяев с рабочими и работницами, низкая заработная плата, изнурительный 12- и 14-часовой рабочий день—всегда служили злободневными темами для прокламаций.

Обычно Донком начинал свои прокламации с небольших вопросов, которые каждодневно волновали рабочих, и, умело увязывая их с политическими вопросами, объяснял рабочим всю систему капиталистического угнетения и эксплуатации, будил у рабочих классовое сознание, поднимал их на политическую борьбу против царского самодержавия.

Донком искровского периода, разъясняя рабочим, что «ка-

питалисты и царское правительство составляют одну шайку», призывал рабочих на борьбу с этой шайкой, объяснял им в своих прокламациях, что «свобода не придет сама, не спустится с небес. В жестоком бою должны мы завоевать её... наши враги сильны... нам предстоит кровавая борьба, полная лишений и жертв. И для того, чтобы победить в этой страшной борьбе, чтобы завоевать себе свободу и лучшую жизнь, необходимо собрать наши силы, необходимо противопоставить нашим врагам — врагам всего рабочего класса, — стройные, могучие ряды рабочей армии» [13].

Донком четко поставил вопрос о том, что только пролетариат является гегемоном революционного движения. В прокламации «Гражданам всей России», выпущенной в декабре 1902 года, Донком писал, что «политическая тенденция ростовских событий дает лишний повод подчеркнуть первенствующее значение пролетариата в освободительном движении» [14].

В другой прокламации, под названием «Кто придушил нас» Донком разъяснял рабочим, что на данном этапе развития борьбы первоочередной задачей пролетариата является свержение самодержавия. В этой прокламации, напечатанной в январе 1903 года, говорится: «Наш главный враг, которого, прежде всего, нужно уничтожить, — самодержавие, а когда оно будет уничтожено, то мы справимся и с капиталистами».

Донком в духе ленинской «Искры» воспитывал партийную организацию и широкие рабочие массы.

Ставя вопрос о гегемонии пролетариата в революции, Донком в ленинском духе разрешал вопрос о союзнике рабочего класса — о крестьянстве.

Четкое проведение ленинской линии в этом вопросе осуществлялось не только в борьбе с эсерами, но и с оппортунистическими элементами в самой социал-демократической организации, в том числе и в самом Донкоме, в состав которого с августа 1902 года входили: С. И. Гусев, И. Ставский, А. Локерман и др. Комитет по своему составу был неоднороден.

Большинство членов Донкома, во главе с С. И. Гусевым, стояло на ленинских позициях. Между тем, как Локерман тянул в сторону «экономистов», которые отрицали гегемонию пролетариата в революции, не хотели ничего слышать о союзнике пролетариата — крестьянстве, ограничивая борьбу рабочего класса только экономическими требованиями. «Характерно в этом отношении заседание комитета на Зеленом острове,—пишет С. И. Гусев, примерно, в середине лета

1902 года, — и разногласия, которые разыгрались в связи с проектом прокламации, изображавшей всероссийское ограбление рабочих и крестьян капиталистами, помещиками, попами, полицией, чиновниками. Эта прокламация встретила упорное возражение Локермана, утверждавшего, что рабочего ни капельки не интересует вопрос о помещиках и попах, что для него важны и интересны только вопросы о зарплате, рабочем дне и о других экономических требованиях рабочих» [15].

Оппортунисты—будущие меньшевики, возражали против этой прокламации потому, что они были против союза рабочего класса с крестьянством, против гегемонии пролетариата в предстоящей буржуазно-демократической революции.

В упорной борьбе с этими оппортунистами Донком воспитывал партийную организацию в духе ленинских идей. В прокламациях и на сходках Донком неоднократно ставил вопрос о руководящей роли рабочего класса в революционном движении и о союзе с крестьянством. В «Сообщении о работе Донского комитета РСДРП», опубликованном в «Искре», говорится, что «22 февраля комитетом были организованы три сходки рабочих, на которых присутствовало более 400 чел.; на сходках были произнесены речи о падении крепостного права, о предательском характере освобождения, об аграрной программе русской социал-демократии и о пропаганде в деревне» [16].

О самой многолюдной сходке 22 февраля 1903 года, проведенной за Темерником, Донское охранное отделение сообщало:

«На сходке этой рабочим была объяснена выпущенная Донским комитетом 18 февраля прокламация «Предательское освобождение», при чем в резких выражениях порицалось царствование императора Александра II и его августейших преемников, и слушатели призывались к упорной борьбе с самодержавным государственным строем. Далее говорились речи о происходивших в прошлом году крестьянских волнениях и перед собравшимися на сходку развивалась мысль, что у крестьян и рабочих один и тот же непримиримый враг — «самодержавное правительство» и что с наступлением весны, когда крестьяне опять открытым возмущением начнут добиваться «лучшей доли и правды», рабочие должны поддерживать их предъявлением своих требований, всеобщей забастовкой и таким образом пойти рука об руку с крестьянством» [17].

Прокламации Донкома начали проникать в деревню, вызывая оживленные толки среди крестьян. Социал-демократиче-

ская агитация стала проникать и в среду казачества. Донком организовал кружок из казаков [18].

«Организованные рабочие,—докладывал Донком II съезду партии,—завели связи с крестьянством. Пропаганда идей политической свободы усваивалась крестьянами, хотя и с большим трудом. Но все же в темной крестьянской среде проснулось стремление к свету. Крестьяне настойчиво просили книжек, «где говорится про подати да про землю» [19].

Так социал-демократы Дона закладывали основы союза рабочего класса с крестьянством.

Донком проводил разностороннюю пропагандистскую и агитационную работу по внедрению социалистического сознания в рабочие массы. Он, в частности, уделял большое внимание национальному вопросу и, особенно, разоблачению антисемитизма, ядом которого царские власти стремились отравить сознание отсталых рабочих и мелкобуржуазных слоев городского населения.

Накануне 1-го мая 1903 года ростовская полиция организованно повела травлю евреев, намереваясь по кишиневскому «образцу» устроить еврейский погром. Донком в особой листовке «Береговым рабочим» (рабочим порта), среди которых полиция повела погромную антисемитскую агитацию, писал:

«Полиция повсюду старается уговорить вас, что главный наш враг — еврей, что нужно устроить еврейский погром, как было в Кишиневе. Но вы не станете слушать полицию. Полиция — исконный наш враг, боится нашей мести и, опасаясь, что первого мая ростовские рабочие будут бить полицию, старается свалить вину с больной головы на здоровую, хочет натравить нас на несчастных евреев. Не верьте полиции! Ваш враг — ваши хозяева. Страшное преступление совершил в Кишиневе темный народ; вы, ростовцы, поняли это и не будете бить евреев. Ведь еврейские рабочие заодно с русскими борются с хозяевами и правительством, устраивают стачки. Вместе с христианами они повсюду празднуют Первое мая. Нет, товарищи, евреи наши союзники! А хозяева и правительство — общий враг всех рабочих, без различия веры» [20].

В прокламации «Ко всему народу» Донком, наряду с другими вопросами, опять разоблачал подлую политику царского правительства, политику разжигания национальной розни.

Таким образом Донком воспитывал рабочих и трудящиеся массы в духе интернациональной солидарности и тесного объединения рабочих всех национальностей для борьбы против царизма, для борьбы за социализм.

Еще с конца 90-х годов Ростов стал приобретать значение

социал-демократического, революционного центра не только для Донской, но и для Кубанской области.

Донком РСДРП оказывал большую помощь социал-демократам в Таганроге, Новочеркасске, Сулине, Александровске-Грушевском и на Кубани — в Армавире, ст. Тихорецкой, Екатеринодаре (ныне Краснодаре) и Новороссийске. Во всех этих городах распространялись листовки Донкома, туда направлялись пропагандисты для занятия в кружках, оказывалась помощь нелегальной литературой и т. д.

В отчете Донкома II съезду РСДРП говорилось, что в 1901 году члены комитета почти еженедельно ездили для занятия с кружками в Таганрог, Сулин, Новочеркасск и нередко — в Александровск-Грушевский и Екатеринодар. При помощи Донкома были созданы социал-демократические группы и кружки в Таганроге, Сулине, Александровске-Грушевском и в Новороссийске.

В июле 1902 года «Искра» писала: «Прокламации Донского Комитета в этом году распространялись, помимо Ростова и Нахичевани, — в Таганроге, Новочеркасске, заводе Пастухова при ст. Сулин, в Александровске-Грушевском и окружающих его шахтах, Новороссийске и Армавире. Везде прокламации вызывали, по большей части, восторженные приемы. Шахтеры, среди которых прокламации появились впервые, собрали между собой несколько рублей на покупку «писем». В Сулине рабочие собирались группами, читали прокламации и кричали «ура» [21].

И всюду, куда только проникали прокламации Донкома, они находили благоприятную почву. В одном месте прокламации впервые открывали глаза рабочим и пробуждали у них классовое сознание, в другом — поднимали рабочих на организованные коллективные выступления — стачки и демонстрации.

Социал-демократические кружки в Таганроге начали зарождаться в конце 90-х годов. Один из таких кружков существовал на металлургическом заводе. При помощи Донкома деятельность этого кружка расширялась, и в 1901 году в Таганроге уже оформляется социал-демократическая группа.

С начала 1901 года в Таганрог стала поступать ленинская «Искра». Участники таганрогских социал-демократических кружков пишут, что они с жадностью читали призывы «Искры» к борьбе, к действию. «Искра» стала властителем их дум. Таганрогская социал-демократическая группа приняла активное участие в первом массовом выступлении рабочих металлургического завода, владельцы которого, ввиду про-

мышленного кризиса, объявили накануне нового года о сокращении расценок на 25% и об увольнении с 1 января 1902 года 200 рабочих.

Забастовка началась 29 декабря 1901 года (по ст. стилю) с доменного цеха; к рабочим-доменщикам присоединились листопрокатчики и рабочие других цехов, в общей сложности—до 1500 чел. [22]. Рабочие требовали не понижать расценок и не увольнять рабочих.

Среди металлургов была распространена листовка, выпущенная Таганрогской группой социал-демократов, с призывом присоединиться к бастующим. Для подавления забастовки администрация завода вызвала полицию и войска. Начались аресты, в результате которых было «изъято» 30 чел. Часть рабочих, запуганная администрацией, приступила к работе. Вмешательство полиции, репрессии, при слабой организации стачки, привели 1 января 1902 года к её прекращению. Расценки были снижены на 25%, но от увольнения 200 рабочих администрация завода все же вынуждена была отказаться.

И хотя забастовка закончилась не совсем удачно, деятельность социал-демократов после забастовки стала более заметной; они теснее связывались с рабочими и расширяли свою агитацию на предприятиях. Рос и состав группы. В сентябре 1902 года был создан первый Таганрогский комитет РСДРП.

Таганрогская социал-демократическая организация все более сплачивалась на марксистских позициях вокруг ленинской «Искры». К концу лета 1902 года в Таганрог пришла книга В. И. Ленина «Что делать?» Она имела для таганрогских социал-демократов, как пишет один из них, «определяющее значение в вопросах борьбы между «экономистами» и «искровцами» [23].

Донком также содействовал возникновению социал-демократического кружка в 1901 году в Сулине, на металлургическом заводе.

Рабочие Сулинского завода, расположенного в степи, вдали от крупных городов, состояли в большей части из крестьян центральных губерний, и в своем политическом развитии отставали от рабочих Ростова и Таганрога. Небольшой социал-демократический кружок оказывал в первые годы слабое влияние на трехтысячный коллектив рабочих. Всем этим и объясняется стихийный характер выступления рабочих в феврале 1902 года, спровоцированного администрацией завода.

27 января 1902 года администрация объявила рабочим о снижении расценок на 25%. Рабочие прокатного цеха, узнав

об этом, прекратили работу, но после объяснения с директором, обещавшим переговорить по этому вопросу с хозяином завода, вновь приступили к работе. Однако, 18 февраля начальник прокатного цеха, под предлогом «плохой прокатки железа», отказался платить почти за половину выработанной продукции. Тогда рабочие прекратили работу. Обозленный этим начальник цеха в объяснениях с рабочими толкнул одного из них в грудь. В ответ на это рабочий ударил инженера, а последний выхватил револьвер, выстрелил в рабочего, ранил его в руку и сбежал [24]. Рабочие были крайно возмущены диким произволом начальника цеха. На другой день рабочие прокатного цеха не вышли на работу, требовали удаления инженера с завода и призывали рабочих других цехов последовать их примеру. Когда рабочие в количестве более тысячи человек подошли к мартеновскому цеху, то помощник начальника этого цеха произвел в толпу два выстрела, ранил одного рабочего и скрылся [25]. Возмущенные рабочие с криками — «инженеры нас бьют!», «в нас стреляют!»—ринулись в контору и, не найдя там административных лиц, которые всегда плохо обращались с рабочими, бросились в их дома, побили окна, поломали в некоторых квартирах мебель и т. д. Сознательные рабочие пытались остановить возбужденную толпу, не допустить этих действий, но им это не удалось. Выпив свой гнев, рабочие разошлись по домам. Вызванная полусотня казаков помогла полиции арестовать «бунтовщиков». Арестовано было 36 чел. 20 февраля рабочие возобновили работу.

Эти события многому научили сулинских рабочих. Они показали им, что стихийными, неорганизованными выступлениями, какими бы грозными они ни были, рабочие не добьются успеха. Рабочие усваивали ту истину, что сила пролетариата в его сплоченности, организованности, в сознательной борьбе, но—не с произволом отдельных «плохих» администраторов (и, тем более,—не в разрушении квартир особо ненавистных слуг заводчиков), а в борьбе со всеми существовавшими помещичье-капиталистическими порядками, на защите которых стояло царское самодержавие.

После февральского выступления на Сулинском заводе усилилась социал-демократическая агитация, встречавшая все большее сочувствие среди рабочих.

С образованием «Социал-демократического союза горнозаводских рабочих юга России», в силу договора с Донкомом, весной 1903 года социал-демократические организации Таганрога, Александровск-Грушевского угольного района и Сулина перешли в ведение «Союза», хотя и после этого Дон-

ком снабжал социал-демократические организации этих мест литературой, в особенности прокламациями. В 1904 году, ввиду арестов руководителей «Союза горнозаводских рабочих», его функции на время снова перешли к Донкому.

Донком много уделял внимания работе среди учащейся молодежи. Разрозненные кружки учащихся в Ростове, Таганроге и Новочеркасске были объединены в «Южно-русскую группу учащихся», проведшую свой 1-й съезд в августе 1902 года.

В эти годы, под влиянием роста рабочего движения, росло движение также среди студенчества и учащихся средних учебных заведений. В важнейших городах страны возникли революционные организации учащихся средних школ: «Киевское центральное отделение объединенных организаций и кружков», «Харьковский союз учащихся», «С.-Петербургская организация» и «Союз молодежи». Из всех организаций учащейся молодежи самой революционной и выдержанной в марксистском духе явились «Южно-русская группа учащихся» с центром в городе Ростове и присоединившийся к ней «Харьковский союз».

«Южно-русская группа учащихся», объединявшая в 1903 году до 40 кружков и 500 учащихся Ростова, Таганрога, Новочеркасска, Армавира, Екатеринодара и др., работала под руководством Донкома РСДРП. Она была тесно связана с «Искрой»; в кружках изучали теорию марксизма, распространяли «Искру» и др. нелегальную марксистскую литературу.

В своем стремлении усилить социал-демократическое влияние среди учащихся, Донкому приходилось вести упорную борьбу с эсерами и либералами, стремившимися ограничить деятельность молодежных организаций только «борьбой за академическую свободу» и выступившими против распространения марксизма среди них. Вместо научной марксистской идеологии, эсеры распространяли среди учащихся мелкобуржуазные взгляды, прикрытые «социалистическими» фразами.

В полемике с эсерами «Южно-русская группа учащихся» твердо стояла на марксистских позициях. Об этом свидетельствует и программа, принятая на II съезде «Южно-русской группы» в 1903 году.

Решительно выступая против буржуазных либералов, мечтавших о конституции, дарованной царем, и против эсеров, затемнявших «классовое самосознание русского пролетариата», съезд «Южно-русской группы учащихся» признал «неотложной необходимостью пропаганду среди молодежи принципов пролетарского социализма, единственной носительницей

которых, по убеждению съезда, является Российская социал-демократическая рабочая партия» [26].

Деятельность «Южно-русской группы учащихся», её политическая линия, а также борьба с эсерами и либералами вызвали на страницах «Искры» полное одобрение В. И. Ленина.

Обращение 1-го съезда «Южно-русской группы учащихся» «К учащимся средних школ», в котором говорилось о воспитании из молодежи революционных борцов, способных по выходе из школы «смело, без страха и сомнения, вступить в ряды активных борцов святого воинства свободы под гордо развевающиеся красные знамена Российской социал-демократии», было опубликовано в «Искре» со следующим наказом В. И. Ленина революционной молодежи:

«Приветствуя от всей души энергичный почин учащихся, мы, со своей стороны, дадим им такой товарищеский совет. Старайтесь сделать главной целью своей организации самообразование, выработку из себя убежденных, стойких и выдержанных соц. демократов. Отделяйте возможно более строго эту крайне важную и необходимую подготовительную работу от непосредственной практической деятельности. Старайтесь при вступлении (и до вступления) в ряды действующей армии завязать самые тесные (и самые конспиративные) сношения с местными или обще-русской соц.-дем. организацией, чтобы вам не пришлось приступить к делу в одиночку, чтобы вы могли начинать уже не с начала, а продолжать сделанное раньше, становиться сразу в ряды и шеренги, двигать вперед движение, поднимать его на высшую ступень» [27].

Влияние Донкома и его авторитет особенно выросли в результате знаменитой ноябрьской забастовки 1902 года, когда, по его призыву, поднялись на борьбу не только рабочие Ростова, но и ст. Тихорецкой и Новороссийска.

2. Ростовская стачка 1902 года. Демонстрации в Ростове и Таганроге в 1903 году

К осени 1902 года на Дону все более нарастало недовольство рабочих, особенно, в Главных мастерских Владикавказской железной дороги, являвшихся тогда самым крупным предприятием в Ростове.

В первой половине октября Донком обратился с прокламацией «Ко всем рабочим Главных мастерских Владикавказской дороги». В кратких и сильных словах, обрисовав бесчеловечную эксплоатацию и издевательство администрации, царившие в мастерских, прокламация призывала рабочих к забастовке. В заключение в прокламации говорилось:

«Товарищи, помните, что нам предстоит великая борьба за наше освобождение, помните, что для этой борьбы нужны мужественные люди, умеющие смело и стойко защищать свои права, свою честь, свое достоинство. Холопы и лакеи не нужны нам. Пусть холопы холопствуют, мы же будем вести постоянную борьбу—каждый день, каждый час стоять за наши права! Вперед, товарищи, в борьбу! Долой холопство! Да здравствует борьба! Да здравствует стачка! Долой мерзавцев — мастеров! Да здравствует свобода! Да здравствует великий союз рабочих — Российская социал-демократическая рабочая партия» [28].

2 ноября администрация мастерских без всякого предупреждения объявила рабочим котельного цеха о снижении расценок за уже выполненную работу. Это и явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения. По призыву Донкома 4 ноября забастовали все рабочие мастерских. В выпущенной в тот же день прокламации Донком писал:

«Стачка объявлена, теперь мы ни на одну минуту не должны забывать, что от нас самих зависит успех. Стойко, спокойно мы должны держаться наших требований... Борьба началась. Отступление невозможно. Докажем всем притеснителям нашим, что мы умеем твердо стоять за наше право» [29].

В той же прокламации излагались требования рабочих. Главные из них: 9-часовой рабочий день, повышение расценок, повышение жалованья на 20%, полная отмена всех штрафов, удаление особенно ненавистных мастеров и вежливое, человеческое обращение мастеров с рабочими, устройство бесплатной школы для детей рабочих, увеличение заработной платы чернорабочим до рубля в день и другие. Всего было выставлено 25 различных экономических требований.

Забастовка в железнодорожных мастерских послужила сигналом для рабочих других предприятий. Забастовали рабочие депо, завода «Аксай», табачных фабрик, завода Пастухова и др. Стачка охватила почти всех рабочих Ростова. Началась полоса митингов, проходивших под руководством Донкома в Камышевахской балке на Темернике. Ростов стал неузнаваем. С раннего утра тысячи рабочих шли на митинги. В отдельные дни в митингах участвовало от 20 до 30 тысяч человек. Представители Донкома в своих выступлениях разъясняли рабочим, почему необходимо вести не только экономическую, но и политическую борьбу.

Вмешательство царских властей, запретивших администрации Владикавказской дороги идти на какие-либо уступки, и посыпавшиеся на голову рабочих репрессии как нельзя луч-

ше подтверждали слова социал-демократов о необходимости политической борьбы, о необходимости борьбы за свержение царизма.

Стачка экономическая превратилась в политическое выступление рабочих.

Когда 6 ноября на митинге пытался выступить жандармский ротмистр, ему не дали говорить. Его голос потонул в мощном протесте рабочих: «Долой жандармов!», «Долой самодержавие!». Жандарм ушел с митинга осмеянный и освистанный рабочими.

Огромные собрания под открытым небом, с откровенными речами на политические темы в то время были до того необычными не только для Ростова, но и для всей России, что на них стало стекаться окрестное население и даже приезжие из других городов. Ростовчане всячески стремились принять участие в этих собраниях и жадно выслушивали политические речи ораторов. Против были только фабриканты да купцы.

В первые дни забастовки ростовские власти не в состоянии были разогнать митинги. Пока стягивались в Ростов казачьи части, полиция пыталась распространять среди рабочих брошюру генерала Богдановича «Душевное слово к рабочим», в которой, в духе зубатовщины, рабочие призывались не слушать социалистов, а верить царю-батюшке, но рабочие рвали эту «литературу» и с нетерпением ожидали прокламаций Донкома, распространявшихся в те дни в тысячах экземпляров.

Атмосфера в Ростове все более и более накалялась. Голос ростовских рабочих эхом разносился по всей необъятной стране. Когда в Ростов были стянуты казачьи части, власти решили пустить в ход военную силу.

11 ноября на рабочих, собравшихся на свой очередной митинг, напали казаки и стали стрелять. Рабочие отбивались камнями, палками, и всем, что попадалось под руку. Казаками было убито 6 и ранено 12 рабочих.

На следующий день рабочие в количестве до 18 тысяч человек вновь собрались на митинг и снова произошла схватка с казаками и полицией. Несмотря на репрессии, невзирая и на то, что рабочие городских предприятий возобновили работу, железнодорожники продолжали бастовать до 25 ноября. Против рабочих были приняты репрессивные меры: от арестов и выселения их из железнодорожных квартир, вплоть до высылки большого количества рабочих за пределы Ростова. Полиция обходила квартиры и силой заставляла рабочих выходить на работу. В свою очередь, начальник мастерских зая-

сил о том, что как только рабочие прекратят забастовку и приступят к работе, их требования, за исключением 9-часового рабочего дня и отмены штрафов, будут удовлетворены. Стачка закончилась.

Ростовские события имели большое значение не только для рабочих Ростова, но и для всего рабочего класса России. Ростовские рабочие за время стачки в политическом отношении значительно выросли.

Социал-демократическая организация завоевала огромный авторитет и популярность среди рабочих.

«В начале 1902 г., т. е. до забастовки, — пишет один из участников ростовских событий, — среди рабочих масс про социалистов ходили самые нелепые рассказы. То их называли поджигателями, цареубийцами, то сравнивали с головорезами, разбойниками, то, наоборот, говорили, что они совсем особые люди, чуть ли не обладающие шапкой-невидимкой, и что их целью является помочь беднякам. После ряда открытых митингов в Темерницкой балке, происходивших во время стачки, положение дел стало совершенно ясным: в социал-демократах видели твердых защитников интересов рабочего класса...

О Донском Комитете стали говорить: «Наш рабочий комитет» [80].

Ростовские события, о которых через легальную и, особенно, нелегальную печать узнали рабочие всей России, вызвали среди них большое воодушевление.

В Новороссийске и на ст. Тихорецкой под влиянием ростовских событий в ноябре 1902 года также происходили забастовки.

Листовки о ростовских событиях выпускали многие социал-демократические организации в России. В своем воззвании Донком писал, что «отовсюду: из-за границы, из Сибири, из Петербурга, Екатеринослава, Воронежа — наши товарищи шлют нам привет и собирают деньги для пострадавших» [31].

Один из видных современников ростовской стачки С. Черномордик, работавший в то время в Московской социал-демократической организации, пишет, что «у активных участников с.-д. движения того времени никогда не изгладятся из памяти те незабываемые дни, когда ростовские рабочие, под руководством Донского комитета РСДРП, в течение трех недель были хозяевами города и фактически ввели свободу рабочих собраний; когда революционные речи на Темернике эхом разносились по всей России, вызывая политическое пробуждение рабочих масс. Для нас, активных участников социал-демокра-

тического движения того времени, наступило, наконец, долгожданное время, когда рабочий класс обнаружил непреклонную волю повести решительную борьбу со всеми классовыми врагами за свое освобождение, когда он показал свою способность и готовность стать гегемоном в предстоящей революции» [32].

Высоко оценивая значение событий в Ростове, Ленин организовал в «Искре» всестороннее, по условиям того времени, освещение ростовской стачки. Им была написана статья— «Новые события и старые вопросы», специально посвященная стачке. Ленин писал, что только такие массовые движения «заслуживают названия *действительно революционных* актов и способны внушить действительное ободрение тем, кто борется за русскую революцию» [33].

Ленин определил историческое место ростовских событий в новейшей истории рабочего движения в России. Если в 1896 году петербургские рабочие положили прочное основание стачечному движению по всей России, а в 1901 году начинается демонстрационное движение, то в ростовских событиях «пролетариат завоевывает для себя и для революционных социал-демократов *своего* комитета свободу массовых уличных собраний. Пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству» [34].

Организовавшаяся в 1902 году мелкобуржуазная партия социал-революционеров (эсеры) пыталась, воскрешая старые, обветшалые народнические теории и тактику индивидуального террора, отвлечь внимание рабочих от массовой революционной борьбы. Ростовская стачка нанесла эсерам серьезный удар.

Ленин в указанной выше статье писал, что ростовские рабочие своей массовой политической борьбой «... показывают воочию всю нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народовольчество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками» [35].

Ростовские рабочие своим массовым политическим выступлением, организованным Донкомом, нанесли сокрушительный удар по «экономистам», отрицавшим, правда, к тому времени уже в скрытой форме, необходимость политической борьбы для рабочего класса, считавшим, что партия не должна быть руководящей силой рабочего движения, и на все лады восхвалявшим и преклонявшимся перед стихийностью движения рабочего класса.

Ростовские рабочие своим массовым политическим высту-

плением под лозунгом «Долой самодержавие!», нанесли в то же время сокрушительный удар по зубатовщине, показав всю тщетность попыток царизма увлечь рабочих «полицейским социализмом».

И, наконец, подводя итоги ростовским событиям, говоря о том, что финал их — расстрел рабочих и столкновение с войсками—наводит на мысль о восстании, Ленин писал:

> «На событиях такого рода мы действительно наблюдаем воочию, как всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но также и как неизбежный, практически-естественный, *следующий* шаг самого движения, как результат растущего возмущения, растущего опыта, растущей смелости масс, получающих такие ценные уроки, такое великолепное воспитание от русской действительности» [36].

По окончании стачки Донком выпустил прокламацию «К гражданам всей России», в которой дал политический анализ происшедшим событиям. В прокламации сказано: «тысячи рабочих, до того слабо затронутых пропагандой, воочию убедились в истинном значении самодержавного строя и до боли осязательно почувствовали насущную потребность политической свободы» [37].

В другой прокламации Донской комитет разъяснял рабочим, что до тех пор, пока будут существовать царское правительство и капиталисты, рабочих всегда будут угнетать, эксплоатировать, расстреливать. Прокламация, ободряя рабочих, призывала их к дальнейшей беспощадной борьбе против самодержавия и капитализма.

«Первое сражение кончилось, — говорилось в прокламации, — но борьба загорится вновь. Но разница между нами и нашими врагами та, что мы после каждой борьбы выходим все более сильными, а они с каждым разом слабеют» [38].

Еще как следует не улеглось возбуждение, вызванное ноябрьскими событиями, как опять с новой силой на всю страну прозвучал голос ростовских рабочих.

Репрессии, посыпавшиеся на них вслед за подавлением стачки, в условиях подъема революционного движения приводили к прямо противоположным результатам для царских властей. Настроение у рабочих было приподнятым, боевым.

«Рабочие страстно ищут подходящей формы, —писали из Ростова в «Искру», — для того, чтобы целесообразно излить свое возмущенное чувство. Все говорят о необходимости повторить осенние события» [39].

Донской комитет РСДРП, авторитет которого среди рабочих был очень высок, являлся единственной в Ростове революционной организацией, стоявшей во главе ростовских рабочих.

После знаменитой стачки, когда Ростов стал «в моде», туда понаехали социалисты-революционеры (эсеры), которые намеревались использовать в своих целях чужой политический капитал. Но Донком вовсе не считал нужным делить с кем бы то ни было руководство рабочим движением. Донком повел решительную борьбу против эсеров, разоблачая на сходках и в прокламациях оппортунистический и буржуазный характер этой партии.

Об одной такой сходке «Искра» писала:

«На последней сходке оратор знакомил рабочих с пресловутой партией социалистов-революционеров, указывал рабочим на оппортунистический и буржуазный характер программы «неуловимых» социал-революционеров, и в заключение своей речи оратор указал те позиции, на которых должны стоять рабочие по отношению к социал-революционерам, которые для рабочих должны являться не идейными союзниками, а идейными противниками, пренебрегающими их классовыми интересами и затемняющими их социальное сознание посредством «неуловимого» террора и тех жалких оппортунистических потуг, которые именуются у соц. рев. революционной программой. Речь эта на рабочих произвела громадное впечатление» [40].

Увидя безнадежность своей затеи, — завоевать влияние среди рабочих, — эсеровские гастролеры вынуждены были убраться из Ростова.

* * *

Зимой 1903 года Донской комитет РСДРП, учитывая настроение рабочих, решил провести массовую политическую демонстрацию и приступил к ее подготовке.

2 марта, в воскресенье, в Темерницкую балку, где собралось много рабочих посмотреть да и принять участие в традиционном кулачном бою, явились также, по предложению комитета, рабочие-социал-демократы. Выступивший представитель Донкома призвал всех собравшихся, вместо бессмысленных «кулачек», двинуться в город и предъявить царскому правительству и капиталистам пролетарские требования. Вслед за тем появились красные флаги, и рабочие всей массой двинулись в город. Когда демонстранты вышли на главную улицу (б. Садовая), их ряды составляли несколько тысяч

человек, а вместе с большими толпами сбежавшегося населения и с гуляющей публикой скопилось несколько десятков тысяч человек. Улицы Ростова потрясались громовыми криками: «Долой самодержавие!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!», «Да здравствует свобода!». Один из участников демонстрации писал в «Искру», что эти крики очень напоминали возгласы: «К Бастилии!» [41].

Вначале полиция не в состоянии была справиться с демонстрацией. Рабочие разгоняли немногочисленные отряды полицейских. Произошло несколько стычек, в результате которых был смертельно ранен пристав. Но так как к полицейским нарядам спешили на помощь казачьи части, то руководители демонстрации дали сигнал расходиться. Казаки плетками разогнали рабочих.

Организационный комитет по созыву II съезда партии писал по поводу ростовской демонстрации: «Донской комитет может праздновать еще одну крупную победу» [42].

В своей новогодней листовке, выпущенной в конце декабря 1903 года, Петербургский комитет РСДРП, касаясь ростовской демонстрации, указывал, что «В Ростове—наши красные знамена высоко развевались над громадой и далеко возвещали близкий час восстания рабочего люда против своих угнетателей. То был трубный глас, созывающий борцов за общее дело, за народное дело» [43]. Ростовская демонстрация, несомненно, послужила толчком для мощной забастовочной волны в Закавказье и на Украине летом 1903 года.

Царские власти от повторного крупного политического выступления ростовских рабочих пришли в бешенство. Они решили положить конец этому. В этих целях арестованные 23 участника мартовской демонстрации были преданы военному суду, состоявшемуся в августе 1903 года в Таганроге. Проводить судебный процесс в Ростове царские власти опасались.

На этом конкретном примере Донком разъяснял рабочим, какую силу представляет организованный пролетариат, если царские власти, опирающиеся на полицию и войско, боятся судить демонстрантов в Ростове.

«Приближался день суда (17 августа 1903 г.),—читаем мы в материалах партархива,—Донской комитет развил среди ростовских и таганрогских рабочих большую агитацию, выясняя в ней политическое значение как демонстрации, так и расправы с ее участниками. И, надо сказать, что эта агитация попала на очень благоприятную почву: у здания суда собралась внушительная толпа рабочих, которые своими воз-

гласами выражали сочувствие арестованным товарищам. Полиции пришлось вызвать усиленные отряды казаков. Наиболее важных из «преступников» возили на суд на извозчиках под усиленным конным конвоем»[44]. При доставке подсудимых из тюрьмы в окружной суд и обратно, дважды в день, на улицах города собирались огромные толпы народа, из рядов которых раздавались возгласы приветствия по адресу арестованных.

Судебный процесс над участниками ростовской демонстрации оказал огромное влияние на политическое развитие таганрогского пролетариата. Он, судебный процесс, пробудил у передовых рабочих интерес к политическим вопросам, к политической борьбе и создал благоприятную обстановку для успешной деятельности социал-демократов.

Во время процесса рабочие котельного завода устроили у тюрьмы демонстрацию, для разгона которой были вызваны казаки.

После агитационной работы, проведенной во время судебного процесса, Таганрогская социал-демократическая группа решила, по примеру Ростова, организовать в Таганроге политическую демонстрацию, приурочив ее к годовщине ростовской стачки 1902 года и к моменту призыва новобранцев в армию. Донком снабжал Таганрогскую партийную группу нелегальной литературой, которую она распространяла среди рабочих. Одновременно партгруппа успешно проводила устную агитацию на заводах, а также на загородних массовках, проводившихся каждую неделю. Члены социал-демократической организации привлекали на массовки сознательных и сочувствующих революционному движению рабочих.

Таким образом в Таганроге в течение трех-четырех месяцев велась усиленная подготовка массового политического выступления рабочих. Было решено демонстрацию начать в центре города, на Петровской улице, и продолжать шествие по направлению городского сада.

9 ноября, в назначенный час, когда на Петровской улице было много гуляющих и новобранцев, в толпе взвилось красное знамя, и поднятый на плечи оратор произнес речь. Через некоторое время в толпу демонстрантов врезались полицейские, пытавшиеся вырвать знамя, но это им не удалось. Демонстранты, отбив нападение полиции, запели «Варшавянку» и двинулись к памятнику Петру I, где была произнесена вторая краткая речь. Но тут усиленному наряду полиции удалось разогнать демонстрацию.

Рабочее движение на Дону, как и по всей стране, в пер-

вые годы XX в. становится массовым и, под руководством социал-демократических организаций, принимает боевой, политический характер.

Рабочее движение России в ростовской ноябрьской стачке и мартовской демонстрации поднялось на более высокую ступень. Впервые в истории всероссийского рабочего движения ростовские рабочие применили такой метод борьбы, как общегородскую забастовку, принявшую ярко выраженный политический характер. Да и по размаху массовой политической борьбы за весь предыдущий период в российском рабочем движении не было более крупных выступлений, чем в Ростове.

Ростовская стачка 1902 года и мартовская демонстрация 1903 года были крупными политическими событиями в истории революционного движения в России, они были грозными предвестниками революции 1905 года.

3. Донком на II съезде РСДРП

Донской комитет РСДРП своей упорной борьбой с оппортунистическими элементами внутри комитета, умелым руководством массовыми политическими выступлениями рабочих сплотил Ростовскую социал-демократическую организацию на позициях ленинской «Искры» и стал одним из влиятельных комитетов в Российской социал-демократической рабочей партии.

В. И. Ленин одобрительно отзывался о деятельности Донкома в 1902 и в начале 1903 годов.

Отстаивая ленинский план построения марксистской партии, считая необходимым ускорить созыв II съезда РСДРП, Донком в начале 1903 года обратился с воззванием «Ко всем социал-демократическим организациям России», в котором писал:

«Товарищи! Теоретическая приниженность программы, беззаботность и организационный разброд—составили длинный, смутный период в жизни нашей партии. Полная разобщенность социал-демократов и отсутствие центральной руководящей группы исключали всякую преемственность в революционной деятельности, порождали пренебрежение к вопросам теории, суживали кругозор отдельных практиков-товарищей. В связи с частыми провалами, это приводило к измельчанию типа революционера, к забвению, извращению и игнорированию руководящих начал социал-демократической доктрины, поселяло и узаконяло младенческие формы деятельности и примитивные формы борьбы.

При таких условиях истинно революционные социал-демократы, естественно, должны были выделиться, чтобы очистить прекрасную, но засоренную ниву, чтобы начать беспощадную борьбу с шатаниями теории и хаосом практики.

Естественно, что они должны были выставить девизом: кто не за нас, тот против нас. И этот боевой клич раздался со страниц «Искры»... Он заставил многих товарищей, плывших по течению, остановиться, забыть программное легкомыслие и отрешиться от взгляда на социал-демократическое движение—«с точки зрения своего прихода»... Принципиально выдержанная, чуждая неуверенности и колебаний—«Искра» значительно способствовала уменьшению царившего сумбура. Как врач и друг, она вскрыла самые тяжкие наши язвы...

Со своей стороны, мы солидарны с «Искрой» и «Зарей» по всем вопросам программы, тактики и организации и признаем их своими руководящими органами, а «Лигу русско-революционной социал-демократии»—нашим заграничным представителем. Независимо от этого, мы признаем жгучую необходимость созыва партийного съезда.

Товарищи! Наблюдая жизнь у «источников» её, мы видим, как стихийный подъем революционных сил опережает рост организации, как немощна социал-демократия для того, чтобы углубить и использовать революционную энергию пролетариата, превратить назревающий смутный дух мятежа в ясное классовое сознание. Бесспорно, что героические усилия разрозненных «кустарей» ни к чему не приведут, и эту великую и сложную задачу может взять на себя только централизованная партия, могучая своим единством, несокрушимая своей теоретической устойчивостью, дисциплинированная и стройно сорганизованная. Неумолимая логика каждого нового факта нашей старой неподготовленности неизбежно приводит к этому выводу. И мы присоединяем свой скромный голос к хору голосов, взывающих к скорейшей организации партии» [45].

Это обращение говорит о политической зрелости и высоком теоретическом уровне руководства Донкома, осуществлявшегося С. И. Гусевым. Оно свидетельствует о великой роли ленинской «Искры» и книги «Что делать?» в создании марксистской партии в России.

В упорной борьбе Ленина и «Искры» против «экономистов» были преодолены идейный разброд и «кустарничество» в русской социал-демократии. «Искра» связала между собой разрозненные социал-демократические кружки и группы. Она собрала и объединила вокруг себя все революционные силы

социал-демократии, разработала проект программы партии и подготовила созыв партийного съезда. Победа ленинских принципов и борьба «Искры» за ленинский организационный план подготовили все условия для создания партии.

17 (30) июля 1903 года открылся II съезд РСДРП. Главная задача съезда, поставленная Лениным, заключалась «в создании *действительной* партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой» [46].

На II съезд РСДРП Донком прислал двух делегатов: Гусева и Локермана. Таганрогская социал-демократическая группа в то время входила в «Социал-демократический союз горнозаводских рабочих Юга России», от которого тоже был один делегат.

В связи с расколом на II съезде, Локерман примкнул к меньшевикам и затем уже всю жизнь вел борьбу против большевистской партии. С. И. Гусев присоединился к Ленину и до конца своей жизни состоял в большевистской партии и был в числе ее крупных деятелей.

II съезд РСДРП выполнил огромной важности задачи, поставленные перед ним Лениным. Съезд закрепил победу марксизма над «экономизмом», создал с.-д. партию, вскрыл наличие серьезных организационных разногласий, разделивших партию на большевиков и меньшевиков, показал, что место разбитых партией оппортунистов—«экономистов»—начали занимать в партии новые оппортунисты—меньшевики.

Однако II съезд не разоблачил оппортунизма меньшевиков в организационных вопросах, не поставил перед партией задачу об их изоляции в партии, что послужило одной из главных причин к обострению борьбы между большевиками и меньшевиками после съезда.

4. Социал-демократические организации Дона после II съезда РСДРП

«После II съезда борьба внутри партии еще больше обострилась. Меньшевики изо всех сил старались сорвать решения II съезда партии и захватить центры партии» [47]. Меньшевики требовали, чтобы в составе редакции «Искры» они имели большинство, а в ЦК—равное с большевиками количество членов. Когда большевики отвергли эти требования, противоречащие решениям II съезда, меньшевики стали на путь фракционной борьбы. Они тайно от партии создали антипартийную фракционную организацию во главе с Мартовым, Троцким и Аксельродом и «подняли, — как писал Мартов, —

восстание против ленинизма». Вскоре после II съезда Плеханов стал на путь примиренчества с меньшевиками, помогал им вести дезорганизаторскую работу против партии, а затем совсем перешел к ним — сам стал меньшевиком. Плеханов, вопреки решениям II съезда, потребовал включить в состав редакции «Искры» всех прежних редакторов-меньшевиков. «Ленин не мог, конечно, согласиться с этим и вышел из редакции «Искры» с тем, чтобы укрепиться в ЦК партии и с этой позиции бить оппортунистов» [48]. Тогда Плеханов единолично кооптировал меньшевиков в редакцию. Меньшевики завладели «Искрой», превратили её в орган борьбы против большевиков, сделали её орудием пропаганды меньшевистского оппортунизма.

> «Со страниц новой «Искры» полились, как из рога изобилия, заявления и статьи о том, что партия не должна быть организованным целым, что нужно допустить в составе партии существование свободных групп и одиночек, не обязанных подчиняться решениям её органов, что нужно дать каждому интеллигенту, сочувствующему партии, равно как «каждому стачечнику» и «каждому демонстранту» объявить себя членом партии...» [49].

Меньшевики на все лады проповедывали на страницах новой «Искры» организационную распущенность, подрыв партийности и партийной дисциплины; восхваляли интеллигентский индивидуализм; оправдывали анархическую недисциплинированность; открыто тянули партию назад—к организационной раздробленности, к кружковщине, к кустарничеству.

Ленин не замедлил дать решительную отповедь оппортунизму меньшевиков. В мае 1904 года вышла его книга «Шаг вперед, два шага назад», в которой «Ленин первый в истории марксизма разработал *учение о партии,* как руководящей *организации* пролетариата, как основного *оружия* в руках пролетариата, без которого невозможно победить в борьбе за пролетарскую диктатуру» [50].

Раскольническая борьба меньшевиков после II съезда РСДРП не ограничилась борьбой за партийные центры, она перенеслась в местные партийные организации, в том числе и на Дон.

Со съезда в Ростов возвратились не оба делегата Донкома, а только один—меньшевик Локерман. С. И. Гусев был послан ЦК в другой город.

Воспользовавшись тем, что некоторые члены Донкома были арестованы, а Ставский и другие вынуждены были уехать

из Ростова, Локерман пополнил Донком своими сторонниками. Одновременно с этим он всячески оттирал от руководящего участия в организации тех, кто выступал против его оппортунистических шатаний еще до II съезда партии.

Не поставив партийную организацию в известность о расколе на съезде и его причинах, меньшевики из Донкома поспешили принять резолюцию, в которой предлагали ЦК и ЦО ввести в состав редакции «Искры» меньшевиков, ранее бывших в составе редакции, но не избранных на съезде.

Когда это решение было получено редакцией «Искры», Ленин направил Донкому специальное письмо, в котором писал:

> «Товарищи! Получили ваше письмо с резолюцией. Очень просили бы вас написать нам следующее: 1) выслушали ли вы доклады и меньшинства и большинства (один из ваших делегатов, как вам, вероятно, известно, был на стороне большинства), или только меньшинства? 2) что разумеете вы под словом «уход»? Уход—куда? Разумеете ли вы под этим то, что кто-либо отстранен от работы или отстранился сам по каким-либо причинам и по каким именно? 3) Что называете вы «ненормальными условиями при выборах»? 4) Кого именно, по вашему мнению, следует кооптировать в Центральный Комитет? и 5) Кого именно в редакцию Центрального Органа?» [51].

Неизвестно, что ответил Донком на письмо Ленина, но последующие события свидетельствуют о дальнейшей раскольнической деятельности его меньшевистских руководителей. В конце ноября Донком провел собрание небольшой группы социал-демократов, на котором Локерман сообщил о II съезде РСДРП, освещая его работу и возникшие на нём разногласия в меньшевистском духе.

В. И. Ленин, указывая на захват Донкома меньшевиками, в октябре 1903 года писал:

> «Харьков, Екатеринослав, Дон, Горнозаводский союз тоже в руках бунтовщиков. Надо во что бы то ни стало занимать позиции везде и повсюду своими людьми. Хоть по одному совать своего человека, вполне своего, безусловно в каждый комитет» [52].

Социал-демократы, не согласные с Локерманом, оказались в тяжелом положении. Донской комитет, типография и связи с партийными центрами находились в руках меньшевиков, что являлось немаловажным в условиях подполья и строгой конспирации. К тому же Донком отказался прини-

мать и распространять в Ростове большевистскую литературу, а также печатать её в своей типографии. В этих условиях значительной части социал-демократов в Ростове трудно было в короткий срок разобраться в сущности раскола на II съезде. Несмотря на это, в организации все больше выявлялось сторонников Ленина, которые создали в Ростове свою группу [53].

Большевистской группе пришлось вести долгую и упорную борьбу с меньшевистским руководством Донкома.

Таганрогская социал-демократическая организация, под руководством которой в ноябре 1903 года была проведена массовая политическая демонстрация рабочих, значительно выросла и окрепла.

В это время в партийной работе активную роль играли стоявшие на ленинских позициях Т. Руденко и И. Гапонов.

На собраниях партийной организации широко обсуждались итоги II съезда партии и разногласия между большевиками и меньшевиками. Члены партии высказывали свое согласие с Лениным, с большевиками [54].

Таким образом, Таганрогская организация после II съезда партии стала на сторону большевиков.

* * *

На основе роста рабочего движения в первые годы XX века на Дону росли и крепли социал-демократические организации, в сплочении которых на марксистских позициях выдающуюся роль сыграли ленинская «Искра» и знаменитая книга В. И. Ленина «Что делать?».

После II съезда РСДРП, в связи с расколом партии на меньшевиков и большевиков, неустойчивые элементы, по преимуществу из интеллигентской верхушки ростовской социал-демократической организации, перейдя на сторону меньшевиков, захватывают Донком и превращают его затем на некоторое время в меньшевистский центр Юга России.

В социал-демократических организациях Дона начинается процесс размежевания на меньшевиков и большевиков, особенно усилившийся в связи с борьбой Ленина за созыв III-го съезда партии.

Так на смену борьбы «искровцев» с «экономистами», являвшимися предтечами меньшевиков, наступила борьба большевиков с меньшевиками.

ГЛАВА III

МЕНЬШЕВИКИ И БОЛЬШЕВИКИ ДОНА В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1904—1907 гг.)

1. Отношение большевиков Дона к русско-японской войне. Отклики на «Кровавое воскресенье»

В январе 1904 года началась русско-японская война, порожденная политикой империалистических государств в борьбе за господство на Тихом океане и за раздел Китая. В этой борьбе участвовала и царская Россия. Японские империалисты стремились, кроме того, к захвату Сахалина и Дальнего Востока.

Втянув Россию в войну, царское правительство обнаружило слабость, гнилость всей своей политической системы и свою неспособность в военном отношении.

Армия царской России, плохо вооруженная и обученная, по вине бездарных и продажных генералов, терпела поражение за поражением. «Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие» [1].

Царское правительство привело страну к позорному миру, последствия которого были ликвидированы только через 40 лет героической Советской Армией, после разгрома гитлеровской Германии и империалистической Японии.

Война явилась фактом огромной политической важности в жизни страны и серьезным испытанием для меньшевиков и большевиков. Нужно было определить отношение социал-демократической партии к войне и дать рабочему классу революционные тактические лозунги для борьбы в военных условиях.

Ленин, большевики стояли за поражение царского правительства. Они исходили при этом из того, что царское правительство вовлекло Россию в империалистическую войну, чуждую интересам страны, народных масс и, кроме того, преследовало реакционную цель—путем войны отвлечь внимание народных масс от внутренних вопросов, укрепить свое политическое положение и остановить революцию.

Ввиду этого, выражая подлинные интересы Родины и народных масс, Ленин, большевики считали, что поражение царского правительства в войне усилит развитие революции и облегчит свержение царизма.

Большевики призывали рабочий класс к решительной борьбе за свержение царского самодержавия, виновника грабительской войны и народных страданий.

> «Меньшевики, в том числе Троцкий, скатывались на позиции оборончества, то есть защиты «отечества» царя, помещиков и капиталистов» [2].

Когда под влиянием ряда поражений царской армии и растущей борьбы рабочих и крестьян либеральная буржуазия, стремясь предотвратить революцию, начала домогаться у царя различных реформ, то меньшевики целиком её поддерживали в этом.

В начале войны царские власти на Дону, как и по всей стране, пытались «подогреть» верноподданнические чувства народа к царю, проводя с этой целью в городах «патриотические» манифестации. В них участвовали преимущественно помещики, буржуазия и мелкобуржуазное население городов.

Ростовские власти особенно старались втянуть в манифестации рабочих и показать тем самым, что даже «крамольные» рабочие, прославившиеся на всю страну ноябрьской стачкой и мартовской демонстрацией, и они питают верноподданнические чувства к царю-батюшке. Но из этой затеи ничего не вышло. Рабочие заводов Пастухова, Мартина, табачной фабрики Асмолова отказались участвовать в манифестации.

Во время речи генерала Абрамова перед рабочими железнодорожных мастерских из толпы раздавались возгласы: «Долой самодержавие!». Тут же среди рабочих была разбросана выпущенная Донкомом антивоенная прокламация «Ко всем рабочим Ростова и Нахичевани», с призывом не участвовать в манифестации [3]. В тот же день, вечером, 50—60 рабочих, собравшись около мастерских, устроили революционную демонстрацию, быстро разогнанную полицией.

Но если даже в первые дни войны не удалось сбить с

толку рабочих и вызвать среди них сочувствие к политике царского правительства, то через несколько месяцев это было делом уже совершенно безнадежным. Благодаря большевистской агитации, рабочие массы начинали понимать истинный смысл войны. Недовольство среди рабочих росло, тем более, что их положение в связи с войной намного ухудшилось.

Это отмечал и начальник охранки, писавший 15 февраля 1905 года, что «вследствие неурожайного прошлого года и общего во время войны кризиса в торговле и промышленности, значительно возрос числом в Ростове голодающий пролетариат» [4].

Вопрос об отношении к войне обсуждался в 20-х числах марта на общем собрании ростовской социал-демократической организации. На собрании присутствовало 120 членов партии, среди которых были и меньшевики и большевики, в то время еще состоявшие в одной организации. В принятой резолюции говорилось, что война является захватнической в интересах буржуазии и царизма и что она ляжет всей тяжестью на плечи рабочих и крестьян. Ввиду этого «собрание протестует против войны,—говорилось далее в резолюции, — и призывает всех товарищей к борьбе с самодержавием». Заканчивалась резолюция лозунгами: «Да здравствует международное братство народов!», «Долой войну!», «Долой царское правительство!» [5].

На резолюции, несомненно, сказалось известное влияние меньшевиков. Поэтому в резолюции нет ни слова о желательности поражения царского правительства и о том, что это поражение ускорит его гибель. Вместо всего этого, в резолюции указывалось, что война «мешает росту классового сознания рабочих», и только. Между тем, как Ленин в первомайской прокламации в 1904 году писал, что «Война разоблачает все более ярко, все более наглядно всю гнилость самодержавного порядка, всю преступность полицейской и придворной шайки, которая правит Россией» [6].

Социал-демократическая агитация против войны вызвала серьезное беспокойство ростовских властей, и они решили расправиться с «внутренним врагом». Опасаясь первомайских выступлений рабочих, жандармерия произвела 15—17 апреля (канун 1-го мая по н. ст.) многочисленные аресты среди социал-демократов. Но это не остановило борьбу революционных рабочих против войны. Уже в июне начальник охранки сообщал, что социал-демократы проводят массовки на Дону и по загородным балкам. На массовых сходках «велась усиленная антиправительственная пропаганда о войне» [7].

Таганрогская социал-демократическая организация, в связи с войной, также проводила значительную антивоенную агитацию.

В марте 1904 года большевики Таганрога распространяли прокламации на металлургическом и котельном заводах и среди железнодорожников. Распространение листовок особенно усилилось в связи с подготовкой к 1 мая.

Помимо этого, таганрогская группа большевиков проводила нелегальные сходки рабочих. 30 марта на такой сходке разъясняли рабочим захватнический характер русско-японской войны. Один из ораторов говорил о бедственном положении крестьян. Такие же сходки проводились 6 и 11 апреля

Антивоенная агитация большевиков пользовалась большим успехом среди рабочих. Но накануне 1 мая таганрогская организация подверглась разгрому. Жандармерия арестовала более 20 активных членов партии. В связи с этим, часть большевиков вынуждена была выехать на время из Таганрога. Большевикам удалось вновь восстановить свою организацию лишь весной 1905 года.

Среди рабочих Александровск-Грушевского каменноугольного района и Сулинского металлургического завода также проводилась антивоенная агитация. Но так как социал-демократические группы там были слабыми, то их деятельность ограничивалась почти только распространением листовок, изредка получаемых из Ростова.

* * *

Дон, как казачья область, привлекал к себе особое внимание царского правительства, которому очень важно было иметь послушных казаков, впрочем, не столько для борьбы с внешним врагом, сколько для подавления силами казачьих частей революционного движения. А между тем, с объявлением войны среди казаков нарастало недовольство. Положение казачества, за исключением кулацко-зажиточного слоя, и так было тяжелым, а война требовала новых расходов. «Война для казаков равносильна теперь разорению,—писал корреспондент из Донской области,—потому, что снаряжение с ног до головы на собственный счет стоит громадных денег... Тяжелые расходы на снаряжение вызывают всеобщий ропот среди казаков» [8].

Для поднятия настроения и верноподданнических чувств у казаков на Дон в августе 1904 года приезжал сам царь Николай II. К приезду царя полицией проводилась усиленная «подготовка». Аресты следовали за арестами. Мобилизован-

ные казачьи части были сосредоточены в Персиановских лагерях (в 15 км. от Новочеркасска). Социал-демократы решили использовать это. В Новочеркасске в ночь на 7 августа были разбросаны антивоенные прокламации.

Социал-демократы пытались проводить революционную агитацию среди казаков Персиановского лагеря. Так, сулинские социал-демократы через знакомого им казака, работавшего на заводе слесарем, распространяли в лагере прокламации по поводу русско-японской войны.

Бо́льшим успехом, чем у казачества, социал-демократическая агитация пользовалась у запасных, призванных в армию. 4 июня 1904 года мобилизованные запасные в количестве 100 челов. при отправке их в Черноморский флот устроили демонстрацию на Ростовском вокзале (куда собралось много провожающих), заявляя открыто: «Зачем нас отправляют, зачем нам нужна чужая земля, у нас своей довольно» [9].

Часть этих запасных попала на броненосец «Потемкин», где затем принимала участие в знаменитом восстании.

* * *

Поражение царской армии в русско-японской войне вызвало огромное недовольство самодержавием среди различных слоев населения России. Либеральная буржуазия, напуганная ростом революционного движения в стране, искала сделки с царем против назревающей революции и на своих банкетах просила проведения реформ и конституции, чтобы «успокоить» народ, обеспечить «нормальные» условия для развития капитализма и предотвратить революцию.

Меньшевистская «Искра» обратилась ко всем социал-демократическим организациям России с письмом, в котором рекомендовала это оппозиционное движение либеральной буржуазии всячески поддерживать. Она предлагала водить рабочих по банкетам, добиваясь того, чтобы либералы предъявляли требования царскому правительству от лица всех оппозиционных и революционных классов России, т. е. чтобы либеральная буржуазия стала во главе общенародной борьбы с царизмом. И это меньшевики считали «образцом революционной тактики», «новым шагом в развитии форм политической борьбы».

Известно, как беспощадно Ленин разоблачал и высмеивал меньшевиков, особенно в статье «Земская кампания и план «Искры», за этот «новый шаг». Вместо этой оппортунистической тактики, на деле превращающей рабочее движение в хвост либеральной оппозиции, Ленин призывал «обратить вни-

мание пролетариата на действительно высокие и активные формы борьбы, вроде знаменитой ростовской и ряда южных массовых демонстраций. Несравненно важнее теперь расширять наши кадры, организовать силы и готовиться к еще более прямой и открытой массовой борьбе»[10].

Меньшевики же предпочитали открытой массовой борьбе митинги совместно с либералами в четырех стенах.

В духе советов меньшевистской «Искры» начали действовать осенью 1904 года меньшевики, ставшие во главе Донкома.

Большевистская часть ростовской социал-демократической организации, учитывая всё растущее революционное настроение у рабочих, а также рост недовольства самодержавием среди различных слоев населения города, предлагала организовать широкую демонстрацию рабочих. Но этому воспротивились меньшевики, решившие не проводить самостоятельной демонстрации, а повести рабочих на банкет, устраиваемый либеральной буржуазией по поводу сорокалетия судебных уставов. На этой почве между большевиками и меньшевиками в Ростове происходила в конце 1904 года ожесточенная борьба, что отмечал в своих донесениях начальник охранки[11].

Группа большевиков Темерницкого района на своем собрании высказалась за проведение 5 декабря демонстрации. Меньшевики из Донкома высказались против демонстрации, решив участвовать в этот день на банкете. Перевес был на стороне меньшевиков.

5 декабря, вечером, состоялся банкет, на котором присутствовали юристы, гласные городской думы и т. д. Меньшевики привели группу рабочих, часть которых проникла в помещение. Около 100 рабочих стояли у подъезда под дождем и ждали, когда будет прочитана их резолюция, составленная меньшевиками, в то время, как либералы под звон бокалов произносили «революционные» речи. Председатель банкета всячески увиливал, не желая предоставить слово представителю рабочих. Меньшевики стали уговаривать председателя, взывая к его либеральным чувствам, указав, что на улице, на холоде под дождем ожидают рабочие. Председатель на это заявил: «Ведь они же на улице, пусть собираются где хотят»[12]. Наконец, либералы, после долгих уговоров, «смилостивились» и разрешили представителю рабочих огласить резолюцию. Такое хождение на банкеты меньшевики называли «образцом революционной тактики!».

Своей оппортунистической тактикой меньшевики из Дон-

кома раскалывали рабочий класс и тем самым ослабляли его силы.

Говоря о поражении царской армии в русско-японской войне, Ленин в конце декабря 1904 года писал, что «Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения» [13].

И действительно, с каждым месяцем войны царизм терпел все большие и большие неудачи на фронте, пока они не превратились в военную катастрофу. Грозным прологом к ней послужила сдача Порт-Артура, за которой последовало поражение под Мукденом и, в качестве финала, цусимский разгром. Эти поражения ускорили развитие политического кризиса царизма.

* * *

Революционная борьба на Дону в 1905 году началась под влиянием двух важнейших событий: бакинской стачки в декабре 1904 года и расстрела петербургских рабочих 9 января.

«Вскоре после стачки в Баку,—писал начальник ростовской охранки,—среди местных рабочих стали раздаваться голоса о необходимости устроить здесь (в Ростове. **Ред.**) такую же стачку, а организованные рабочие поджидали каких-то ораторов из Баку, роль которых заключалась в том, что они должны осветить стачку в Баку и дать необходимую по этому программу. Большинство рабочих отнеслось не особенно сочувственно к стачке, но петербургская стачка значительно изменила их направление. Разговоры о петербургской стачке сделались единственной темой среди рабочих, между которыми значительно увеличилось число сочувствующих ей и находящих, что время было бы путем такой же стачки обеспечить теперь же увеличение поденной платы и сокращение рабочего дня» [14].

Такие настроения отмечались в Таганроге и в других городах области.

После «Кровавого воскресенья» социал-демократы развернули в городах Дона агитацию за объявление забастовок.

На массовых сходках рабочих, состоявшихся 13 и 17 января 1905 года, были выработаны экономические требования и решено было начать забастовку 18 января на заводах Пастухова и Нитнера.

Однако, объявление забастовки в назначенный срок было сорвано массовыми арестами.

Выступление ростовских рабочих началось в феврале. Рабочие котельного, кузнечного и литейного цехов железнодо-

рожных мастерских 8 февраля прекратили работу и предъявили управляющему дорогой экономические требования.

Забастовки на других предприятиях Ростова начались 15 февраля. Первыми выступили рабочие заводов Пастухова (600 чел.), Нитнера (130 чел.) и Мартина (200 чел.).

В этот же день забастовали рабочие Волго-Донского завода (700 чел.) и 15 мелких фабрик и мастерских. 16 февраля прекратили работу печатники (400 чел.), рабочие писчебумажной фабрики Панченко (400 чел.) и табачной фабрики «Работник». В общем, забастовка охватила 30—35 фабрик, заводов и мастерских с количеством рабочих 7—8 тыс. чел. [15] Бастующие предъявляли экономические требования об уменьшении рабочего дня до 8—9 часов, повышении зарплаты, отмене штрафов и т. д.

В Ростове происходили многолюдные сходки рабочих, которые разгонялись полицией. 17 февраля около полуторы тысяч рабочих решили устроить демонстрацию, но были разогнаны казачьей сотней.

На митингах социал-демократы касались не только экономических вопросов, связанных со стачкой, но и произносили политические речи, заканчивая их возгласами: «Долой самодержавие!». Кроме того, приходилось разъяснять рабочим и предостерегать их от провокационных замыслов и действий ростовской охранки и полиции, пытавшихся проводить зубатовскую политику.

В результате забастовок, продолжавшихся до 25 февраля, рабочие отдельных предприятий добились частичного удовлетворения своих требований, на других же предприятиях капиталисты не пошли ни на какие уступки и даже стали увольнять передовых рабочих, участников забастовок. На фабрике Панченко было уволено 19 рабочих.

В общем, январско-февральские стачки в Ростове проходили вяло, и не только из-за арестов социал-демократов, но, главным образом, по вине меньшевистских руководителей Донкома, которые своей «банкетной» кампанией» дезориентировали рабочих, дезорганизовали их. Пользуясь своим положением в Донкоме, меньшевики всеми мерами тормозили революционную борьбу, выступая против большевиков, призывавших рабочих к массовым открытым выступлениям еще в декабре 1904 года. На этой почве между меньшевиками и большевиками шла беспрерывная борьба.

В январско-февральских событиях меньшевистское руководство Донкома скандально обанкротилось. Об этом говорит

корреспонденция, опубликованная в газете «Вперед» (орган большевиков).

Сообщая о положении в ростовской социал-демократической организации и отмечая, что с проведением стачки ничего не выходит, корреспондент писал, что «ДК (Донком.—Ред). сложил с себя ответственность за нее—сиречь, признал себя абсолютно неспособным руководить ею, и была избрана специальная стачечная комиссия из лиц, не входящих в комитет»[16].

В то время, как большевики в феврале организовывали массовые выступления рабочих и пытались устроить демонстрацию, меньшевики обращались к градоначальнику за разрешением на проведение легальной сходки рабочих, добиваясь «улаживания» конфликтов рабочих с предпринимателями.

Меньшевики особенно позорно себя показали в стачке печатников, среди которых они пользовались известным влиянием. От имени печатников они обратились в полицию за разрешением на устройство совместного собрания представителей рабочих и владельцев типографий для выработки соглашения. Когда разрешение на такое собрание было получено, меньшевики уговаривали печатников стать на работу и только после этого договориться с предпринимателями.

В феврале прошли забастовки также в Новочеркасске. Там бастовали рабочие депо ст. Новочеркасск и слесарной мастерской Фаслера.

Хотя первая стачечная волна в Донской области в феврале 1905 г. была еще слабой, охватив лишь небольшую часть рабочих, тем не менее она оказала большое влияние на последующую борьбу рабочих Дона в революции 1905 года.

2. Политические стачки и демонстрации рабочих весной и летом 1905 г. Забастовка на Владикавказской железной дороге. Нарастание революционного движения крестьян и казаков

В революции 1905 года события нарастали, как указывал Ленин, волнообразным порядком, при чем каждая последующая волна была не только мощнее и шире по размаху, но и острее по формам борьбы. В развитии революции стачка представляла,—писал Ленин,—«главное средство раскачивания масс»[17].

По неполным данным, в 1905 году размах стачечного движения на Дону представлялся в следующем виде: рабочие

Владикавказской железной дороги бастовали три раза; в Ростове проведены 34 забастовки, из них три политических, общегородских; в Таганроге—19 забастовок, из них две общегородские; в Александровск-Грушевском угольном районе — одна общая; в Сулине—одна, в Новочеркасске—четыре. Дважды бастовали рабочие Юго-Восточной железной дороги[18].

Если ростовские рабочие шли в авангарде стачечного движения на Дону, то в самом Ростове передовым отрядом являлись рабочие Владикавказских железнодорожных мастерских, бастовавшие в 1905 году семь раз, в общей сложности, приблизительно в течение 70 дней. По длительности забастовок за ними идут рабочие Сулинского металлургического завода (3.400 чел.), бастовавшие около 2 месяцев, и Таганрогского металлургического завода (3.000 чел.) — 37 дней[19].

Передовым отрядом рабочего класса на Дону, как и во всей стране, являлись рабочие-металлисты.

Рабочий класс Дона в революции 1905 года прошел путь от экономических стачек к политическим и через них—к вооруженному восстанию.

После февральских стачек наступило как бы некоторое затишье, но в скором времени начался новый подъем революционной борьбы, особенно проявившийся в день празднования 1 мая. В этот день сходки рабочих были проведены почти во всех городах Донской области.

В Ростове организовать демонстрацию не удалось, и опять таки, не столько из-за арестов партийных работников, проведенных накануне 1 мая, сколько по вине меньшевистского руководства Донкома. Даже в меньшевистской «Искре» было отмечено, что неудача первомайского выступления вызвана «запоздалой агитацией и подготовкой к 1 мая»[20].

Вслед за первомайскими сходками и демонстрациями последовали забастовки в Ростове, Таганроге и Новочеркасске.

Цусимский разгром, во время которого погибла эскадра под командованием незадачливого адмирала Рожественского, вызвал во всей стране волну негодования. Донком, под давлением большевистской части организации, в прокламации «Поражение самодержавия» резко заклеймил преступления царизма, заявив, что «военные поражения приближают революцию». И далее, обращаясь к рабочим, Донком писал: «У рабочих один выход—прогнать царя и все правительство и самим заключить мир, как мы хотим, — для блага и счастья народа. Этот выход есть революция»[21].

Но затем меньшевики составили резолюцию, разумеется, далеко не в таких решительных тонах, как проклама-

ция, пустили эту резолюцию по заводам и, собрав под ней 650 подписей рабочих, повезли её затем в Городскую думу, полагая, что к этой резолюции присоединятся и гласные Думы. Но, вместо этого, председатель Думы закрыл заседание и вызвал полицию для разгона рабочих.

Таким образом, несмотря ни на что, меньшевики остались верными своей оппортунистической тактике, пресмыкаясь перед либералами.

Сильное революционизирующее влияние на рабочих Дона оказало восстание на броненосце «Потемкин».

В Ростове среди рабочих была распространена прокламация, специально выпущенная в связи с восстанием на броненосце. Прокламация призывала рабочих вооружиться, организовать сбор средств для приобретения оружия. В Таганроге большевики, в связи с восстанием на «Потемкине», проводили специальные сходки, на которых призывали рабочих готовиться к вооруженной схватке с самодержавием.

К тому времени таганрогская организация установила связь с солдатами и казаками, среди которых велась революционная пропаганда. Вскоре работа в армии стала давать свои положительные результаты, и не только среди запасных солдат, настроение которых вызывало большую тревогу у жандармерии, но и среди казаков.

«Даже в среду наиболее дисциплинированных нижних чинов местной казачьей команды,—сообщал в своем докладе от 14 июля жандармский ротмистр,—проникла пропаганда, и сегодня... мною арестован казак, занимавшийся пропагандой среди команды и распространявший прокламации» [22].

Революционная пропаганда в армии проводилась также в Ростове. В частности, в 1-й роте Феодосийского полка, в июле 1905 года, имелся уже кружок из рядовых солдат, установивший связи с социал-демократами.

* * *

Летом 1905 года самым крупным событием не только для Дона, но и для Кубани и Терека, была забастовка рабочих Владикавказской железной дороги, на которой было занято 23.962 рабочих и служащих, в том числе 8.432 рабочих мастерских и депо. В июле вся эта многотысячная масса пролетариев поднялась на борьбу.

Подготовку к стачке проводили социал-демократические организации Кубани, Терека и Дона. Подготовительная работа не обошлась без борьбы внутри объединенных социал-демократических организаций.

Во время переговоров представителя Кубанского комите-

та, прибывшего специально для этой цели в Ростов, меньшевики из Донкома возражали против стачки, ссылаясь на то, что «стачка экономическая невозможна, работы сокращены и администрация только и ждет, чтобы придраться и уволить ненужную часть рабочих»[23]. Меньшевики из Донкома не понимали или не хотели понимать, что готовящаяся стачка—не обычная экономическая забастовка, проводимая в обычных, мирных условиях, а важнейшее политическое выступление рабочих в обстановке революционного подъема. И лишь после долгих споров Донком дал согласие на забастовку.

Первыми забастовали 11 июля рабочие станций Минеральные Воды и Кавказской. На другой день к ним присоединились рабочие Тихорецкой и Грозного. 15 июля прекратили работу железнодорожники Ростова и Новороссийска. Движение на дороге остановилось полностью.

Рабочие предъявляли не только экономические, но и политические требования. В области экономической они добивались 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы. В области политической—отмены военного положения на Владикавказской дороге, свободы собраний, слова, печати и стачек, а также созыва Учредительного собрания[24].

Стачка приняла невиданный до тех пор размах. Управление дорогой (находилось в Ростове) обратилось в Петербург за помощью. По предложению министра путей сообщения, наместник Кавказа 14 июля направил железнодорожные воинские части для замены бастующих. Но движение поездов не было восстановлено, и на крупных станциях всё больше накапливалось пассажиров.

Администрация дороги, по соглашению с царскими властями, решила пустить в ход войска.

15 июля, когда забастовавшие ростовские железнодорожники проникли на перрон вокзала с намерением задержать готовый к отправлению поезд, на них с шашками наголо напали жандармы. Во время этого столкновения один рабочий был убит и несколько человек ранено. В день похорон убитого рабочего (18 июля) к железнодорожникам, в знак пролетарской солидарности, присоединились, объявив забастовку, рабочие завода «Аксай», типографий, табачной фабрики Кушнарева и др.

Кровавые события произошли в Новороссийске. По сигналу железнодорожников, забастовка там переросла в общегородскую.

Несмотря на угрозы, железнодорожники к работе не приступали. Однако, администрации удалось подкупить несколь-

ких штрейкбрехеров, и 19 июля подготовила поезд к отправлению. Когда рабочие, узнав об этом, собрались на станцию в количестве до 3.000 чел. с целью не допустить отправки поезда, то вызванные войска начали стрелять в них. В результате было убито 15 чел. и ранено, по официальной регистрации, 20, а по другим сведениям—100 человек [25].

Такими репрессивными мерами забастовка на Владикавказской железной дороге была подавлена.

Значение этой стачки для рабочих Дона и Кубани было огромным. Хотя экономические требования остались не удовлетворенными, зато в политическом отношении стачка принесла рабочим громадную пользу.

Нелегко было организовать забастовку, ибо многие рабочие только впервые выступили на арену открытых классовых боев; некоторые отсталые слои рабочих даже не желали участвовать в стачке. Проведенная же с таким размахом забастовка спаяла рабочих. Особенно памятным оказался новороссийский расстрел. Рабочие на собственном опыте убеждались, что царское самодержавие является их злейшим врагом, с которым необходима решительная борьба. Рабочие убеждались в том, что большевики указывали правильный путь борьбы, призывая массы к подготовке вооруженного восстания, как важнейшего средства для свержения царизма и установления демократической республики.

* * *

Под влиянием начавшейся в городах революции поднимались и крестьяне на борьбу против помещиков. Аграрное движение на Дону в летние месяцы 1905 года началось в Таганрогском, Донецком и Ростовском округах, в которых проживало 82% всех крестьян Донской области.

Наиболее бурно и в широких размерах крестьянское движение проходило в Таганрогском округе, где крестьяне находились под сильным влиянием рабочих Таганрога и окрестных рудников. Известную роль в этом сыграли также матросы Черноморского флота, очевидцы восстания на «Потемкине», прибывшие в отпуск домой. Касаясь положения в деревне в Таганрогском округе, жандармский ротмистр в июле писал, что «прибывшие в округ в двухмесячный отпуск запасные нижние чины Черноморского флота сеют среди крестьян смуту» [26].

Крестьяне слободы Успенской, собравшись 6 августа огромной толпой в несколько сот человек, напали на имение по-

мещика Башлера и подвергли его полному разгрому. Затем крестьяне сожгли имение помещика Гочаловского. Когда же 8 августа в слободу прибыла полиция и арестовала несколько зачинщиков, то собравшаяся тысячная толпа потребовала освобождения арестованных [27].

Для усмирения крестьян в слободу Успенскую было направлено 2 роты солдат и 2 сотни казаков. Арестовано было 40 крестьян. Волнения перебросились в слободу Лакедемоновку. Там крестьяне сожгли у одной помещицы селедочный завод и мельницу.

Большие волнения произошли в слободе Голодаевке (ныне Куйбышево). Голодаевцы, издавна арендовавшие землю у генерала Мартынова, явились 15 августа к управляющему имением и потребовали отдать им землю в аренду не по 7 руб., а по 5 руб. за десятину и чтобы при аренде из копны отдавать помещику не $^2/_3$, а $^1/_3$ урожая.

Не получив удовлетворения, крестьяне на второй день потравили хлеб Мартынова. Потом напали на волостное правление и разобрали 50 охотничьих ружей, отобранных у них в разное время местными властями. Опасаясь за судьбу своего имения, генерал Мартынов из Одессы телеграфировал свое согласие на удовлетворение требований крестьян. В Голодаевку были присланы казаки. 18 августа крестьяне избили казачьего урядника и потребовали удаления казаков из слободы. Казаки начали стрелять и ранили двух крестьян. Тогда в Голодаевку прислали «подкрепление»—взвод пехоты и сотню казаков. При их помощи было арестовано 11 крестьян.

Выступили также крестьяне слободы Атамановки: 20 августа они разгромили имения двух помещиков.

Во время этих событий таганрогская большевистская организация установила связь с рабочими крупного имения Михалкова, снабжая их и некоторые села литературой.

По другому развивалось крестьянское движение в Донецком округе (окружной центр—ст. Каменская), находившемся в стороне от крупных городов и промышленных центров. Там летом 1905 года крестьяне большими массами вступали в «крестьянский союз» и в приговорах, принимаемых на сходках, требовали:

1) Созыва законодательной Государственной Думы на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании.

2) Свободы собраний, союзов, стачек.

3) Немедленной отмены выкупных платежей.

4) Введения всеобщего обязательного обучения детей за счет государства

5) Отмены частной собственности на землю и передачи всех частновладельческих, казенных, удельных, монастырских, церковных и прочих земель в распоряжение народа на условиях, установленных народными представителями. «Землею должен пользоваться только тот, кто своей семьей или в товариществе, но без наемных рабочих будет ее обрабатывать».

6) Отмены всех сословий [28].

До более активных форм борьбы крестьянское движение в Донецком округе летом 1905 года так и не поднялось. Борьба свелась лишь только к «приговорной кампании».

На Дону почти половину населения составляли казаки, и их отношение к революции приобретало первостепенное значение.

Как выше было сказано, среди казаков, в первую очередь казачьей бедноты, недовольство стало проявляться при мобилизации их в 1904 году на войну в связи с большими, для многих просто непосильными, расходами на военное снаряжение. В 1904—1905 годах были мобилизованы казаки 2 и 3 очередей, но на войну попала лишь одна дивизия, а 16 полков были брошены для подавления революции.

Эта полицейская роль, роль усмирителей революционного народа, уже тогда вызывала недовольство среди части казаков. «При мобилизации в августе 1905 года, — сообщал корреспондент из Новочеркасска в большевистскую газету «Пролетарий», — казаки или совершенно отказывались идти (теперь их уже уговаривали) на внутреннего врага, или же заявляли, что идут с неохотой» [29]. Но в то время казачество еще продолжало оставаться послушным орудием в руках царизма.

Социал-демократические организации Дона (Донком, Таганрогская, Новочеркасская, Сулинская и др.), как уже указывалось выше, проводили революционную работу среди крестьян и казаков.

Для работы в деревне при Донкоме РСДРП имелась крестьянская группа, в которой активную роль играл большевик В. Черепахин *.

---

* Василий Терентьевич Черепахин родился в 1866 г. в Полтавской губернии. В 1886 г. переехал в Ростов и работал в мастерских Владикавказской ж. д. С 1902 г. начал работать в социал-демократической организации. Летом 1905 г., по заданию партийной организации, работал в ст. Мечетинской. Принимал активное участие в декабрьском вооруженном восстании в Ростове. В январе 1906 г. царским судом был приговорен за участие в восстании и покушение на провокатора к смертной казни. Восемь месяцев был под смертным приговором. Благодаря настоянию рабочих, смертная казнь ему была заменена каторгой, кото-

В станице Мечетинской им были созданы два кружка, занимавшиеся распространением социал-демократических прокламаций среди крестьян и казаков.

Крестьянская группа при Донкоме, по неполным данным, имела связь и явки: в сл. Александровской (Таганрогского округа), с. Веселая Победа и с. Круглое (Ростовского округа), Азове, в станицах: Кагальницкая, Мечетинская, Великокняжеская, Константиновская, Каменская, Урюпинская, Клецкая и хуторе Арпачин.

Новочеркасская с.-д. группа проводила работу, главным образом, среди казаков 1-го Донского, 2-го Донского и Донецкого округов.

В социал-демократических организациях Дона состояло небольшое число казаков из рабочих и малообеспеченной станичной интеллигенции, которые и являлись проводниками социал-демократического влияния среди донского казачества.

По данным жандармских донесений, социал-демократическая агитация в 1905 году отмечена в 50 станицах (всего было 117 станиц) Донской области. Однако, социал-демократическая работа в деревне, вообще, а среди казаков, в частности, была еще слабой.

При разрешении казачьего вопроса, меньшевики занимали реформистскую позицию, вытекающую из их программного требования о муниципализации земли.

В прокламациях Донкома («Письмо рабочего казакам») и Новочеркасской социал-демократической группы, в которых меньшевики играли значительную роль, казаков призывали смотреть не вперед, а назад, и, вместо четких революционно-демократических лозунгов о демократической республике, ликвидации всего средневековья, в том числе сословий и т. д., казаки призывались к восстановлению «казачьего круга», ликвидированного в XVIII в., что означало сохранение казачества как средневекового военного сословия, и не только не содействовало сближению казаков с крестьянами для совместной борьбы с царизмом, а, наоборот, обособляло их.

рую он отбывал в Москве, в Бутырской тюрьме. После февральской революции, в марте 1917 г., Черепахин возвратился из Бутырок в Ростов и стал активным работником большевистской организации. Работал в милиции. Принимал участие в боях с калединцами. Вместе с войсками Сиверса вернулся в Ростов в феврале 1918 г. С 1918 г. служил в Красной Армии. По окончании гражданской войны Черепахин был направлен на Кубань для работы в милиции и ЧК. Во время одной из схваток с бандитами попал в подготовленную бандитами волчью яму и разбился. Умер в Ростове 12 июля 1922 г.

* * *

Вовлечение широких рабочих масс в революционную борьбу, рост крестьянского движения и все более обостряющееся положение в стране требовали от большевиков усиления своего организующего влияния в массах, укрепления партийных организаций.

После летних событий, восстания на броненосце «Потемкин» и политической забастовки на Владикавказской железной дороге, большевики Дона разъясняли массам необходимость решительной борьбы с самодержавием и подготовки для этого к вооруженному восстанию.

В целях укрепления партийных организаций Юга России и подготовки восстания таганрогские большевики предполагали созвать конференцию, для которой выработали повестку дня. При чем из 6 намеченных вопросов, 4 непосредственно относились к подготовке и проведению вооруженного восстания с учетом конкретных условий Юга. Вопросы эти являлись конкретной разработкой решений III съезда партии о подготовке вооруженного восстания.

Когда под натиском революции, самодержавие издало 6 августа манифест об учреждении Государственной Думы, полагая этой уступкой приостановить революцию, Ленин, большевики дали ясный лозунг рабочим — активно бойкотировать Думу, готовить вооруженное восстание. В этом направлении действовали и таганрогские большевики, заняв ленинскую позицию активного бойкота булыгинской Думы.

Другой тактике следовали меньшевики из Донкома. Вначале Донком, под давлением большевистской части организации (тем более, что им еще не были получены директивы от меньшевистских вождей) высказался в специально выпущенном листке за бойкот Государственной Думы. Но после участия его представителей на южно-русской меньшевистской конференции (3—4 сентября) Донком пересмотрел свое отношение к Думе, отказался от бойкота, считая возможным, в духе решений конференции, превратить Государственную Думу в орудие демократической революции.

Но так как рабочие были лишены избирательных прав в Думу, то, по мнению меньшевиков, нужно было давить на либеральную буржуазию, чтобы она заставила Думу стать на путь революционной борьбы.

Отвергая тактику активного бойкота Думы и подготовку вооруженного восстания, меньшевики продолжали вести свою линию, сводившуюся к подчинению пролетариата либеральной буржуазии.

3. Борьба за большевистскую тактику

В стране началась революция, а, между тем, РСДРП, по вине меньшевиков, была расколота на две фракции, фактически напоминавшие собой две партии. «Отсутствие единой партии привело к отсутствию единой партийной тактики»[30].

Такое положение, вообще, нетерпимо в партии, тем более, в условиях начавшейся революции. «Необходимо было выработать единую и продуманную марксистскую тактику социал-демократии»[31]. Необходимо было положить конец дезорганизаторским действиям меньшевиков и сплотить партию на большевистских позициях.

Чтобы покончить с таким положением дел в партии, большевики во главе с Лениным взяли на себя инициативу созыва III съезда партии.

В этом направлении и проводилась работа Бюро комитетов большинства и большевистской газеты «Вперед».

Меньшевики выступали против созыва съезда и развернули подрывную работу. Завязалась ожесточенная борьба за привлечение местных организаций на свою сторону. Эта борьба проходила и на Дону.

Ростовская социал-демократическая организация, являвшаяся на Дону самой крупной и влиятельной, после славных страниц своей истории в 1902—1903 годах пришла в 1905 году, главным образом по вине меньшевистского руководства Донкома, в большой упадок.

В период подготовки III съезда меньшевики из Донкома, вместе с агентами от меньшевистских партийных заграничных центров, «кочевали в Петербург, Москву, Одессу, Николаев и пр., в целях захвата комитетов и борьбы против съезда»[32].

Оппортунистическую, раскольническую работу меньшевики из Донкома проводили, пользуясь своим положением в ростовской организации.

«Между комитетом и рабочими — сообщал в начале 1905 года корреспондент из Ростова в газету «Вперед», — идет уже очень долгое время глухая вражда на почве истинно бюрократического отношения Донского Комитета. Комитет старается окружить себя молодыми рабочими, беспрекословно, без всякой критики исполняющими его волю, большинство старых, опытных и надежных рабочих более или менее удаляют от дела»[33].

В результате такой раскольнической политики меньшевист-

ских руководителей Донкома, «партийной работы, — говорится в этой же корреспонденции, — почти не существует — до того все дезорганизовано»[34].

Значительная часть большевистски настроенных социал-демократических рабочих, активных участников событий 1902 и 1903 годов, все больше отходила от Донкома, выражая ему недоверие за раскольническую политику и оппортунистическую тактику в банкетной кампании.

В большевистскую группу в 1905 году разновременно входили: Ставский И. И., Сабино А., Христенко П. Г., Вяземцев И., Черепахин В., Черепахин Г., Бударин Е., Войтенко С. и др.

Когда в Ростове было получено письмо об издании газеты «Вперед» и о созыве III съезда партии, то большевистская группа, в обход Донкома, довела это письмо до сведения партийной организации. Письмо обсуждалось в социал-демократических кружках и «произвело, — говорилось в корреспонденции из Ростова, — самое лучшее впечатление... все согласились на необходимости издать и возможно шире распространить это письмо». При обсуждении письма социал-демократические рабочие «были глубоко возмущены инсинуациями меньшинства» (т. е. меньшевиков.—Ред.). В той же корреспонденции указывалось, что «многие из рабочих высказываются, безусловно, в пользу съезда»[35].

Увидев такое положение, Донком предложил большевистской группе снова работать в рамках единой организации.

На состоявшемся по этому поводу собрании было решено, — писал корреспондент из Ростова в газету «Вперед», — войти в организацию Донкома, но лишь на следующих условиях: чтобы «ДК одинаково принимал как членов м-ства (меньшевиков. — Ред.), так и б-ства (большевиков. — Ред.), чтобы литература большинства распространялась одинаково с другой литературой, чтобы ДК принял меры к ознакомлению всех рабочих с происходящими теперь разногласиями в партии, чтобы ДК кооптировал (в комитет.—Ред.) двух рабочих»[36]. Эту резолюцию собрание решило послать в газету «Вперед».

Но и после этого собрания руководство Донкома все же оставалось в руках меньшевиков, упорно продолжавших проводить меньшевистскую линию.

В период подготовки к созыву III съезда партии, Ленин в письмах к Гусеву (члену Бюро комитетов большинства) не-

однократно и настойчиво указывал на необходимость обратить внимание на Ростов.

В начале марта 1905 года Ленин в письме к Гусеву писал, что «гигантски важно налечь на Киев, Ростов, Харьков: *мы знаем*, что во всех этих 3-х центрах есть «впередовцы» (т. е. большевики.—Ред.), *рабочие* и интеллигенты. Надо *во что бы то ни стало* привезти от них делегатов на съезд с *совещательным* голосом»[37].

К этому вопросу Ленин возвращается и в следующем письме от 16 марта, в котором запрашивал «Отчего Лядов не был в Кубанском?» (комитете.—Ред.). «Отчего он, проезжая мимо, не пригласил на съезд Дон...» [38].

Бюро комитетов большинства, выполняя указания Ленина, поручило связаться с Ростовом и Кубанью М. Н. Лядову, объезжавшему партийные организации в связи с созывом III съезда.

В своих воспоминаниях М. Н. Лядов пишет, что он дважды приезжал в 1904—1905 годах в Ростов. «Первый раз,—пишет М. Н. Лядов,—мой приезд был неудачен. Явка, через которую я должен был связаться с большевистской частью комитета, провалилась и я никого не видел. Второй раз у меня была явка к кому-то из рабочих ж. д. мастерских, но к кому — я сейчас не могу припомнить. Было созвано совещание человек из 12 большевиков. После этого я виделся с официальным представителем меньшевистского комитета, который не захотел созвать заседание Донского комитета, не желая предоставлять мне делать доклад. В Кубанский комитет я не достал адреса и там не был» [39].

Попытка Бюро комитетов большинства привезти делегата на съезд от большевистской части ростовской организации окончилась неудачей, так как Донком, который находился в руках меньшевиков, отказался вести какие бы то ни было переговоры с представителем Бюро комитетов большинства.

Ростовские меньшевики 20 марта, собравшись в количестве 22 человек, приняли резолюцию с протестом против созыва III съезда партии [40].

Это решение меньшевиков из Донкома, принятое за спиной организации, выражало мнение только верхушки, а не ростовской социал-демократической организации, многие члены которой были за созыв съезда.

Видя, что большинство комитетов высказалось за съезд, меньшевики из Донкома решили участвовать в нем, но посланный ими делегат оказался на Женевской конференции

меньшевиков, заседавшей одновременно с III съездом РСДРП, происходившим в Лондоне.

Что касается таганрогской социал-демократической организации, то, после провала в 1904 году, она к моменту созыва III съезда партии еще не была восстановлена.

Исходя из ленинской оценки характера и движущих сил революции, III съезд партии наметил четкую тактику большевиков.

> Съезд считал, что «революция победит лишь в том случае, если ее возглавит пролетариат, если пролетариат, как вождь революции, сумеет обеспечить союз с крестьянством, если либеральная буржуазия будет изолирована, если социал-демократия примет активное участие в деле организации народного восстания против царизма, если будет создано в результате победоносного восстания временное революционное правительство, способное выкорчевать корни контрреволюции и созвать всенародное Учредительное собрание, если социал-демократия не откажется при благоприятных условиях принять участие во временном революционном правительстве, чтобы довести до конца революцию» [41].

Но доведение до конца буржуазно-демократической революции для большевиков не было пределом.

Ленин писал, что

> «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути» [42].

Меньшевики занимали другую позицию по всем вопросам.

> «Меньшевики в России,—пишет товарищ Сталин,— отвергали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, политике союза рабочего класса с крестьянством они предпочли политику соглашения с либеральной буржуазией»[43].

Выступая против большевистского лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и против участия социал-демократов во временном революционном правительстве, меньшевики считали, что у власти, в результате победы революции, должна стать буржуазия. Пролетариат, по их мнению, должен занимать в революции положение не гегемона, а «левой оппозиции» и подталкивать либеральную буржуазию на более решительные действия.

Меньшевики считали, что «С точки зрения перспектив революции было бы лучше, если бы было созвано какое-нибудь представительное учреждение, вроде Земского собора или Государственной Думы, которую можно было бы подвергнуть давлению рабочего класса извне, чтобы превратить ее в Учредительное собрание или толкнуть ее на то, чтобы она созвала Учредительное собрание» [44].

В плане этой тактики вооруженное восстание исключалось. Меньшевики на Женевской конференции отказались от практической подготовки рабочего класса к вооруженному восстанию. Меньшевистская тактика вела к отказу от последовательной революционной борьбы с самодержавием, которое могло быть свергнуто только народным вооруженным восстанием. Тактика меньшевиков была направлена не к тому, чтобы обеспечить за пролетариатом гегемонию в революции 1905 года, а к подчинению его либеральной буржуазии.

Эти две тактики, две линии, нашли свое отражение в революции 1905—1907 годов и на Дону.

III съезд партии сыграл огромную роль в сплочении большевиков на Дону.

Выше уже было указано, что таганрогская организация после провала в 1904 году восстановилась только весной 1905 года. В апреле 1905 года в Таганроге «появилось около шести интеллигентов. Они разыскали восемь рабочих из старой организации и организовали их в Центральный кружок. Одновременно повели работу среди учащихся. Организация разрослась (рабочих до 30, интеллигентов до 9, учащихся до 30)» [45].

Вначале был создан кружок из рабочих в составе 10 чел. Этот кружок был центральным, работа его, помимо занятий по политэкономии, истории социализма и революционной борьбы, заключалась в обсуждении вопросов, связанных с деятельностью организации, выпуском прокламаций, устройством новых кружков, массовок и т. д.

Представителями Центрального кружка вскоре было организовано еще несколько кружков среди рабочих и особый кружок работниц. В мае были созданы техническая группа и коллектив пропагандистов.

После того как таганрогская организация несколько окрепла, руководящий коллектив, в который тогда входили: А. Глушков, И. Гапонов, Т. Руденко, Л. Волошина и другие, 10 июня заявил о том, что они «признают третий съезд партийным и все решения для себя обязательными» [46].

ЦК большевистской партии для установления связи с таганрогской организацией направил туда своего представителя. Об этом Гусев сообщил Ленину в письме от 25 июля 1905 года, в котором писал, что «в Таганроге организация сама переходит на сторону большинства. Туда приехал товарищ и, вероятно, организация будет нашей». Приезд представителя ЦК в начале августа 1905 года помог таганрогской организации установить связь с большевистским ЦК, тверже стать на большевистские позиции и наладить партийную работу в духе решений III съезда партии.

После того, как руководящий коллектив высказался за присоединение к решениям III съезда, этот вопрос был вынесен для обсуждения на общее собрание всей организации. Состоявшееся по этому поводу общее партийное собрание 14 августа единогласно постановило:

«Признавая III съезд партийным, выражая солидарность с ним по тактическим вопросам и принимая партийный устав, предложить ЦК включить таганрогскую группу в состав партии» [47].

Таганрогская организация была утверждена в качестве полноправной организации РСДРП на Таммерфорской большевистской конференции в декабре 1905 года.

Меньшевики пытались «перетащить» таганрогскую организацию на свою сторону. Так, когда созывалась меньшевистская южно-русская конференция в сентябре 1905 года, то они приглашали на нее и таганрогскую организацию, специально послав для этого в Таганрог двух меньшевиков. Таганрогские большевики отвергли это предложение и вынесли решение: «От участия в южной конференции меньшинства отказаться» [48].

Большевикам приходилось вести борьбу и против эсеров, пытавшихся проникнуть в среду таганрогских рабочих. Летом на одной из крупных массовок была устроена дискуссия между большевиками и эсерами. Присутствовавшие на дискуссии рабочие поддержали большевиков, и эсеры потерпели поражение. «На призыв дать средства организации откликнулись и дали деньги только таганрогской организации социал-демократов, но не эсерам».

Так в борьбе с меньшевиками и эсерами таганрогская большевистская организация воспитывала рабочие массы в большевистском духе, готовя их к решительному штурму царизма.

В Ростове, хотя организация оставалась «объединенной», но и здесь после III съезда все более увеличивалась больше-

вистская часть ее, главным образом, в заводских социал-демократических кружках.

Донской комитет, в руководстве которого все еще было меньшевистское засилье, вел оппортунистическую линию в духе решений меньшевистской Женевской конференции.

В связи с этим среди социал-демократических рабочих росло большое недовольство против меньшевистского засилья в Донкоме. «Периферия ропщет», — сообщал корреспондент из Ростова в большевистскую газету «Пролетарий»[49].

Ленин после III съезда партии намечал для поездки с докладом о работе съезда в Донской комитет одного из делегатов съезда, но, повидимому, он по каким-то причинам не приезжал. В этот период в Ростов не было прислано ни одного крупного большевистского работника потому, что, как писал Гусев, «людей мало, чтобы везде охватить своим влиянием».

И все же ростовские большевики становились на ленинские позиции, руководствуясь в своей работе решениями III съезда.

В мае в Ростове состоялось собрание членов заводских социал-демократических кружков в количестве 30 человек, носившее, как пишет один из участников, «большевистский характер» [50].

На собрании говорилось о том, что для свержения самодержавия, для победы революции необходимо массовое вооруженное восстание, к которому нужно готовиться и вооружаться.

Летом 1905 года ростовские большевики усилили свои позиции, особенно в Темерницком и Городском районах.

«Городской центр», объединявший членов партии, по преимуществу рабочих металлообрабатывающих предприятий Городского района, становился средоточием большевистски настроенных членов РСДРП. Рабочие, входившие в этот «центр», были решительно настроены против меньшевистского засилья в руководстве Донкома. «Заводские кружки во главе с «Городским центром», — жаловались меньшевики из Донкома в свою «Искру», — повели усиленную борьбу за изменение руководства... Причем недели 2—3 центры вели энергичную агитацию за переустройство организации, тщательно конспирируя от комитета и «районов» [51].

В начале сентября группа большевиков решила порвать с меньшевистским Донкомом и в этом отношении стала проводить подготовительную работу. Решено было назваться —

сперва «Группой донских рабочих», а затем, по укреплении организации,—«Ростово-Нахичеванским комитетом РСДРП» [52].

Но в самый разгар этой работы инициаторы создания Донской большевистской организации были арестованы, и на время этот вопрос был снят.

Но если и на этот раз большевикам не удалось выгнать меньшевиков из Донкома и взять целиком руководство организацией в свои руки,—борьба сыграла большую роль в дальнейшей консолидации большевиков в Ростове.

В Новочеркасске, Александровске-Грушевском (гор. Шахты) и в Сулине на металлургическом заводе к этому времени тоже были социал-демократические группы. Все они в 1904—1905 годах имели связь с Донкомом, от которого получали литературу и изредка помощь партийными работниками.

На Дону социал-демократические организации, за исключением таганрогской, в 1904—1905 годах продолжали еще оставаться едиными, внутри которых происходила ожесточенная борьба на почве противопоставления двух тактик: революционной, большевистской, и оппортунистической, меньшевистской.

Большевики, ведя неустанную борьбу против меньшевиков, отвоевывали в этих организациях социал-демократических рабочих на свою сторону.

Некоторая часть рядовых социал-демократических рабочих, и особенно, вступившая в партию в начале революции, еще недостаточно разбиралась во всей глубине расхождений между большевиками и меньшевиками, но и эта часть социал-демократов в ходе революционной борьбы решительно становилась на большевистские позиции, потому что события ежедневно доказывали им правильность ленинского пути.

В ходе развертывавшейся революции, с каждым крупным ее событием, побеждала большевистская тактика, и среди передовых рабочих Дона росло влияние большевиков, особенно усилившееся осенью 1905 года, когда революция достигла высшего напряжения.

Лучшим подтверждением этого является декабрьское вооруженное восстание, возглавленное большевиками, при сопротивлении меньшевиков.

4. Всеобщая политическая стачка в октябре. Появление на Дону Советов рабочих депутатов.

«Осенью 1905 года революция достигла вершины, а в декабре—высшей точки развития» (Л е н и н). Борьба в этот период приобрела более острый характер и поднялась через по-

литическую забастовку к вооруженному восстанию. Революция вступила в решающую фазу развития.

Начавшиеся в конце сентября забастовки в Москве, Петербурге и других городах, с новой силой всколыхнули рабочих Донской области.

В первой половине октября города Дона один за другим охватывались забастовками. Впереди всех шли железнодорожники. 12 октября забастовали рабочие депо в Новочеркасске и телеграфисты в Таганроге. 13 октября прекратилась работа в Главных мастерских Владикавказской железной дороги. На другой день в Ростове забастовка стала общегородской.

«Владикавказская железная дорога, заводы, большинство предприятий и торговых заведений,—сообщал начальник ростовской охранки, — забастовали. Средние учебные заведения прекратили занятия. Массовые сборища, происходящие в разных частях города Ростова, Нахичевани, разгоняются полицией и казаками. Настроение тревожное, положение администрации тяжелое, войск гарнизона мирного состава один батальон, местная команда и одна сотня казаков; является крайняя необходимость в войсках, в усилении денежных средств отделения (охранки.—Ред.). Можно опасаться осложнений в порту» [53].

13 октября в Новочеркасске к забастовке железнодорожников присоединились рабочие завода Миненкова, типографии и других предприятий. Прекратили занятия все средние учебные заведения.

15 октября забастовали все железнодорожники в Таганроге, а через несколько дней (19-20 октября) — уже все рабочие города. Приостановилась работа на Юго-Восточной железной дороге.

Вся страна была охвачена всеобщей политической стачкой. Замерла промышленность и прекратилось движение на железных дорогах. Государственный аппарат был парализован.

Перепуганный насмерть царь Николай II вынужден был пойти на издание пресловутого манифеста 17 октября, в котором «даровались» народу различные свободы — слова, печати, собраний, союзов. Было обещано созвать законодательную Государственную Думу, рассчитывая этим приостановить революцию.

Как только стало известно о манифесте, в Ростове и Таганроге 18 октября были проведены мощные революционные демонстрации с лозунгами: «Долой самодержавие!». Демон-

страны направились к тюрьмам, требуя немедленного освобождения всех политических заключенных.

Выступавшие на демонстрациях и митингах большевики призывали рабочих не верить «конституции» и «свободам», возвещенным в манифесте 17 октября, не останавливать борьбу, а продолжать ее до полного уничтожения самодержавия.

Для борьбы против революции царское правительство создало бандитские полицейские организации («Союз русского народа» и др.), прозванные в народе «черной сотней».

Во время проведения революционных демонстраций черносотенцы под руководством полиции устраивали свои манифестации с погромными лозунгами, нападали при содействии полиции и казаков на демонстрантов, избивали передовых рабочих и революционеров из интеллигенции. Такие кровавые столкновения имели место в Ростове, Таганроге и Александровске-Грушевском. Вслед за этим начались еврейские погромы, особенно сильные в Ростове. В погромах, организованных полицией в целях разъединения сил народа, участвовали по преимуществу мелкие торговцы, подкупленные босяки и т. д. Самодержавие стремилось этими погромами дезорганизовать революционную борьбу.

Однако, расчеты царского самодержавия были опрокинуты рабочим классом. Погромы не только не дезорганизовали революционную борьбу, но, наоборот, показав «изнанку» манифеста 17 октября, они вызвали огромное возмущение против царизма и его варварской политики.

> «Не «перспективы» мирной конституции «открыло» 17-е октября, — писал Ленин, — это либеральная сказка, а *гражданскую войну*» [54].

Так оно и было.

Рабочие Дона на опыте своей собственной борьбы убеждались в правоте большевиков, говоривших, что ни о каких «свободах» до тех пор, пока существует самодержавие, не может быть и речи.

25 октября впервые в 1905 году забастовали рабочие Александровск-Грушевского угольного района.

Первыми прекратили работу шахтеры самого старого и крупного рудника РОПИТ, к ним присоединились рабочие остальных рудников, расположенных неподалеку от города. Забастовка была экономической. Как и на некоторых шахтах Донбасса, она началась очень бурно и сопровождалась разгромами рудничных магазинов, контор и т. д.

Объясняется это тем, что значительная часть шахтеров со-

стояла тогда из политически отсталых рабочих — сезонников. Социал-демократическая организация была слабой.

25 октября демонстрация шахтеров, направлявшаяся в город, была встречена полицией и «черной сотней» (лавочники и кулаки с. Грушевки) и расстреляна. По официальным данным, было убито 5 и ранено 25 рабочих[55].

После некоторых уступок со стороны предпринимателей, шахтеры 26 октября вышли на работу. Заработная плата была увеличена на 20%. Рабочие рудника РОПИТ, как наиболее передовой отряд горняков, создали «Совет рабочих делегатов», просуществовавший до февраля 1906 года.

Получив жестокий урок классовой борьбы, малоорганизованные до того шахтеры в политическом отношении гигантски выросли.

Свирепую расправу учинила полиция над работницами табачных фабрик в Ростове. Работницы и рабочие (на табачных фабриках большинство составляли женщины) предъявили предпринимателям экономические требования. В ответ на это фабриканты объявили локаут, т. е. закрыли фабрики и уволили всех рабочих. Стачечный комитет, в свою очередь, решил объявить бойкот изделиям этих фабрик, о чем было выпущено 7 ноября воззвание ко всем рабочим и гражданам.

В тот же день состоялся митинг бастующих, на котором присутствовало свыше 1.500 человек, преимущественно — работниц. Во время митинга на беззащитных женщин напали полиция и казаки и начали их избивать.

Совет рабочих депутатов, организовавшийся к этому времени в Ростове, в знак протеста призвал всех рабочих Ростова и Нахичевани объявить двухдневную политическую забастовку. Забастовка прошла исключительно дружно. Предприниматели удовлетворили почти все требования рабочих.

Все эти события, как нельзя более убедительно, подтверждали правильность большевистской тактики.

* * *

После октябрьских событий, по примеру Петербурга и Москвы, возникли Советы рабочих депутатов и на Дону.

К началу декабрьского вооруженного восстания Советы рабочих депутатов имелись в Ростове, Таганроге и в Сулине.

7 ноября вечером, в Ростове, в столовой железнодорожных мастерских состоялся митинг рабочих, на котором «выступил один оратор, — говорится в отчете о митинге в газете «Донская речь», — и предложил организовать Совет рабочих депу-

татов, подобно существующему в С.-Петербурге. Предложение это было поддержано прочими ораторами»[6].

В решении, принятом на этом собрании, говорилось: «Мы, представители фабрик и заводов и прочих предприятий городов Ростова и Нахичевани-на-Дону в числе 112 депутатов от 20 фабрик и заводов, в общем своем собрании 7 ноября 1905 года в помещении столовой мастерских Владикавказской ж. д. постановили: по примеру своих петербургских товарищей, учредить Совет рабочих депутатов и служащих контор разных предприятий»[57]. Председателем Совета донкомпровел меньшевика, в исполнительную комиссию Совета входили, кроме меньшевиков, и большевики.

При непосредственной помощи Ростова возник Совет рабочих депутатов в Сулине, на металлургическом заводе. Совет рабочих депутатов возник непосредственно из стачки, которой он сам и руководил.

14 ноября сходка рабочих, на которой присутствовало до 300 чел., выработала требования к администрации завода. На следующий день была проведена открытая сходка, с участием до тысячи рабочих. На ней были приняты выработанные требования и избраны депутаты для руководства забастовкой. Эти депутаты и организовались в Совет рабочих депутатов Сулинского завода.

Совет рабочих депутатов 16 ноября предъявил управляющему заводом требования рабочих (завод принадлежал акционерному обществу). Всего было выставлено 37 пунктов, из них главные: 8-часовой рабочий день, возвращение на работу всех уволенных за агитацию, удаление с завода высших должностных лиц из администрации, особенно ненавистных рабочим, учреждение комитета из рабочих для установления вместе с администрацией расценок, правил приема и увольнения и т. д. Владельцы завода 27-го ноября прислали телеграфный ответ, в котором коротко говорилось: «С сего дня завод закрываем». Уволили всех рабочих в количестве 3.400 человек.

По предложению Совета, рабочие потребовали выдачи заработной платы золотом вперед за три месяца, в противном случае, они отказались брать расчет и не давали закрывать завод. И только с помощью вызванных двух сотен казаков, администрации с большим трудом удалось закрыть завод. К этому времени «Совет рабочих депутатов,—писал жандармский ротмистр,—понемногу становился хозяином положения, рабочие со всеми просьбами и жалобами стали обращаться уже к нему, минуя законные власти»[58].

В Таганроге Совет рабочих депутатов был организован в декабре. На заседании Комитета РСДРП большевики решили приступить к организации Совета. 5 декабря вечером один из членов комитета выступил перед рабочими котельного завода с предложением организовать Совет. Рабочие единодушно это предложение поддержали. Окончательно Совет рабочих депутатов был оформлен 10 декабря.

В Новочеркасске тоже делались попытки создать Совет рабочих депутатов. После общегородской забастовки, закончившейся 24 октября, среди новочеркасских рабочих ощущалась большая потребность в организации. 14 ноября на собрание железнодорожников прибыла делегация от типографских рабочих и предложила организовать объединенный Совет из депутатов железнодорожного узла и типографии.

В принятом решении было постановлено: организовать в Новочеркасске Совет рабочих не только из представителей железнодорожников и типографских рабочих, но и всех остальных рабочих города [59].

Советы рабочих депутатов на Дону стали центрами, объединявшими борьбу рабочего класса против самодержавия и капиталистов.

В период существования Советов рабочих депутатов стачки проходили под их руководством. Советы силой своего авторитета и материальной помощью бастующим принуждали предпринимателей, в большинстве случаев, удовлетворять требования рабочих.

Но в центре деятельности Ростовского и Таганрогского Советов стояли задачи политической борьбы, борьбы, направленной на свержение самодержавия.

Ростовский Совет рабочих депутатов, по получении известий о восстании матросов в Севастополе, на заседании 14 ноября, на котором присутствовало, кроме депутатов, несколько сот рабочих, принял резолюцию, в которой приветствовал восставших моряков и выражал свою солидарность с ними. По постановлению Совета, на следующий день на предприятиях проходили митинги по поводу севастопольских событий.

Когда Петербургским Советом рабочих депутатов был издан так называемый «финансовый манифест», в котором население призывалось не платить налогов и забирать свои вклады из сберегательных касс и банков, то Ростовский Совет 28 ноября, в свою очередь, обратился с таким же призывом к населению Ростова и Нахичевани.

«Из городского банка, городских сберкасс и частных банков,—доносил из Ростова германский консул своему правительству,—многими были взяты обратно в продолжении предыдущей недели (донесение от 14 декабря) вклады. Один только Азовский банк выплатил в течение 48 часов 2 миллиона рублей»[60].

Неоднократно на заседаниях Совета обсуждался вопрос об отношении к казакам и солдатам.

В Ростове части 196-го пехотного Заславского полка к концу ноября были настолько сагитированы, что власти поспешили убрать их из города, заменив казаками. Возмущенные этим, рабочие на заседании Совета 28 ноября вносили предложение—сейчас же начать политическую забастовку протеста. Совет вынес постановление о вооружении рабочих и отпуске средств на закупку оружия.

Вопрос о казаках был поднят вторично 5 декабря. Под влиянием обостряющейся борьбы замечались революционные настроения и среди части казаков. На митинге ростовских рабочих 4 декабря выступила делегация от казачьих частей гарнизона с заявлением о солидарности с рабочими. На следующий день эти казаки были арестованы. Когда об этом было доложено на заседании Совета, то некоторые рабочие, все же не доверяя казакам, настаивали на удалении их из города, но большинством голосов было решено начать усиленную агитацию среди казаков.

Что касается Таганрогского Совета рабочих депутатов, то ему с первого дня своего существования пришлось стать в центре событий огромной политической важности: декабрьской политической стачки и вооруженного восстания.

Советы рабочих депутатов в 1905 году являлись массовыми политическими организациями рабочего класса, органами вооруженного восстания и зачатком новой, революционной власти. Так оценивали роль Советов большевики, направляя их деятельность именно в эту сторону.

Меньшевики оценивали роль Советов по-иному.

> «Споры о значении Советов, — писал Ленин, — тогда уже были связаны с вопросом о диктатуре. Большевики еще до октябрьской революции 1905 года поставили вопрос о диктатуре... Меньшевики относились к этому лозунгу—«диктатура»—отрицательно. Большевики подчеркивали, что Советы Рабочих Депутатов фактически «являлись зачатками революционной власти»... Меньшевики признавали значение Советов, стояли за «содействие

образованию» их и т. д., но не считали их зачатками революционной власти, не говорили вообще о «новой революционной власти» такого или подобного типа, отвергали прямо лозунг диктатуры»[61].

Меньшевики «смотрели на них, как на органы местного самоуправления, вроде демократизированных городских самоуправлений» [62].

Там, где во главе Советов стояли большевики или же оказывали сильное влияние на их деятельность, там Советы доподлинно являлись органами новой, зарождающейся революционной власти, сыгравшими в декабрьском вооруженном восстании огромную роль.

* * *

Осенью 1905 года на Дону росло и ширилось крестьянское движение, особенно, в Донецком, Хоперском и Ростовском округах.

Среди крестьян упорно распространялось мнение о том, что «если озимой земли не дадут нам—весной сами возьмем»[63].

К приговору крестьян Донецкого округа, о котором было сказано выше, присоединялись и отдельные казачьи станицы (Старочеркасская, Хомутовская, Котельниковская и др.). В значительном количестве сел происходило смещение старост, старшин, а в ряде станиц—атаманов.

В станицах Усть-Медведицкого и Хоперского округов выносились приговоры протеста против навязывания казакам полицейско-карательных обязанностей. В станице Нижне-Чирской в начале ноября 1905 года было арестовано 25 казаков, замешанных в противоправительственной агитации [64].

В Казанской «настроение населения станицы,—говорится в жандармском донесении,—было настолько повышенное и возбуждение против мобилизации так велико, что они (местная власть), опасаясь за свою личную безопасность, выходили из домов вооруженные револьверами и избегали встреч с толпой, так как приходилось выслушивать упреки в том, что казаков ведут не по прямому назначению, не для войны, а для защиты помещиков»[65]. Это стало сказываться и на настроении казачьих частей. Две сотни Донского казачьего полка, находившегося в Москве, на своем митинге 26 ноября отказались нести обязанности карателей и требовали отправки по домам.

Перед рабочим классом и его партией стояла задача борьбы не в «рамках» манифеста 17 октября, а задача даль-

нейшего углубления революции, задача перехода к более высшим формам борьбы—к вооруженному восстанию.

Если ростовские большевики, оценив послеоктябрьскую обстановку, пришли к правильным выводам о необходимости создания и вооружения боевых дружин в более широком масштабе, чем это было до октября 1905 года, то меньшевики занимали другую позицию, по-иному оценивали обстановку. Один меньшевик, занимавший видное место в Донкоме, говоря о позиции меньшевиков из Донкома в ноябре-декабре 1905 года, писал: «Основным лозунгом был созыв Учредительного собрания. Как средство добиваться Учредительного собрания выдвигалась, главным образом, мирная политическая забастовка» [66].

Поэтому в Ростове вся работа по подготовке восстания, по созданию дружин и их вооружению, по изготовлению бомб и т. д. проводилась группой большевиков и многими социал-демократическими рабочими, которые порой, хотя и недостаточно разбирались в разногласиях между большевиками и меньшевиками, но в революционной борьбе шли по большевистскому пути. В эту большевистскую группу входили влиятельные члены районных комитетов и Совета: А. Сабино *, С. Войтенко, И. Вяземцев **, Г. Христенко и др. Большую помощь им оказал инструктор военно-технического Бюро ЦК, прибывший в Ростов осенью 1905 года. Им была организована в Ростове лаборатория по изготовлению бомб.

---

* Сабино Анатолий (в действительности Виталий) сын бедного крестьянина. Работал на предприятиях в Ростове. С юных лет стал работать в РСДРП. Во время декабрьского вооруженного восстания в Ростове был членом штаба по руководству восстанием и начальником бомбистов. 14 декабря 1905 г. убит в бою с казаками, наступавшими на Темерник.

** Вяземцев Иван (кличка «Крот») — рабочий, принимал участие в 1902 г. в ноябрьской забастовке и в 1903 г. в мартовской демонстрации. В 1904 г. вступает в РСДРП. Принимал активное участие в декабрьском вооруженном восстании в Ростове. В апреле 1906 г. Вяземцев был арестован и выслан в Тобольскую губернию, откуда он вскоре бежал в Ростов. В начале 1907 г. его снова арестовывают и высылают в Туруханский край, где он пробыл до 1914 г. Накануне войны он возвратился в Ростов с плохим здоровьем, часто болел. В 1917 г. активно работал в ростовской большевистской организации. В 1918 г., во время господства на Дону немецкого ставленника Краснова, Вяземцев направляется в Ростов на подпольную работу. В начале 1919 г. был арестован белоказаками и приговорен к смертной казни. В апреле 1919 г. его вместе с тов. Мурлычевым белоказаки отвели на свалочную балку и изрубили шашками на куски.

Боевая дружина в Ростове начала создаваться еще в феврале 1905 года во время забастовки, в целях самообороны. Летом, по инициативе большевиков, значительно расширилась работа по формированию боевой социал-демократической дружины, которая предназначалась для вооруженного восстания.

Все дружинники были разбиты на небольшие отряды (десятки), и под руководством «десятников» проводили боевую подготовку. Из наиболее испытанных и смелых рабочих были созданы группы бомбистов во главе с А. Сабино. С ними проводились специальные занятия по изучению бомб и метанию их.

Дружинники были вооружены самым разнообразным оружием—револьверами, кинжалами, пиками и небольшим количеством винтовок.

Огнестрельное оружие частью закупалось (большую помощь в этом оказывали служащие оружейных магазинов), частью добывалось путем экспроприации со складов и др. Бомбы получали из своей лаборатории. Эта боевая дружина и явилась вооруженным ядром в декабрьском восстании.

5. Декабрьское вооруженное восстание на Дону. Поражение восстания. Борьба большевиков Дона за тактику бойкота I Государственной Думы

В декабре сигнал к политической забастовке подали рабочие Москвы. Московский комитет большевиков 5 декабря предложил Московскому Совету рабочих депутатов объявить общеполитическую забастовку с тем, чтобы перевести ее в вооруженное восстание. Московский Совет 6 декабря постановил: начать забастовку 7 декабря. К решению Московского Совета присоединилась проходившая в то время в Москве конференция железнодорожных союзов 29 железных дорог.

Центральное бюро Союза железнодорожников Владикавказской ж. д. (в Ростове), во главе которого стоял энергичный большевик С. Рейзман*, получив об этом 7 декабря телеграм-

---

* Рейзман Соломон Генрихович в 1902 г. поступил работать слесарем в Главные мастерские Владикавказской ж. д. в Ростове. В том же году был уволен за участие в знаменитой ноябрьской забастовке. После этого Рейзман стал профессионалом-революционером. В 1903 г. он выступает (под кличкой «Пролетарий») на рабочих массовках от имени Донского комитета РСДРП. За участие в мартовской демонстрации 1903 г. был арестован и, хотя через 3 месяца был освобожден, но вынужден был уехать из Ростова. Работал в Мариуполе, потом, после года тюремного заключения—в Баку, в Тбилиси. В 1905 г. Рейзман, работая в Петербурге, избирается там членом Петербургского Совета рабочих

му из Москвы, в тот же день на своем заседании решило призвать всех рабочих дороги к политической забастовке. В конце телеграммы, разосланной всем бюро союза железнодорожников Владикавказской дороги, говорилось:

«Товарищи! от нашего дружного и единодушного выступления будет зависеть превратить эту забастовку в последний акт борьбы народа за низвержение самодержавия. Бросайте работы, присоединяйтесь к забастовке. Да здравствует всероссийская политическая забастовка! Председатель Ростовского бюро С. Рейзман» [67].

Рабочие дороги живо откликнулись на этот призыв, и на другой день вся Владикавказская, а за ней и Юго-Восточная железные дороги были охвачены политической стачкой. Всеобщие политические забастовки 8—9 декабря были объявлены также в Ростове и Таганроге.

В течение нескольких дней политическая забастовка переросла в вооруженное восстание. В декабре 1905 года на Дону, как и во всей стране, революция достигла высшей точки развития.

В декабрьской политической забастовке и в вооруженном восстании Ростову принадлежала главная, ведущая роль не только на Дону, но и на Кубани. Объясняется это не только тем, что Ростов являлся центром союза железнодорожников Владикавказской дороги, под руководством которого протекала борьба железнодорожников от Ростова до Баку и Новороссийска, но и тем, что ростовские рабочие ещё накануне революции — знаменитой стачкой 1902 года и мартовской демонстрацией 1903 года — завоевали огромный революционный авторитет среди рабочих Донской и Кубанской областей.

Ростовские рабочие не только давали сигнал, толчок к восстанию, но они выступали организаторами вооружен-

депутатов от союза рабочих печатного дела. Осенью 1905 г. Рейзман возвращается в Ростов. В ноябре он был избран председателем центрального Бюро союза железнодорожников Владикавказской ж. д. Рейзман принимал активное участие в декабрьском вооруженном восстании. 17 декабря он был командирован партийной организацией в Терскую область для организации вооруженной помощи ростовским рабочим. В дороге его арестовали. За участие в восстании был приговорен к 5 годам 4 мес. каторжных работ. Находясь в ростовской тюрьме, за протесты против издевательств над политическими заключенными Рейзман подвергался избиениям, его неоднократно бросали в карцер, был закован в кандалы. В знак протеста несколько раз объявлял голодовку. Все это подорвало его здоровье и в феврале 1907 г. он умер в ростовской тюрьме.

вой борьбы на Дону, Кубани, распространяя свое влияние даже на Терек.

Вечером 8 декабря Ростовский Совет рабочих депутатов вынес решение об объявлении политической забастовки. На второй день фабрики, заводы, мастерские остановились, работа учреждений была парализована. В городе наступили тревожные дни. Настроение рабочих было приподнятым, проникнутым сознанием необходимости решительной схватки с самодержавием.

С другим настроением встретили телеграмму из Москвы о всеобщей политической забастовке меньшевики. Один из меньшевиков, член Донкома, писал: «Трудно передать то впечатление, которое произвела эта телеграмма на организации (меньшевистские.—Ред.), стоявшие во главе ростовского движения... Достаточно будет сказать, что в первый момент явилось подозрение—не провокация ли это. До того неожиданным фактом явилось такое раннее объявление забастовки» [63].

Но ростовские меньшевики были поставлены перед совершившимся фактом, ибо рабочие Ростова, под руководством большевиков еще до постановления Совета начали присоединяться к забастовке, выявляя тем самым свою непреклонную волю к решительной схватке с царизмом.

Чтобы установить связь в проведении стачки с Москвой и Петербургом, С. Рейзман от имени Бюро союза железнодорожников Владикавказской дороги отправил Петербургскому и Московскому Советам рабочих депутатов телеграмму, в которой писал:

«Совет депутатов Ростова и Нахичевани н/Д. присоединяется к забастовке. Работа стала. Жел.-дор. узел бастует. Просим сообщить о ходе событий и держать нас в курсе событий. Направлять все сведения жел.-дор. бюро. Необходимо выпускать известия»[69].

В первый же день забастовки ростовские власти пытались нанести удар рабочим. Еще 6 декабря, стремясь предотвратить надвигающуюся политическую стачку, градоначальник запретил митинги и демонстрации. В тот же день начальник Донского охранного отделения предлагал произвести аресты революционеров в количестве 91 чел. [70]. Градоначальник не решался на такой шаг, опасаясь вызвать волнения. Но когда забастовка началась, был отдан приказ об арестах. В ночь на 9 декабря было арестовано 12 человек, главным образом, членов Совета. Но под давлением рабочих, и, боясь дальнейших осложнений, градоначальник вынужден был освободить арестованных.

Это событие имело большое значение. С одной стороны, неудачный арест внес растерянность в ряды ростовских властей, а с другой—укреплял уверенность в своих силах в рабочих рядах. Исполняющий обязанности градоначальника фон дер-Вейде внезапно «заболел» и послал телеграмму наказному атаману с просьбой о назначении заместителя.

Жандармский ротмистр доносил, что «город без градоначальника, так как командир порта (фон дер-Вейде был командиром порта. — **Ред.**) заболел, необходим немедленно энергичный заместитель, иначе положение станет критическим, до ареста властей включительно. Необходимы самые энергичные меры и усиление гарнизона» [71].

Большевики, учтя боевое настроение рабочих, решили воспользоваться растерянностью ростовских «градоуправителей» и захватить власть, передав её в руки революционного народа. Большевики, возглавлявшие боевую дружину, предлагали на заседании Совета и Донского комитета начать немедленно восстание, но меньшевики воспротивились этому. С. Гурвич (председатель Совета—меньшевик) пишет, что «часть дружинников настаивала на немедленном выступлении. Но каждый раз эти предложения нами (т. е. меньшевиками.—**Ред.**) отвергались» [72].

Ростовские меньшевики, отвергая предложение большевиков о захвате власти Советом рабочих депутатов, руководствовались не соображением выбора тактически удобного момента, а общеменьшевистской линией, отрицавшей восстание. Что это было именно так, как нельзя лучше подтверждает В. Смелов (меньшевик—член Донкома). Так, говоря о заседании меньшевистской части Донкома и Совета рабочих депутатов, состоявшемся вечером 13 декабря, когда, по инициативе и под руководством большевиков, восстание уже намечалось, он прямо указывает, что даже в этот момент меньшевики далеки были «от мысли организовать вооруженное восстание»[73].

Но вся сложившаяся обстановка показывала рабочим недостаточность политической забастовки и необходимость перехода к вооруженному восстанию.

Назначенный 11 декабря на должность градоначальника, с правами генерал-губернатора, воинский начальник Макеев стал проводить меры, направленные к разгрому рабочих. Им был издан приказ, запрещающий митинги и собрания под угрозой применения оружия. В тот же день состоялось чрезвычайное заседание Городской думы при участии самого Макеева. Предложение градоначальника о необходимости при-

менить оружие для подавления рабочих получило полное одобрение со стороны ростовской буржуазии. Дума приняла обращение к рабочим Ростова, призывая их прекратить стачку. Таким образом, восстание рабочих было подавлено в Ростове так же, как и в других местах, царскими властями в тесном союзе с буржуазией.

Перед социал-демократической организацией со всей остротой стоял вопрос: либо отступить без боя, оставив восставших московских рабочих без всякой поддержки, либо, по их примеру, взяться за оружие и совместными усилиями довести борьбу до конца. Другого выхода не было. Ввиду этого ростовские большевики, вопреки меньшевистской части Донкома, решили пойти на восстание.

Утром 13 декабря боевая дружина, руководимая большевиками, вместе с присоединившимися к ней рабочими, главным образом, Владикавказских железнодорожных мастерских, отправилась на ростовский вокзал для разоружения жандармов.

Когда рабочие подошли к вокзалу, то там уже находилась полурота солдат Феодосийского полка, высланная для охраны станции. Рабочие, подойдя ближе к солдатам, стали их уговаривать не стрелять в народ и присоединиться к ним. Солдаты заколебались. Командир поспешил увести солдат. Дружинники обезоружили жандармов и направились в цейхгауз, забрав там два ящика с разобранными винтовками.

После того как рабочие захватили вокзал, по распоряжению военных властей, были двинуты войска в составе артиллерии (батарея), сотни казаков и двух рот пехоты для взятия вокзала и мастерских и подавления восстания. Начался артиллерийский обстрел Главных мастерских Владикавказской дороги, где проходил в то время многолюдный митинг. К вечеру этого же дня вокзал был занят войсками.

В результате артиллерийского обстрела 13 декабря среди находившихся на митинге рабочих было убито 9 человек и несколько человек ранено. Рабочие Темерника, главным образом, железнодорожники, вместе с дружиной, под руководством штаба боевых дружин начали сооружать баррикады.

Ростовская боевая дружина насчитывала до 250 человек[74]. В момент восстания на помощь ростовским рабочим прибыли дружинники из Тихорецкой, Кавказской и других мест — всего около 100 чел., из них 36 — вооруженных вин-

говками. Таким образом, вооруженное ядро рабочих составляло до 350 человек.

Боевыми операциями дружины руководил штаб, состоявший из большевиков А. Сабино, С. Войтенко, «Бекас» (Хижняков) — матроса Черноморского флота.

С 13 по 21 декабря (ст. стиля) Темерник представлял собой вооруженную крепость, являясь как бы «Красной Пресней» Ростова. Вся власть фактически находилась в руках штаба боевых дружин. Им принимались все меры к укреплению Темерника и к организации вооруженных сил.

В снабжении продовольствием восставших рабочих принимали участие и крестьяне ряда окрестных сел: Самарского, Николаевского, Верхне- и Нижне-Поленкино, при чем собранные продукты доставляли в Батайск и оттуда их перевозили в Ростов.

Ежедневно с 13 по 16 декабря Темерник обстреливался артиллерией. По некоторым сведениям, 14 и 15 декабря по Темернику было произведено 50—60 орудийных выстрелов, а 16 декабря—до 200 выстрелов.

Кроме того, в эти дни происходили довольно частые вооруженные стычки с казаками. Сильный бой происходил 15 декабря.

В этот день дружины повели наступление с целью выбить войска с вокзала. «Утром 15 декабря,—говорится в обвинительном акте по делу о ростовском восстании,—мятежники стали со всех сторон обстреливать вокзал, где оставалась рота капитана Обуха (134-го пехотного Феодосийского полка.—**Ред.**) и сотня казаков под командой есаула Кутырева, при чем выстрелами этими был ранен есаул Кутырев и убит казак его сотни, что и вынудило эти части войск оставить вокзал, поступивший в полное распоряжение мятежников» [75]. Вокзал восставшие удерживали в своих руках до 20 декабря.

Хотя дружины и проводили частичные наступательные операции (кроме взятия вокзала, была предпринята попытка завладеть батареей), но, в основном, как в эти, так и в последующие дни восставшие держались оборонительной тактики. Это не могло не сказаться на ходе восстания, ибо оборонительная тактика в восстании, как учат Маркс — Энгельс—Ленин—Сталин и как это подтверждает опыт борьбы, обрекает восстание на поражение. Об этом говорит и опыт ростовского восстания. Оборонительная тактика прибе-

ла к локализации восстания на Темернике, что подрывало силу восстания и облегчало его подавление.

Восставшие рабочие, под руководством большевиков, проявляли чудеса героизма, давая вооруженный отпор царским войскам и защищая под артиллерийским огнем Темерник до 21 декабря.

Получив от царского правительства упрек в неспособности справиться с рабочими и ободренные подавлением восстания в Москве, ростовские власти решили предпринять генеральную атаку на Темерник.

«20 декабря в 8 часов утра,—говорится в донесении Жандармского управления,—артиллерия открыла редкий огонь по столовой и мастерским Владикавказской ж. д., где, по сведениям охранного отделения, продолжали собираться революционеры. По открытии артиллерийского огня, мятежники начали обстреливать артиллерию из ружей, при чем в это время были ранены артиллерист-наводчик, казак и лошадь. После подготовки атаки артиллерийским огнем, пехота и казаки цепью двинулись к вокзалу и в первом часу дня вокзал после усиленной перестрелки с мятежниками был занят войсками [76].

Рабочие дружины с большим упорством и мужеством на протяжении всего дня отражали атаки противника, но к концу дня выяснилось, что дальше сопротивляться на Темернике не хватит сил. Поэтому решено было перейти в Нахичевань (в противоположную сторону города) и оттуда продолжать борьбу. Переход дружинников из Темерника в Нахичевань прошел без осложнений. Но по каким-то, не выясненным до сих пор, причинам, ночью произошел взрыв в столовой завода «Аксай», где было сложено почти все оружие дружин. В результате взрыва оружие погибло. Оставшиеся без оружия рабочие, понятно, не могли дальше продолжать борьбу.

Декабрьская политическая забастовка и вооруженное восстание в Ростове и на Владикавказской железной дороге находились в тесной связи между собой. Ростов стоял во главе борьбы рабочих всей железнодорожной линии, до Баку и Новороссийска.

По решению Центрального бюро 8—9 декабря стала вся Владикавказская железная дорога. Забастовкой на большинстве станций Владикавказской железной дороги руководили существовавшие там организационные бюро; на некоторых же станциях для этой цели были созданы стачечные комитеты (Тихорецкая, Минеральные Воды, Грозный), имевшие такой

же характер, как стачечные комитеты на некоторых других южных железных дорогах, которые Ленин относил тоже к зародышам революционной власти. Со дня объявления забастовки и вплоть до ее подавления, Владикавказская дорога находилась в руках рабочих. Все движение, за исключением поездов с продовольствием и воинских эшелонов с возвращающимися с войны солдатами, было приостановлено. Поезда могли быть отправлены только по разрешению стачечного комитета соответствующей станции. Для связи бюро и стачечных комитетов друг с другом, а также для подвоза крестьян и казаков на митинги, назначались специальные поезда.

На всех крупных станциях администрация была отстранена от управления (Тихорецкая, Кавказская, Минеральные Воды, Грозный и Новороссийск) и заменена рабочими, выделенными для этого стачечными комитетами.

Огромную работу по организации забастовки и затем восстания на Владикавказской железной дороге провело Центральное ростовское бюро во главе с Рейзманом С.

Для организованного проведения стачки Центральное бюро назначило съезд представителей местных бюро на 11 декабря. Съезд состоялся в Ростове 11—13 декабря. На нем были заслушаны сообщения представителей с мест о ходе забастовки. Во время съезда, 13 декабря, началось восстание ростовских рабочих; работы съезда были прерваны и делегаты разъехались по местам.

На второй день забастовки Центральное бюро направило по линии «делегатский поезд» с представителями ростовских рабочих. В задачу этих делегатов входила, главным образом, агитационно-организационная помощь местным бюро. Делегатами поезда были проведены митинги на крупных станциях (Тихорецкая, Кавказская, Екатеринодар, Новороссийск, Минеральные Воды). Выступая на многолюдных митингах, делегаты разъясняли железнодорожникам задачи начавшейся стачки и призывали их к дружной борьбе с царским самодержавием.

Когда в Ростове началось вооруженное восстание, «делегатский поезд» был отправлен по линии для организации вооруженной помощи восставшим ростовским рабочим. В результате деятельности «делегатского поезда» в Ростов стали прибывать дружины со станций Тихорецкой и Кавказской.

Когда 13 декабря войска заняли ростовский вокзал и на время была прервана связь Ростовского бюро с дорогой, С. Рейзман отправил по линии телеграмму, в которой, изве-

щая о занятии войсками вокзала, писал: «Сообщение прервано. Ваши поручения исполнять не можем. Организуйте новое Центральное бюро. Организуйтесь, вооружайтесь, побеждайте. Долой царское правительство! Да здравствует революция!»[77].

В свою очередь часть делегатов съезда, собравшись на ст. Батайск, отправила 14 декабря телеграмму по всем станциям Владикавказской дороги и вслед «делегатскому поезду», в которой писала:

«Ростов вступил в революционную борьбу. Наши товарищи выдерживают жестокий натиск артиллерии казаков. Мы, оставшиеся делегаты, видя мужественную кровавую борьбу героев—ростовских товарищей, призываем всех линейных товарищей сомкнуться тесно в ряды бойцов и дружно стать на защиту попираемой свободы. Выехавших из Ростова делегатов (съезда.—Ред.) просим немедленно собраться в Минеральных Водах и взять в свои руки руководство забастовкой, ввиду крайне тяжелого положения Ростовского бюро. Делегаты Дербента, Грозного, Котельниково»[78].

Когда Ростовский вокзал 15 декабря был очищен от войск и вновь перешел в руки восставших, из Ростова на ст. Минеральные Воды прибыла телеграмма от Центрального бюро за подписью С. Рейзмана, в которой, после краткого сообщения о вооруженной борьбе в Ростове, говорилось:

«Товарищи! Кто чем может, идите на помощь. Доставьте вооруженные отряды. Наша победа в Ростове принесет всем Вам, линейным, освобождение от гнета. На помощь же, товарищи, к оружию!» [79].

16 декабря Забастовочное бюро ст. Минеральные Воды решило послать боевую дружину на помощь ростовским рабочим.

Минераловодское Забастовочное бюро решило привлечь в помощь Ростову также рабочих и других станций. С этой целью еще 15 декабря была отправлена телеграмма на станции Баладжары, Грозный, Дербент, в которой Минераловодское бюро просило прислать возможно больше ружей, винтовок и берданок. «В Ростове,—говорилось в телеграмме,—товарищи гибнут под снарядами казаков. Высылайте поддержку охотников и дружинников в Минеральные Воды, оттуда будут препровождаться до Батайска. Деньги за оружие будем высылать» [80].

Кроме того, Минераловодское бюро, вместе с представителями ростовских рабочих, проводило большую работу сре-

ди осетин по вербовке их в боевые дружины на помощь Ростову.

В ночь на 18 декабря со ст. Минеральные Воды специальным поездом был отправлен в Ростов вооруженный отряд численностью в 120—140 человек. Но он не смог пробраться через ст. Кавказскую, занятую казаками.

Крупную помощь Ростову оказали рабочие ст. Тихорецкой. В 1905 году в мастерских и депо этой станции было занято 1.082 рабочих, прошедших суровую школу классовой борьбы.

Во главе тихорецких рабочих стояла социал-демократическая группа, руководимая большевиками, среди которых выдающуюся роль играл Л. Чернышев. Своей неустанной политической работой партийная организация к осени 1905 года завоевала огромный авторитет среди всех рабочих депо и мастерских. Она подготовила рабочих к решительной схватке с царизмом. И когда разразились декабрьские события, тихорецкие большевики без колебаний повели рабочих на вооруженное восстание.

Как только 7 декабря была получена телеграмма от Центрального ростовского бюро, социал-демократическая группа решила безоговорочно присоединиться к забастовке. На другой день под гудки мастерских и паровозов был созван митинг, на котором тихорецкие рабочие единодушно высказались за присоединение к борьбе московских и ростовских рабочих. Прямо с митинга боевая дружина отправилась на вокзал и разоружила жандармов.

Присутствовавший при этом на вокзале наряд казаков 16-го Кубанского полка под влиянием рабочих оставил посты и ушел в казармы. Попытка начальника жандармского отделения вызвать для подавления рабочих первую и вторую сотни Кубанского казачьего полка, среди которых большевики проводили некоторую работу, не увенчалась успехом. Командир второй сотни заявил, что «вызов этот бесполезен, так как казаки на стороне рабочих и мер против них никаких не примут»[81].

С этого дня и по 19 декабря власть на ст. Тихорецкой и в рабочем поселке фактически находилась в руках рабочих, возглавляемых большевиками.

Весть о вооруженном восстании в Ростове дошла до тихорецких рабочих 14 декабря. В тот же день, вечером, на митинге выступали представители ростовских рабочих, прибывшие с «делегатским поездом», призывая оказать помощь Ростову. В ответ на этот призыв решено было отправить в

Ростов вооруженную боевую дружину, которая, как уже указано выше, принимала активное участие в вооруженной борьбе ростовских рабочих.

Политическая стачка на Владикавказской дороге продолжалась до 28 декабря. С подавлением восстания в Москве, Донбассе, Ростове, царские власти подавили революционную борьбу и на Владикавказской железной дороге.

Как уже отмечено, политической стачкой была охвачена и вся Юго-Восточная дорога, значительная часть которой пробегала по Донской области. Центральное бюро союза железнодорожников Юго-Восточной дороги (Юго-Восточный комитет), находившееся в Воронеже, отправило 7 декабря по линии телеграмму о забастовке. В течение 8—9 декабря стала вся дорога. В телеграмме жандармского ротмистра из Каменска в жандармское управление Юго-Восточной дороги в Воронеже сообщалось: «Восьмого декабря морозовские мастерские прекратили все работы, товарное движение остановлено, телеграфное сообщение прекращено для телеграмм начальствующих, поезда на Ростов не идут»[82].

Дорога находилась в руках забастовочных комитетов, имевшихся почти на всех станциях.

Особенно замечательной была деятельность забастовочного комитета на ст. Глубокой. Он не только руководил стачкой в своем районе, но и проводил большую работу среди окружающего сельского населения. На совместном заседании комитета и представителей хутора Ивановка принято было решение, в котором говорилось, что «желательно учреждение на время забастовки делегатского собрания (некоторое подобие Совета рабочих и крестьянских депутатов.—**Ред.**) из представителей разных групп населения хутора Ивановка и районного комитета ст. Глубокая»[83].

Работу среди сельского населения проводили также рабочие других станций. Начальник Восточно-Донецкого отделения Воронежского жандармского управления сообщил, что «участвовавшие в ж. д. забастовке отправляются в соседние селения для агитации по присоединению населения к всеобщей забастовке»[84]. На ст. Морозовская 17 декабря состоялся митинг железнодорожников с участием в нем до 500 крестьян.

Забастовка на Юго-Восточной дороге закончилась 20—21 декабря.

Декабрьская политическая забастовка в Таганроге началась 8 декабря. Первыми забастовали железнодорожники. 10 декабря стачка охватила все предприятия и торговые учреж-

дения города, кроме бакалейных лавок, булочных и пекарен, которые, по решению Совета рабочих депутатов, продолжали работать.

10 декабря произошло окончательное оформление Таганрогского Совета рабочих депутатов. О своем возникновении и задачах Совет рабочих депутатов в воззвании, напечатанном 13 декабря в первом номере «Известий Совета рабочих депутатов», писал, что «рабочий класс принимает вызов правительства и вступает в решительный бой. Совет депутатов 29 железных дорог, Советы рабочих депутатов в Петербурге и Москве объявили всероссийскую политическую забастовку, с целью добиться немедленного созыва Учредительного собрания, которое одно только в состоянии вывести Россию из оков рабства и гнета к новой свободной жизни. Образовавшийся 10 декабря Совет рабочих депутатов в г. Таганроге вполне присоединяется к решению петербургских и московских товарищей».

В конце воззвания Совет рабочих депутатов призывал:

«Товарищи, смело в бой за свободу, за счастье народа да здравствует всеобщая политическая забастовка, да здравствует Учредительное собрание!»[85].

Таганрогский Совет просуществовал всего 7—8 дней. Естественно, что за такой короткий срок он не мог развернуть все свои силы. Но то, что проделал Совет, оставило глубокий след в сознании рабочих масс Таганрога. Совет рабочих депутатов руководил политической забастовкой, проводил многолюдные митинги, на которых рабочие призывались к решительной борьбе с самодержавием. Совет выпускал свои «Известия», заставляя владельцев типографий печатать их под угрозой оружия. Он оказывал помощь бастующим рабочим.

В эти дни революционная деятельность таганрогской большевистской организации и руководимого ею Совета рабочих депутатов достигла широкого размаха. Вопрос о подготовке и организации вооруженного восстания неоднократно обсуждался на совещаниях как большевистского комитета, так и Совета. Партийный комитет имел к этому времени небольшую боевую дружину. Большие надежды возлагались на артиллеристов, среди которых велась революционная работа.

Однако, в дни наивысшего подъема декабрьской борьбы, когда не только в Москве, но и по соседству с Таганрогом— в Донбассе и Ростове—происходили вооруженные бои, Совет рабочих депутатов и комитет РСДРП не выбрасывали лозун-

га немедленного вооруженного восстания потому, что,—говорилось в обращении Совета от 15 декабря,—«нет, к сожалению, у нас той силы, чтобы мы наравне со всеми нашими братьями стали с оружием в руках за народное дело». Партийный комитет и Совет депутатов имели мало оружия, и с наличной боевой дружиной, не будучи уверены в присоединении артиллерийской бригады, не решались выступать, затянув тем самым начало восстания. Этим воспользовались таганрогские власти. 15 декабря начальник гарнизона объявил Таганрог на положении чрезвычайной охраны и пополнил гарнизон тремя сотнями казаков, вызванными из Новочеркасска.

На следующий день, 16 декабря, с утра железнодорожная станция Таганрог и помещение Совета рабочих депутатов были заняты войсками. Рабочих, пытавшихся собраться у здания Совета, разгоняли. Совет рабочих депутатов, в сущности, был ликвидирован, так как наиболее видные его руководители в ночь на 17 декабря были арестованы. Оставшиеся на свободе члены партийного комитета и Совета решили двинуться на заводы и поднять рабочих на вооруженное восстание.

Решено было начать с котельного завода, рабочие которого в революции 1905 года явились передовым отрядом в Таганроге. После краткого митинга была обезоружена заводская полиция. Рабочие, вооружившись кто чем мог, вместе с боевой дружиной, направились к металлургическому заводу, чтобы разоружить полицию и привлечь рабочих этого завода к восстанию.

Вблизи металлургического завода котельщики были встречены цепью казаков. После перестрелки, в которой трое рабочих было убито и 9 ранено, рабочие-котельщики были разогнаны. Попытка поднять восстание окончилась неудачей.

* * *

Декабрьское восстание было подавлено.

Дружное и организованное проведение всеобщей политической стачки, охватившей подавляющее большинство рабочих Дона, говорило о боевом настроении рабочих масс, об их решимости идти на штурм самодержавия.

Большевики Дона, руководствуясь решением III съезда партии, учитывая общую обстановку в стране и, особенно, начавшееся восстание московских рабочих, поступили совершенно правильно, призвав массы к восстанию.

Конечно, риск был, но это не было бланкистской тактикой,

ибо восстание происходило на гребне огромной политической стачки. Что касается риска, то он, в той или иной мере, неизбежен при всяком восстании, даже при самых благоприятных условиях.

«Творить мировую историю,—писал Маркс в связи с восстанием рабочих Парижа в 1871 году,—было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов» [86].

Меньшевики устами Плеханова заявляли после разгрома декабрьского восстания: «Не надо было браться за оружие», демонстрируя этим лишний раз свою оппортунистическую тактику в революции.

> «Напротив,—писал Ленин, разоблачая меньшевиков,—нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы»[87].

Партия большевиков призывала рабочий класс изучать опыт декабрьских боев.

> «Мы должны,—писал Ленин,—собирать опыт московского, донецкого, ростовского и других восстаний, распространять знакомство с ними, готовить упорно и терпеливо новые боевые силы» [88].

Ленин указывал, что восстание есть искусство, которым нужно овладеть с тем, чтобы в следующий раз наверняка победить.

* * *

Революция, достигнув в декабре высшей точки, после поражения восстания пошла по нисходящей линии.

На Дону начались массовые аресты. В Ростове, в январе 1906 года было арестовано 119 человек, главным образом, социал-демократов и выслано за пределы города 275 человек. В Главных мастерских Владикавказской дороги было уволено 410 рабочих.

Социал-демократическая организация, помимо жертв, понесенных в декабрьских боях, вторично имела большие потери 4 марта 1906 года. В этот день, вечером, на Темернике состоялось подпольное партийное собрание, созванное для обсуждения тактики по отношению к Государственной Думе и выборов одного делегата на IV объединительный съезд РСДРП. Узнав (по доносу) об этом, ростовские власти дви-

нули туда отряд полиции и полусотню казаков, которые окружили дом, где происходило собрание.

Члены партии решили вооруженным путем пробиться из полицейского окружения. Началась перестрелка; часть социал-демократов сумела выйти из дома и скрылась. В результате столкновения с полицией 4 члена партии было убито, 6 ранено и 30 арестовано. Партийной организации был нанесен новый сильный удар.

В Таганроге 24 января было арестовано собрание большевиков, на котором присутствовало 24 человека. При обыске были отобраны книга В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и решение Таганрогской большевистской организации о бойкоте 1 Государственной Думы [89]. В январе 1906 года Бельгийская акционерная компания закрыла металлургический завод и выбросила на улицу до 3 тыс. рабочих.

На станциях Новочеркасск, Глубокая и др. шли также массовые аресты и увольнения рабочих.

Самодержавие и буржуазия в 1906 году, перейдя в наступление, стали отнимать у рабочего класса завоевания 1905 года как в области политической, так и экономической.

Царские власти на Дону особенно старались удержать в своих руках казаков, среди которых начались волнения. Их прямо подкупали. При мобилизации казаков 3-й очереди, в январе 1906 года, для несения службы по «внутренней охране» им выдавалось по 207 рублей каждому.

Добившись первых успехов при помощи репрессий, царское правительство «решило нанести новый удар революции путем созыва новой, «законодательной» думы. Оно рассчитывало созывом такой думы отколоть крестьян от революции и доконать этим революцию» [90].

Весной 1906 года начались выборы в 1 Государственную Думу.

Большевики Дона, на основе решения Таммерфорской конференции, повели кампанию за активный бойкот 1 Государственной Думы, призывая рабочих не выбирать в Думу и готовиться к новым боям с царским правительством.

В листовке «К рабочим», выпущенной 11 марта 1906 года, ростовские большевики писали: «Нет, не в Думе мы добьемся созыва Учредительного собрания,—этого мы добьемся вооруженным восстанием, сражаясь на баррикадах». Заканчивалась листовка лозунгами: «Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует революция! Долой Думу!» [91].

В другой прокламации—«Два праздника» ростовские большевики разъясняли, что «театр военных действий не в Думе, а на улицах. Мы получим свободу и лучшую жизнь не от Думы, а от Учредительного собрания, добытого в бою во всенародном, вооруженном восстании... «Товарищи! Наша борьба растет. Теперь борется весь пролетариат России, всё крестьянство, победа не за горами. И, видя как растет наша сила, видя как двигается вооруженное восстание, как ломаются одна за другой крепости самодержавия, Донской Комитет (в то время возглавлялся большевиками.— Ред.) смело приглашает вас, ростовские, нахичеванские и темерницкие рабочие и работницы, продолжать раз начатую борьбу». Прокламация заканчивается лозунгом: «Долой Думу!»[92].

С таким же призывом активного бойкота Думы выступили большевики в Таганроге. В прокламациях «О социализме» и «К рабочим о Первом мае» они разъясняли рабочим, что царское правительство созывает Думу для отвлечения масс от революционной борьбы, и призывали их к бойкоту её.

Новочеркасская социал-демократическая группа в январе 1906 года в прокламации «Ко всем гражданам» разъясняла, что «пока существует самодержавное правительство у власти, никакой свободы быть не может. Действительную свободу может провести в жизнь лишь Учредительное собрание, опирающееся на вооруженный народ, во главе с самым ревностным борцом за самодержавие народа—рабочим классом. Как могут рабочие и беднота ответить на эту Думу?—Долой Думу! Да здравствует всенародное Учредительное собрание!—такой их ответ»[93].

Меньшевики выступали за участие в I Государственной Думе. «Кадеты, меньшевики и эсеры обманывали рабочих и крестьян—будто без восстания, без революции можно добиться нужных народу порядков»[94].

Бойкот I Думы, который объявили большевики, не мог сорвать выборы в неё, так как он был проведен, как потом стало ясно, в обстановке убыли, упадка революции.

Рабочие ряда предприятий Ростова и Таганрога приняли участие в выборах в Думу. Многие рабочие, однако, поддержали бойкот. В Ростове рабочие 9-ти предприятий отказались выбирать уполномоченных. В Александровск-Грушевском угольном районе меньшевикам, стоявшим во главе объединенной социал-демократической организации (комитет шахтеров), удалось сбить с толку горняков, среди которых была значительная масса политически отсталых рабочих из

крестьян-сезонников. В силу этого, там в избирательной кампании, при поддержке меньшевиков, подвизались кадеты.

От Донской области (вместе с Ростовом) всего было избрано в 1 Государственную Думу 12 депутатов. Из них: помещиков—2, станичных атаманов—3, урядников—1, тов. прокурора—1, священников—1, учителей—2, врачей—1, крестьян—1. По партийности: прогрессистов — 1, беспартийных — 5 (правые), кадетов—4, трудовиков—2 [95].

Хотя на областном собрании выборщиков список правых партий не прошел, тем не менее, много казачьих голосов было отдано таким «беспартийным» (есаул, 3 станичных атамана и урядник), которые по своим политическим взглядам принадлежали к правому, черносотенному лагерю.

Из вопросов, обсужденных в 1 Государственной Думе и имевших отношение к Донской области, большие прения вызвал вопрос о мобилизации казаков 2-й и 3-й очередей. Для внутренней охранной службы, т. е. для подавления революции, к этому времени было мобилизовано 20 полков донских казаков. В связи с этим, среди казаков все больше и больше нарастало недовольство полицейско-карательной ролью, которая им была навязана царизмом. На имя донских депутатов было прислано большое количество приговоров от казаков с требованием—распустить по домам полки 2-й и 3-й очередей. В приговоре, присланном в Думу из одной станицы за 73 подписями (станица выступавшим депутатом не была указана, дабы не подвергать казаков преследованиям), казаки писали, что не желают, чтобы «дети наши и братья несли на себе обязанности внутренней охранной службы, так как считают эту службу противоречащей чести и доброму имени казачества. Теперь мы узнали,—говорилось в приговоре,—что на требования Государственной Думы дать русскому народу свободу и землю, правительство ответило отказом, для нас стало ясным, где наши друзья и где враги. Крестьяне и рабочие, требующие от правительства земли и воли, есть наши друзья и братья».

Далее в приговоре указывалось, что правительство не народное и служит интересам богатых, поэтому казаки не хотят ему служить. В заключение просили Думу потребовать от правительства «немедленного освобождения казаков второй и третьей очереди от внутренней охранной службы и вернуть их домой» [96].

Казаки 41-го Донского полка, расположенного в Таганроге и Таганрогском округе, среди которых велась большевистская работа специально выделенными членами партии из ка-

заков, обратились в Думу с требованием, чтобы они были распущены по домам не позже 20 июня, «а если не распустят, — писали они, — едем домой» [97].

Казаки 31-го Донского полка просили Думу освободить их от «позорной полицейской службы»; об этом просили Думу и казаки 1-го сводного полка (3-й очереди).

В общем, до 50 станиц и хуторов направили свои приговоры в Думу, требуя в первую очередь избавить казаков от роли душителей революции.

Казаки, таким образом, верили в силу Государственной Думы, но Дума оказалась бессильной решить этот вопрос. А затем, 8 июля 1906 года, царское правительство разогнало эту Думу как недостаточно послушную. Конституционным иллюзиям этим актом был нанесен сильный удар.

* * *

Социал-демократические организации на Дону за 1905 год значительно выросли. Если в марте 1904 года на общегородском собрании Ростовской с.-д. организации присутствовало около 120 человек, то в ноябре 1905 года на общегородском собрании при выборах Донкома было уже свыше 300 человек. В 1907 году, несмотря на многочисленные аресты (за 1906 — 1907 годы арестовано было до 200 социал-демократов), в Ростове насчитывалось до 700 членов партии[98]. На партийном собрании одного только Гниловского района 8 июля 1907 года присутствовало до 100 человек.

В Таганрогской организации в августе 1905 года состояло около 70 человек, а к началу 1908 года, несмотря на то, что за 1906—1907 годы было арестовано около 100 членов партии, по жандармским донесениям, насчитывалось до 600 человек [99].

При всей неточности этих данных все же они указывают на большой рост социал-демократических организаций на Дону в годы первой революции.

В начале 1905 года на Дону был лишь один партийный комитет — Донской. За время революции были созданы комитеты РСДРП в Таганроге, Новочеркасске, Александровске-Грушевском (г. Шахты) и в Сулине. За исключением Таганрогского комитета РСДРП, состоявшего в 1905—1906 годах из одних большевиков, все остальные комитеты были объединенными, т. е. в них были большевики и меньшевики.

Донком РСДРП, избранный в ноябре 1905 года, имел в своем составе меньшевистское большинство. Весной 1907 года Донком состоял из 2-х большевиков и 2-х меньшевиков.

Состав Донкома, ввиду арестов, часто менялся. Так, например, за один 1907 год Донком арестовывался 4 раза.

Темерницкий районный комитет все время возглавлялся большевиками. Вновь созданный Гниловской районный комитет РСДРП тоже стоял на большевистских позициях.

Весной 1907 года ростовские большевики решили создать самостоятельный большевистский Донком и издавать свою газету «Ростовский рабочий». Было напечатано об этом воззвание, изготовлена печать комитета — «Донской комитет РСДРП — фракция большевиков», — но в апреле вся эта группа работников была арестована и все ими приготовленные материалы при аресте изъяты.

В 1905—1907 годах при Донкоме имелись: коллегия агитаторов, коллегия пропагандистов; техническая группа, ведавшая типографией; крестьянская группа, ведавшая работой среди крестьян и казаков; военная организация по работе среди солдат; политический красный крест, главным образом, для оказания помощи заключенным и боевая дружина. Кроме 3 районных комитетов партии — Городского, Темерницкого и Нахичеванского — в Ростове имелись еще и ученические организации. Из всего этого видно, насколько в годы революции расширился размах партийной работы и усложнились задачи партийного руководства.

Таганрогский комитет был построен примерно так же, как и Донком. Комитет входил в состав Донецкого Союза РСДРП.

Новочеркасский комитет РСДРП объединял «Новочеркасскую с.-д. группу» и «Казачью группу», проводившую работу среди казаков. В Новочеркасской объединенной социал-демократической организации, работавшей в городе, почти не имевшем промышленности, с мелкобуржуазным населением, преобладали меньшевики; большевики там были в меньшинстве. «Казачья группа», где тоже было засилье меньшевиков, в своих прокламациях не давала последовательных революционных лозунгов, призывая казаков только к борьбе за восстановление старых казачьих порядков с выборным атаманом и т. д. Новочеркасский комитет имел связь с социал-демократическими группами станции Глубокой, Каменска и Миллерово.

Александровск-Грушевский комитет РСДРП (комитет шахтеров) состоял из меньшевиков и большевиков. Однако, меньшевистское влияние в 1906—1907 годах там было еще сильно. Комитет работал слабо. Но к концу 1907 года большевики усилили свое влияние среди шахтеров, особенно

на крупных рудниках, где имелся значительный слой постоянных, кадровых рабочих.

Помимо руководства повседневной борьбой рабочего класса, большевики на Дону проводили большую работу по вооружению членов партии марксистской теорией. С членами партии проводились занятия по определенной программе в кружках для «высшего звена» и «низшего звена». Кроме трудов Маркса и Энгельса, изучались сочинения В. И. Ленина.

В жандармских описях «вещественных доказательств», отобранных при аресте большевиков в Ростове, Таганроге, упоминаются работы В. И. Ленина — «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «К деревенской бедноте», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Доклад об объединительном съезде РСДРП», «Аграрная программа русской социал-демократии» и др. Кроме того, в описях упоминаются такие партийные документы, как «Извещение о созыве III съезда РСДРП», постановления и резолюции III съезда РСДРП и др.

Большевики Дона после поражения декабрьского вооруженного восстания продолжали вести ожесточенную борьбу с меньшевиками, сплачивая партийные ряды на ленинских позициях.

Несмотря на свирепые полицейские преследования, социал-демократическая организация Дона приняла активное участие в подготовке к IV объединительному съезду РСДРП, состоявшемуся в апреле 1906 года в Стокгольме. Ввиду численного преобладания в то время меньшевиков в Донкоме и в Донецком союзе РСДРП, делегатами на IV съезд партии от Донкома и Донецкого союза были избраны меньшевики.

В Александровске-Грушевском (г. Шахты), в связи с подготовкой к IV съезду партии, была созвана конференция рудничных партийных организаций, на которой завязался спор между большевиками и меньшевиками по основным вопросам партийной тактики: оценка текущего момента, отношение к Государственной думе, аграрный вопрос и др. Ожесточенный спор продолжался два дня.

Как известно, на IV съезде партии одним из главных вопросов был аграрный. В своем докладе по аграрному вопросу Ленин защищал *национализацию* земли. Большевистский лозунг национализации земли призывал крестьян к революционной ломке помещичьего землевладения, к свержению самодержавия.

Национализация земли при победе в революции рабочего класса и крестьянства облегчила бы борьбу пролетариата и деревенской бедноты за перерастание буржуазно-демократи-

ческой революции в социалистическую. Меньшевики отстаивали программу *муниципализации*. По этой программе, крестьянские земли оставались за крестьянами, а помещичьи земли переходили в «распоряжение муниципалитетов (то-есть местных самоуправлений или земств). Крестьяне должны были *арендовать* эту землю каждый по своим силам»[100].

Меньшевистская программа муниципализации была соглашательской и вредной для революции, ибо она не была рассчитана на полное уничтожение помещичьего землевладения, на полную победу революции. Меньшевики не хотели поднимать крестьян на революцию.

В развернувшихся прениях на IV съезде был затронут вопрос о казаках и казачьем землевладении. Выступая в защиту муниципализации, Плеханов говорил: «Возьмите наших казаков. Они ведут себя как сущие реакционеры, а между тем, если бы (самодержавное) правительство вздумало наложить руку на их землю, то они восстали бы за нее, как один человек. Значит муниципализация тем и хороша, что она годится даже в случае реставрации»[101].

Ленин в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой революции 1905—1907 годов» по поводу этих слов писал:

> «Действительно, «значит!». Если бы самодержавие восстало против защитников самодержавия, то защитники самодержавия восстали бы против самодержавия. Экое глубокомыслие!»[102].

Ленин писал, что «Казачьи земли сейчас представляют из себя настоящую муниципализацию. Большие области принадлежат отдельному казачьему войску: Оренбургскому, Донскому и т. д. Казаки в среднем имеют по 52 дес. на двор, крестьяне по 11 дес. Кроме того, Оренбургскому войску принадлежит $1^1/_2$ миллиона дес. войсковых земель, Донскому — 1,9 милл. дес. и т. д. На почве этой «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения. Эта, фактически существующая, муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д. «Муниципализация» помогает не общедемократическому движению, а раздроблению его, областному обессиливанию того, что может победить лишь как централизованная сила, отчуждению одной области от другой»[103].

Областная раздробленность и замкнутость казачества, как военного сословия, как раз и была на руку царизму.

6. Революционное движение рабочих, крестьян и казаков Дона после декабрьского восстания. Поражение первой русской революции

Несмотря на поражение в декабре 1905 года, отдельные отряды рабочего класса вновь пытались перейти в наступление. Летом 1906 года на Дону был новый подъем революции как в городе, так и в деревне.

В 1905 году во главе революционной борьбы на Дону стояли рабочие Ростова и железнодорожники Владикавказской дороги. Но вследствие ослабления их сил в результате декабрьского поражения, они в 1906 году уступили свое место рабочим Таганрога и горнякам Александровск-Грушевского угольного района.

К весне 1906 года в Таганроге вновь оживилась деятельность большевистской организации. Большевики обратили особое внимание на работу среди безработных, лишившихся работы из-за участия в декабрьских выступлениях. Это была наиболее активная часть таганрогских рабочих.

Для объединения безработных и с целью создания легального центра большевики в середине марта 1906 года образовали «Совет безработных», утвержденный на общем собрании самих безработных.

Первоначально «Совет безработных» занимался устройством столовой и сбором средств для оказания помощи нуждающимся. Но в скором времени он начал все больше развивать политическую деятельность. Безработным большевики читали лекции и проводили среди них беседы на политические темы.

Спустя некоторое время, «Совет безработных» связался с заводами, и от рабочих, занятых на производстве, также были избраны представители в Совет. Всего в Совете было около 50 человек.

Авторитет Совета все возрастал, и не только среди безработных, но и, вообще, среди всех рабочих города. Опираясь на эту легальную организацию, большевики решили пополнить и укрепить боевую дружину. Совет отпустил 300 рублей, на которые было закуплено 20 револьверов. При содействии Л. Волошиной (члена таганрогской большевистской организации) удалось приобрести 8 бомб.

Затем «Совет безработных» стал оказывать помощь рабочим при забастовках. По существу он превратился в политическую организацию и все более начинал походить на Совет рабочих депутатов декабрьского периода.

К середине лета 1906 года в Таганроге революционная борьба достигла большого размаха. Большевики, руководившие движением, поставили вопрос о более активных формах выступлений, вплоть до вооруженного восстания.

Поводом к выступлению послужил разгон царским правительством 8 июля 1 Государственной Думы. Большевики организовали мощную политическую демонстрацию. Полиция, пытавшаяся разогнать демонстрацию, сама была обращена в бегство, при чем по полицейским было произведено несколько выстрелов.

Высланные против демонстрантов казаки 41-го Донского полка отказались стрелять. С большим трудом, с помощью подоспевших полицейских, демонстрация была разогнана, при этом было ранено более 15 человек.

Прошедшая демонстрация сразу воскресила в памяти всех декабрьские дни.

Боевое выступление рабочих и отказ казаков стрелять в демонстрантов вызвали панику среди таганрогских властей. К тому же началась забастовка портовых рабочих и судовых команд. Возбужденным было настроение рабочих на заводах. Жандармский полковник 12 июля телеграфировал в Петербург: «Гарнизон г. Таганрога ненадежен, власти, не имея опоры в нем, смущены. Революционеры призывают на митингах, по получении сигнала, к общему восстанию, арестовать власть. Считаю возможным предупредить катастрофу путем смены находившихся частей 41-го полка регулярной кавалерией»[104].

20 июля отряд вооруженных рабочих, по указанию большевистской организации, захватил частную типографию и заставил отпечатать «Выборгское воззвание членов 1 Государственной Думы», призывавшее не платить налогов и не давать царю солдат. Воззвание в количестве 2 тыс. экземпляров было распространено по городу. Но к тому времени в Таганрог прибыли новые войска. «Через несколько дней после отпечатания и расклейки выборгского воззвания «Совет безработных» был окружен сотней казаков, арестовавших около 20 человек»[105]. Совет после этого существовал еще несколько месяцев — уже нелегально, но затем под ударами реакции прекратил свою деятельность.

В Александровск-Грушевском каменноугольном районе к лету 1906 года также имелся новый подъем рабочего движения, во главе которого стояли рабочие старейшего крупного рудника РОПИТ. Борьба началась с оборонительных стачек.

После того как в феврале 1906 года был разогнан Совет рабочих депутатов и ряд его деятелей арестован, администрация рудника ГОНИТ отменила 20%-ную прибавку к заработной плате. Это обстоятельство, а также хищническая эксплоатация со стороны подрядчиков явились причиной и поводом для забастовки, начавшейся 24 мая. Ввиду отказа администрации пойти на какие бы то ни было уступки, часть рабочих, выведенная из терпения, бросилась громить контору рудника и квартиры подрядчиков. Срочно вызванная сотня казаков разогнала рабочих, и начались аресты.

Социал-демократическая организация (объединенная) пыталась в июне организовать политические выступления шахтеров. С этой целью, наряду с распространением листовок, было проведено несколько сходок. 14 и 15 июня на сходках присутствовало от 300 до 400 рабочих. Обсуждались вопросы о предстоящем выступлении; собирались средства на вооружение. 25 июня на сходке, где присутствовало 150 рабочих, выступавшие ораторы призывали к подготовке восстания. Сходка была разогнана казаками. 11 июля в связи с роспуском I Государственной Думы на ст. Шахтная состоялся митинг, на котором присутствовало до 2000 рабочих.

30 июля на руднике Азовской угольной компании состоялось собрание рабочих по вопросу об организации профсоюза. Но так как полиция запретила произносить политические речи, рабочие, в знак протеста, объявили забастовку.

Летом 1906 года вновь усилилось крестьянское и казачье движение, особенно в Усть-Медведицком, Таганрогском и Донецком округах.

В июне начались волнения в слободе Голодаевке, а вслед затем—и в слободе Федоровке, при чем, посланные из Таганрога для усмирения крестьян 1-я и 3-я сотни 41-го Донского казачьего полка отказались выполнять карательные обязанности.

В августе произошло крупное столкновение крестьян слободы Селивановской с казачьей сотней. Трое крестьян этой слободы, сосланные в 1905 году за участие в аграрном движении, бежали летом 1906 года из ссылки. 24 августа местные власти хотели их арестовать, но крестьяне не дали. Когда же с помощью полусотни казаков двух ссыльных арестовали, то по набату сбежалось до 400 крестьян, вооруженных кольями, вилами, и, окружив казаков, потребовали освободить арестованных, а самим удалиться из села. Арестованные, воспользовавшись замешательством казаков, скрылись. На помощь была вызвана еще полусотня, и так как крестья-

не отказались выдавать ссыльных, офицер отдал команду — стрелять. Был убит один и ранено трое крестьян. После этого заставили крестьян подписать приговор о том, что они впредь будут повиноваться властям и выполнять «законные требования».

«Но приговор этот, — писал начальник Жандармского управления, — не находится в соответствии с неспокойным настроением крестьян»[106].

Революционные настроения, усилившиеся в ряде станиц Донской области, все больше и больше стали перебрасываться в казачьи части.

Казаки 2-й сотни известного уже 41-го Донского казачьего полка, направленные на постой в рабочий поселок Дмитриевск, стали посещать митинги, отказываясь выполнять приказы начальства о разгоне рабочих.

Казаки 3-й отдельной сотни, посланные из Юзовки на шахту № 34 французской компании для подавления забастовки, несмотря на предупреждение есаула, «пошли к рабочим, вступили с ними в разговоры и допускали к себе рабочих». Вместе с казаками был послан и эскадрон 24-го драгунского полка. При разгоне рабочих на Успенском руднике 22-го июля «из рядов казаков слышались голоса, обращенные к драгунам: «Не стреляйте, а если будете стрелять, то в вам полетят пули в затылок»[107]. Казаки отпустили арестованных рабочих. Когда же есаул 23 июля арестовал несколько казаков, то казаки потребовали арестовать всю сотню. Больше того, они отправили трех казаков к рабочим за помощью для освобождения арестованных товарищей. Волнение было подавлено ротой пехоты и эскадроном драгун. 11 казаков были арестованы.

Неспокойно было и в казачьей команде в Новочеркасске. В июле там было арестовано 10 казаков, но их вскоре выпустили, а затем опять арестовали по обвинению в заговоре с целью захвата оружия.

> «...повторные мобилизации самых «надежных» войск, казачьих, — писал Ленин в начале сентября 1906 года, — привели к сильному росту брожения в разоренных казачьих станицах, усилили «ненадежность» этого войска»[108].

К середине 1906 года революция определенным образом поколебала часть казачества, недовольного прежде всего тем, что повторные мобилизации особенно казаков 2-й и 3-й очередей (старшие возрасты), требовали больших расходов на снаряжение, отрывали мобилизованных от хозяйства, и всё

это — для несения полицейской службы в городах и охраны помещиков в деревне.

Общедемократические лозунги борьбы, несмотря на всё противодействие царских властей, не останавливавшихся и перед подкупом казаков, стали постепенно проникать в среду трудящегося казачества.

* * *

Весной 1907 года на Дону начался новый подъем революционной борьбы. Проводились сходки и митинги в Таганроге, Ростове и Александровске-Грушевском.

Упорные оборонительные стачки весной и летом 1907 года проходили в Александровск-Грушевском районе. Шахтовладельцы, повсеместно перейдя в наступление, отбирали у рабочих уступки, завоеванные в классовых боях в 1905 году. На этой почве произошли забастовка на руднике акционерного общества «Грушевский антрацит» и три забастовки рабочих рудника РОПИТ. Под угрозой локаута стачки окончились поражением рабочих.

Во время выборов во II Государственную Думу кадеты, во главе с Воронковым, агитировали среди рабочих за «доверие к Думе», как органу, способному улучшить экономическое и правовое положение рабочих.

Воронкову, избранному депутатом в Думу, при отъезде его в Петербург местные кадеты устроили торжественные проводы, на которые им удалось увлечь и часть рабочих. Эти рабочие вручили ему наказ с требованием амнистии всем политическим заключенным.

Часть рабочих, таким образом, еще доверяла кадету Воронкову, пока события, происшедшие в апреле 1907 года, не показали его в подлинном свете. Когда Воронков приехал на пасхальные каникулы в Александровск-Грушевский, то городские жители и рабочие, собравшись 24 апреля у его квартиры, просили рассказать о работе Государственной Думы. Воронков, «занятый гостями», в числе которых был и полицмейстер, отказался выступить, сославшись на отсутствие разрешения, и просил собравшихся разойтись. Так как толпа не расходилась, а все более разрасталась, то был вызван взвод казаков, и, по приказанию полицмейстера, началась стрельба. Двое рабочих были убиты, один мальчик ранен и 5 человек избиты нагайками.

Это событие вызвало огромное возмущение среди рабочих, и авторитет «представителя народа» Воронкова был окончательно подорван.

Из крестьянских выступлений в 1907 году самым значительным, особенно по упорству, было выступление крестьян села Круглого, Ростовского округа. В этом селе существовала социал-демократическая организация, связанная с Ростовом. В конце января 1907 года крестьяне начали вырубать помещичий лес; для их усмирения были посланы казаки и полиция. В мае крестьяне устроили в селе демонстрацию. В июле, во время самовольного покоса помещичьего луга, против крестьян были направлены казаки, которыми был убит один крестьянин и ранено двое.

Переход в наступление рабочих Таганрога, Александровск-Грушевского и, отчасти, Ростова в 1906 — 1907 годах и крестьянское движение летом 1906 года не могли уже вызвать подъема революции, равного подъему в октябре — декабре 1905 года, ибо силы передовых рабочих в результате понесенных поражений в декабрьских боях были в значительной мере истощены.

Но спад революции шел гораздо медленнее, нежели шел ее подъем. Самодержавию, поддержанному отечественной буржуазией и иностранным капиталом, понадобились почти два года для подавления революции.

* * *

В феврале 1907 года состоялись выборы во II Государственную Думу. Ввиду изменившейся обстановки и упадка революции, большевики решили участвовать в выборах во II Думу, но не для «органической» «законодательной» работы в ней в блоке с кадетами, как это делали меньшевики, а для того, чтобы использовать ее как трибуну в интересах революции. В объединенном Донкоме с новой силой разгорелась борьба между большевиками и меньшевиками. Один из членов Донкома, меньшевик, писал об этом: «На днях вновь соберется Донком. В настоящий момент началось в среде чл(енов) ДК (4 чел(овека)—2 боль(шевика) и 2 мень(шевика), обсуждение вопроса об избирательной кампании. Необходимы принципиальные директивы по вопросу о возможности соглашения (в какой мере?) с буржуазными партиями, с партиями оппозиционными и даже кадетами. Большевики высказыв(аются) против блоков. Мы находим, что... в зависимости от местных условий должны допустить возможность временных избирательных боевых соглашений» [109].

Таким образом, ростовские большевики выступали против блока с кадетами, а меньшевики—за блок, прикрывая свой оппортунизм оговоркой—«за кратковременный блок».

Блок с кадетами означал отказ от самостоятельной политики рабочего класса и его подчинение либеральной буржуазии. В свете этой борьбы становится понятной особая важность решений V съезда РСДРП, принявшего большевистскую резолюцию по вопросу об отношении к буржуазным партиям.

На собрании выборщиков, состоявшемся в Ростове 2 февраля 1907 года, на котором присутствовало 23 социал-демократа и 16 кадетов, меньшевики высказывались за блок с кадетами, а большевики решительно отвергли такой блок.

Таганрогские большевики тоже выступали против блока с кадетами.

«Недавно оборудованная тайная типография Таганрогского Комитета РСДРП,—доносил начальник Областного жандармского управления,—еженедельно выпускает громадное количество прокламаций, в которых, разъясняя свою программу, социал-демократы настраивают избирателей голосовать за социал-демократов» [110].

Выборы во II Государственную Думу проходили в обстановке все более усиливающегося полицейского террора.

В Ростове за 4 дня—с 1 по 4 января 1907 года—было арестовано свыше 300 человек, 567 избирателям полиция не вручила избирательных повесток, а 273 повестки, вообще, бесследно исчезли. За произнесение речей, не только революционного содержания, но даже мало-мальски резких по форме,—арестовывали. На самом областном избирательном собрании выборщиков за произнесенные речи были арестованы два выборщика.

От Донской области (вместе с Ростовом) во II Государственную Думу были избраны 12 депутатов, из них: 3 учителя, 3 адвоката, 1 судья (крупный землевладелец), 1 секретарь окружного управления, 1 станичный атаман, 1 ветеринарный фельдшер, 1 крестьянин, 1 рабочий (по рабочей курии). По партийности: кадетов—9, социал-демократов—1, трудовик — 1 и беспартийных — 1 [111].

Таким образом, при выборах во II Государственную Думу по Донской области правые, т. е. открытые монархисты, потерпели полное поражение. Полевение казачества обеспечило победу кадетам.

Весной 1907 года социал-демократические организации Дона готовились к V съезду партии.

На V съезд РСДРП, состоявшийся в Лондоне 13 мая — 1 июня 1907 года (по стар. ст.), от социал-демократических организаций Дона послали делегатов комитеты: Донской, Та-

ганрогский и Новочеркасский. Все три делегата были меньшевиками.

Еще до V съезда РСДРП меньшевики, стоявшие за блок с кадетами при выборах во II Государственную Думу, выступили с предложением о созыве рабочего съезда, с участием социал-демократов, эсеров и анархистов. «Этот «рабочий» съезд должен был создать какую-то не то «беспартийную партию», не то «широкую» мелкобуржуазную беспрограммную рабочую партию [112]

Большевики Дона решительно выступили против созыва «рабочего съезда». В объединенных социал-демократических организациях Дона партийные массы также были резко настроены против созыва такого съезда. Это вынуждены были признать и меньшевики. Так, один из меньшевистских руководителей «Донецкого союза РСДРП» писал, что их резолюция «о раб(очем) съезде встречается с негодованием, в одном месте даже сказали, что «набьют шею» нам за эту резолюцию» [113].

После V съезда партии, означавшего крупную победу большевиков в рабочем движении, на Дону большевики укрепили свои позиции и повели еще более решительную борьбу против меньшевиков.

Работа Донкома, в руководстве которого после апрельских арестов численно преобладали меньшевики, подвергалась жестокой большевистской критике.

Партийное собрание вновь организованного Гниловского района, на котором присутствовало до 100 человек, 3 июля 1907 года обсуждало вопросы: признает ли Донком «давно уже существующее в Ростове большевистское течение», имеются ли в составе Донкома большевики и почему Донком не берет на себя руководство Гниловским районом? В принятой резолюции собрание отмечало, что Донком не руководит вновь созданной организацией Гниловского района, не включает её в состав Донкома и не информирует о положении дел в партии.

Собрание настаивало на включении партийной организации Гниловского района в состав Донкома как равноправной всем остальным районным организациям Донского комитета, и признало необходимым «усилить темпы партийной работы, созвать заводские собрания для производства выборов новых центров».

По требованию большевиков Донком провел в июле три партийных собрания, на которых его деятельность большеви-

ками резко осуждалась. И, наконец, 30 июля конференция представителей районов признала работу Донкома слабой, выбрала новый комитет, в состав которого были избраны три большевика. Это значительно укрепило позиции большевиков в Ростовской объединенной социал-демократической организации.

Как известно, во II Государственной Думе особенно горячие прения развернулись по аграрному вопросу. В них приняли участие и депутаты от Донской области. Кадеты предлагали крестьянам выкупить часть земли у помещиков, что не отвечало крестьянским интересам. Предложение кадетов означало новое ярмо, новые выкупные платежи, так хорошо известные по «реформе» 1861 года. Крестьяне требовали другого.

С большой речью от Донской области выступил Афанасьев—беспартийный крестьянин,—речь которого Ленин счел нужным привести в своей книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 годов».

> «Я должен, господа,—начал свою речь Афанасьев,—первым долгом сказать, что я—представитель от крестьянства Донской области, которого там более 1.000.000 и от которого я попал сюда только один: это уже дает знать, что мы там почти пришельцы...»[114].

В ответ на речь Пуришкевича (крупный бессарабский помещик, черносотенец) о том, что крестьяне голодают не потому, что у них земли мало, а потому, что они не могут ею управлять, Афанасьев сказал, что крестьяне голодают не потому, что у них мало земли, а просто потому, что у них ее вовсе нет. Он указывал, что и рядовые казаки имеют мало земли, хотя на Дону земли вообще много. Но «все эти земли находятся в руках людей—не тех людей, которых пересчитывал Пуришкевич, а у кулаков, богачей, которые давят нас...».

По поводу же политики царизма, предлагавшего «разрядить земельную катастрофу» переселением крестьян в Сибирь, Афанасьев предложил: «Не лучше ли сделать так: вывезти туда этого человека, который имеет тысячи десятин, от которого остается земля и на это сколько будут сыты!».

II Государственная Дума оказалась «неугодной» царизму, и 3 июня 1907 года она была разогнана.

Социал-демократическая думская фракция, насчитывавшая 65 депутатов, была арестована и сослана в Сибирь.

Расправа над рабочими и крестьянами все более усиливалась. Революция в России потерпела поражение. Революционное движение на Дону было жестоко подавлено.

Те общие причины, которые способствовали поражению революции в стране в целом, имели место и на Дону. И здесь не было тогда прочного союза рабочих и крестьян против царизма. Крестьяне на Дону выступали против помещиков и громили их имения, но все же они не понимали, что без свержения царя нельзя свергнуть помещиков, с которыми царь действовал заодно; «значительная часть крестьян еще верила царю и возлагала надежду на царскую Государственную думу» [115]. Это положение дало себя чувствовать и в армии.

Хотя революция и поколебала отдельные воинские части на Дону, в том числе даже казачьи, но солдаты и казаки ни в одной из воинских частей не перешли на сторону революции. «Большинство солдат еще помогало царю подавлять забастовки и восстания рабочих» [116].

На Дону царское правительство имело достаточно много верных казачьих полков, пулями и шашками которых и была подавлена революция.

Недостаточно дружно действовали и рабочие. В решающие дни революции—во время декабрьского вооруженного восстания, многотысячный отряд рабочего класса Дона—горняки Александровск-Грушевского—не принял активного участия. Как более отсталый слой рабочих, горняки раскачались лишь в 1906 году, когда передовые отряды рабочих, потерпев поражение в декабре, были уже значительно ослаблены.

Большевикам Дона приходилось действовать в сложных и трудных условиях. Промышленные центры Донской области находились в окружении казачества, которое тогда еще оставалось послушным орудием царизма.

Дело осложнялось особенно тем, что в то время на Дону известным влиянием пользовались меньшевики, игравшие значительную роль в руководящих органах объединенных социал-демократических организаций. Своей оппортунистической тактикой они вносили дезорганизацию в борьбу пролетариата, раскалывали его ряды, что ослабляло роль рабочего класса как вождя революции.

* * *

Революция 1905—1907 годов оказала громадное влияние на все политическое развитие страны, на рабочий класс и крестьянство, на развитие большевистской партии.

Ленин писал, что революция 1905—1907 годов

> «... глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу — и всему миру — *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей»[117].

Революция показала, что меньшевики, скатившись в болото соглашательства, превратились на деле в агентов буржуазии в рабочем движении.

Единственной революционно-марксистской силой в Российской социал-демократической партии и в стране были только большевики.

За годы революции в объединенных социал-демократических организациях Дона, ставших в главных промышленных центрах области массовыми организациями, произошло резкое размежевание на меньшевиков и большевиков, крайне обострилась борьба между ними и усилилась руководящая роль большевиков.

С меньшевистским засильем в Донкоме,— самом влиятельном социал-демократическом комитете на Дону, было покончено.

За три года революции влияние большевиков среди рабочих Дона значительно возросло и окрепло.

Несмотря на поражение революции, рабочие Дона, обогатившиеся опытом классовой борьбы, не пошли по пути реформизма и соглашательства, куда их тянули меньшевики. Под руководством большевиков, в условиях жестокой реакции, рабочие готовились к новым боям, к новой революции.

ГЛАВА IV

МЕНЬШЕВИКИ И БОЛЬШЕВИКИ ДОНА В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ

1. Столыпинская реакция на Дону

Разогнав 3 июня 1907 года II Государственную Думу и арестовав думскую социал-демократическую фракцию, царское правительство изменило избирательный закон, еще более урезало избирательные права рабочих и крестьян.

Выборы в III Государственную Думу проходили в условиях реакции. В стране свирепствовали карательные отряды, военно-полевые суды и черносотенцы-погромщики из «Союза русского народа», шефом которого был сам Николай II.

Большевики Дона, руководствуясь решениями V съезда РСДРП и указаниями Ленина, приняли участие в избирательной кампании в III Государственную Думу. Они разъясняли рабочим контрреволюционный характер третьеиюньского переворота, разоблачали контрреволюционную сущность партии кадетов и призывали голосовать за социал-демократов. Таганрогский комитет РСДРП (большевиков) в своей прокламации писал:

«Граждане, выборы в 3-ю Государственную Думу начались уже во многих губерниях. Скоро начнутся и у нас, в Таганроге. РСДРП призывает всех граждан использовать свои избирательные права... Дело не в Думе, не она важна. Важно то единодушие, с каким народ пойдет выразить свое негодование, готовность посчитаться с врагом. Борьбу нужно вести не только за стенами Думы, но и в самой Думе... Из конца в конец по всей России самодержавие построило целый лес виселиц. Из трупов беспощадных, героических борцов оно воздвигнуло целые горы. Крестьянские деревни оно превратило в груды развалин и пепел. Разгромлены профессиональные союзы рабочих, зажата печать. ... Граждане! Ре-

шительный момент приближается. Борьба решительная, вооруженная борьба становится все более и более неизбежной и необходимой, иначе нет выхода из невыносимого положения. Самодержавие решило задушить последние ростки свободы, отнять последние ничтожные права и водворить царство бича, кнута и розги. Оно хочет кровью, огнем и железом вытравить из памяти народа те великие страницы, когда народ во всем своем величии встряхнул до самого основания вековое здание гнета, насилия и произвола, когда луч свободы приветливо блеснул во мраке, вызывая еще большую жажду света и свободы. Отпор зарвавшимся башибузукам необходим. Довольно отступать, нужно перейти в наступление. Властным голосом народ должен сказать, что борьба не кончилась, что она только начинается... Посылая социал-демократов в Думу, голосуя за них, кровавая политика самодержавия будет заклеймена несмываемым позорным пятном. Голосуя за них, вы будете голосовать за революцию, за беспощадную, непримиримую, не знающую компромиссов борьбу, за учредительное собрание, за демократическую республику.

ТАГАНРОГСКИЙ КОМИТЕТ РСДРП»[1]

В Ростове Темерницкий районный комитет большевиков в прокламации по поводу третьеиюньского переворота, заклеймив погромную политику царизма, призывал:

«Товарищи! близится час, когда рабочий класс должен будет встать во главе надвигающейся мощной волны революции.

Товарищи! Красное знамя социал-демократии, грозно вздымаясь впереди борцов за рабочее дело, зовет вас к объединению и борьбе. Объединяйтесь же вокруг него и пусть мощно раздается наш боевой лозунг: «Долой царское самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание...» Организуйтесь, товарищи, и в прах разлетится самодержавный трон, поставивший на защиту «неприкосновенной» частной собственности стальную щетину штыков, нагайки и пулеметы. Стройтесь в боевые колонны и несите в массы наш международный призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Соединяйтесь же, пролетарии, и пусть гордо прозвучит наш могучий клич: «Да здравствует социализм! Да здравствует РСДРП»[2].

Как видно из этих прокламаций, большевики на Дону и после третьеиюньского переворота рассчитывали на возможность вооруженного восстания в ближайшее время. Поэтому они призывали рабочих прекратить отступление и перейти в наступление.

Известно, что попытка передовых слоев рабочего класса

остановить отступление и перейти в наступление после третье-июньского переворота, в условиях упадка революционного движения и огромной усталости рабочего класса, не увенчалась успехом. Верх взяла реакция. Нужно было менять тактику.

Из прокламаций также видно, что большевики Дона в ленинском духе оценивали социальную сущность третьеиюньского переворота, роль помещичье-буржуазных партий—«Союза русского народа», октябристов и кадетов—и роль новой, III Государственной Думы, в черносотенно-помещичьем характере которой они не ошиблись.

При выборах в III Государственную Думу рабочие Дона проявляли малую активность. От Донской области было избрано 12 депутатов, из них: кадетов—6, «мирнообновленцев»—1, октябристов—1, от «Союза русского народа»—1 и беспартийных—3 [3].

По сравнению с составом II Государственной Думы, усилились правые партии — октябристы и «Союз русского народа».

Новый избирательный закон и самый состав III Государственной Думы означали заключение царизмом и помещиками блока с верхами крупной буржуазии для подавления революционного движения рабочих и крестьян. К этому же направлена была и столыпинская аграрная реформа. Своей аграрной политикой царский министр Столыпин стремился к тому, чтобы за счет разорения бедняцко-середняцких слоев крестьянства, создать в лице кулачества прочную опору для царизма.

Новым земельным законом от 9 ноября 1906 года крестьянам предлагалось взять свои наделы в личное владение, им разрешалось выходить из общины на хутора.

Кулаки получали возможность скупать по дешевой цене землю у крестьян-бедняков. Правительство заставляло крестьян выделять кулакам из общины лучшие земли под хутора и отруба.

На Дону за 5 лет (1907—1911) выделилось на хутора и отруба 14.112 хозяйств, т. е. свыше 11% всех крестьянских дворов.

Многие бедняки брали свой надел в личное пользование для того, чтобы тут же его продать кулаку. Таким образом, столыпинская аграрная политика привела к росту безземельных хозяйств. Развитие капитализма в сельском хозяйстве все более и более усиливало дифференциацию среди крестьянства.

В 5-ти округах Донской области (Таганрогском, Ростовском, Донецком, Усть-Медведицком и Хоперском), в которых проживала подавляющая масса донского крестьянства, по данным 1910 года, имелось 24494 бедняцких хозяйств, либо совсем не имевших земли, либо имевших до 3 десятин; 50698 хозяйств имели от 3 до 6 десятин земли. Эти безземельные и малоземельные хозяйства составляли более 50% всех крестьянских хозяйств области.

Необеспеченность крестьян землей становилась все более острой. В 1912 году в среднем на каждое крестьянское хозяйство приходилось 1,4 десятины. Тяжелым бременем на безземельных и малоземельных крестьянских хозяйствах лежала арендная плата. В 1913 году иногородние крестьяне за арендованную казачью землю уплатили станицам и в войсковую казну 2 миллиона 350 тыс. руб., да, кроме того, около 145 тыс. руб. посаженной платы.

Участились случаи распродажи крестьянского имущества за задолженность крестьянскому банку. Маломощные крестьяне всё больше запутывались в долгах и разорялись.

Опасаясь дальнейшего обострения классовых противоречий в Донской области, царское правительство объявило иногородним об открытии переселения их с Дона в Сибирь и Закавказье. Поставленные в безвыходное положение, свыше 10 тыс. иногородних крестьян выбрали документы на переселение.

Развитие капитализма в годы реакции привело к дальнейшему расслоению среди казачества. По данным выборочного обследования, в станицах Цымлянской, Кумшатской, Николаевской было: бедняков и маломощных казаков от 25 до 30 проц., середняков от 41 до 62 проц. и кулаков от 21 до 28 проц. [4].

Царское правительство стремилось приостановить процесс разложения казачества, укрепить казачью «муниципализацию» земли и сословный строй.

В 1909 году в Новочеркасске состоялось войсковое совещание (круг) донских помещиков и казаков-кулаков. Решено было выделить 423 тыс. десятин войсковой земли для создания новых станиц из малоземельных казаков Совещание проходило под реакционными лозунгами укрепления сословного строя, обособления казачества от остального населения области (хотя казачье население составляло менее половины всего населения Донской области).

Наказный атаман Таубе выступил на войсковом совеща-

нии с реакционным лозунгом: «Дон—для донцов, и не для кого более».

Этой реакционной теорией «самобытности» казачьего хозяйственного и сословного строя блок донских помещиков и буржуазии стремился удержать казачество в повиновении и верности царскому престолу для борьбы против революции, против рабочих и крестьян.

В годы реакции среди казачества и крестьян Дона увеличилось число бедняков. Низкий уровень сельского хозяйства у основной массы казаков и крестьян часто приводил к неурожаям и голодовкам. На Дону, ввиду неурожаев, в течение 6 лет было два голодных года: 1907 и 1912. В 1907 году голодом было охвачено более полумиллиона казаков и крестьян, а в 1912 году—свыше 700 тыс. [5].

Рост бедноты и тяжесть военной службы порождали большое недовольство среди казаков, на которых революция оказала определенное влияние. Это недовольство в 1910 году вылилось в крупные «беспорядки» во время майских сборов казаков 2-й очереди в лагерях Усть-Медведицкого, Хоперского, 1-го Донского и 2-го Донского округов. Казаки требовали роспуска их по домам «ввиду наступления сенокоса», выдачи жалованья по 50 коп. во время сборов и др. В лагерях 1-го Донского округа дело дошло до избиения офицеров. Эти стихийные выступления были подавлены, несколько сот казаков было арестовано и предано суду. Следствием установлено, что наиболее активными участниками «беспорядков» во всех 4-х округах являлись казаки тех полков (41-го, 23-го и др.), которые больше всего подверглись влиянию революции 1905 года.

Но и после сбора, как доносил начальник Донского областного жандармского управления в апреле 1911 года, «настроение станичников попрежнему неспокойное. Всюду слышится недовольство войсковым начальством, местной администрацией, отчасти — правительством» [6].

Недовольство среди казаков имело более глубокие причины, нежели их непосредственные требования во время майских «беспорядков».

Жандармский ротмистр, специально расследовавший причины волнений, имевших место в лагерях Хоперского округа, указывал, что эти «беспорядки» вызваны не подстрекательством извне, а имели «почву в том настроении, которым казаки были охвачены на местах—в хуторах и станицах... Казаки пришли в лагери готовые, настроение казаков на местах сформировалось именно таковым, благодаря бытовым усло-

виям их дома и на службе. Вопросами кардинальными и волнующими их являются: 1) земельный, 2) введение земского самоуправления, 3) стремление к просвещению, 4) кажущиеся им ненормальными условия отбывания воинской повинности по сравнению с регулярными войсками, 5) предвзятая необоснованная обидчивость на распоряжения Правительства и Начальства, обязующая их нести непосильные, по их мнению, тяготы повинностей» [7].

Среди некоторой части казачества росло порой неосознанное стремление к демократическим требованиям. Каким бы слабым это движение ни было, оно вступало в резкое противоречие с реакционной политикой царского правительства и атаманской верхушки на Дону.

* * *

После революции 1905 года шла усиленная концентрация промышленности. Так, предприятий с годовой выработкой свыше 1 миллиона рублей было на Дону всего 13, или 1,5%, а выпускали они 65% всей промышленной продукции области.

В промышленности решающую роль стали играть монополистические объединения, находившиеся под контролем, главным образом, иностранного капитала. Свыше 70% угольной промышленности, а также металлургические заводы в Таганроге и Сулине находились в руках французских, бельгийских и английских капиталистов.

Созданный в Ростове табачный трест находился в руках английских капиталистов, ставших фактическими хозяевами ростовских табачных фабрик.

В годы реакции капиталисты лишили рабочих экономических завоеваний. Отменен был 8-часовой рабочий день, установленный на ряде предприятий в 1905 году, снижалась зарплата, возросли штрафы. На многих рудниках Александровск-Грушевского угольного района была введена марочная система. Вместо денег, рабочим выдавали марки, на которые они могли покупать товары только в рудничной лавке.

Иногда, чтобы раздобыть наличные деньги, рабочие закупали в рудничной лавке промышленные товары и продукты на марки, а затем продавали их «на сторону» по дешевой цене, теряя при этом до 50% их стоимости.

«Всякая попытка рабочих улучшить свое положение встречала со стороны администрации угрожающий окрик: «не нравится — убирайся вон!» [8].

На Владикавказской железной дороге, на металлургических заводах Таганрога и Сулина, на заводе «Аксай» и даже на небольших предприятиях были заведены «черные списки», куда заносили уволенных передовых рабочих.

Рабочие механической фабрики В. Барабуля в Ростове писали в начале 1912 года в большевистскую газету «Звезда», что рабочий день у них 10-часовой, а со сверхурочными— еще больше. Сам владелец фабрики и администрация «рабочего ругают, унижают его человеческое достоинство как только вздумается и даже подчас и по морде съездят»[9].

Когда рабочие начали протестовать, то «зачинщиков» немедленно увольняли и они нигде не могли найти работы.

«Идем предлагать свои руки на другую фабрику,—пишут рабочие,—но не тут-то было. Оказывается, как говорят хозяева фабрик, у них есть список рабочих, рассчитавшихся у Барабуля, и поэтому принять нельзя — бунтари» [10].

В годы реакции огромные массы рабочих, в том числе и квалифицированных, оказались безработными. Угольная промышленность переживала кризис, ввиду этого рудник Кукса, не выдержав кризиса, закрылся, и 500 рабочих остались без работы. На руднике Азовской компании было уволено 200 человек.

Кадровый рабочий-металлист, ныне Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Н. М. Шверник вспоминает, как он в 1911 году, оказавшись безработным, искал работу в Таганроге.

У ворот металлургического завода, на открытом поле, — пишет тов Шверник, — «собралось тысячи полторы людей, пришедших со всех концов России. Здесь и русские, и украинцы, и татары, и греки. Большинство из них в течение ряда месяцев рыскало по всей России в поисках работы. Выбиваясь из сил, они пришли сюда, к воротам завода, густо обросшие, грязные, голодные, больные, многие ждали здесь уже неделями. Одежда обносилась, обувь изорвалась... Большинство пришло сюда с последними пятаками в кармане, питалось подачками, многие покинули семьи в деревне, в других городах. Среди разношерстной толпы немало заслуженных, квалифицированных пролетариев: прокатчиков, доменщиков, токарей, слесарей и др. Все жаждут работы, все готовы для начала на любые условия...

Лежа на бурьяне, люди все время поглядывают на проходные ворота. Вдруг оттуда выходит мастер-иностранец и говорит, что требуется несколько человек для работы в до-

менном цехе. Сразу встают сотни людей и, толкая друг друга, наперерыв предлагают свои услуги, демонстрируя свою физическую силу. Мастер отбирает десяток наиболее крепких силачей, быстро скрывается с ними за воротами, а остальные, понуря головы, остаются снова ждать удачи» [11].

Под ударами политической реакции и наступления фабрикантов и заводчиков на рабочий класс стачечное движение к осени 1907 года на длительное время прекратилось. Профессиональные союзы в своем большинстве закрылись.

В условиях упадка массового революционного движения, в атмосфере распада и разложения, царившей в среде попутчиков революции, в Ростове, Таганроге и Сулине возникли группы анархистов-экспроприаторов, деятельность которых мало чем отличалась от простых уголовников.

Некоторых трусливых и шкурнически настроенных попутчиков революции охранка завербовала в качестве шпионов и провокаторов, засылая их в социал-демократические организации. В 1908 году в Ростовской социал-демократической организации охранка имела 5 провокаторов. Одним из таких провокаторов являлся М. Г. Скиба. Сын полицейского, Скиба работал слесарем в Главных мастерских Владикавказской железной дороги и свыше десятка лет ловко маскировал свою предательскую деятельность, информируя охранку о внутренней жизни партийной организации и выдавая ей партийных работников. Разоблачен он был лишь в 1918 году.

С особой силой обрушилась реакция на социал-демократические организации. Аресты следовали за арестами. Партийные организации подвергались разгрому.

В течение 1907 года были арестованы четыре состава Донкома. В 1908 году в Ростове было арестовано свыше 45 членов партии, в том числе два состава Донкома и Нахичеванский районный комитет. В январе-феврале 1909 года было арестовано 37 человек и разгромлены Городской и Темерницкий районные комитеты.

В Таганроге с января 1906 и по ноябрь 1907 года, по неполным данным, было арестовано свыше 100 членов партии; только в июне 1908 года полиция арестовала 60 человек. В Новочеркасске, в сентябре 1907 года за пропагандистскую работу среди казаков было арестовано 20 соц.-демократов. При аресте этой группы была отобрана книга В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Однако, несмотря на террор и жестокие преследования, царскому правительству не удалось ликвидировать большевистскую партию и уничтожить в России марксизм. Не удалось потому, что «марксизм есть научное выражение коренных интересов рабочего класса,—говорит товарищ Сталин.— Чтобы уничтожить марксизм, надо уничтожить рабочий класс. А уничтожить рабочий класс невозможно» [12].

2. Борьба большевиков Дона против ликвидаторов и троцкизма

В годы столыпинской реакции большевистской партии приходилось работать в очень тяжелых условиях. В результате беспрерывных арестов, усилившегося наступления буржуазии на рабочий класс и общего упадка рабочего движения партийные организации значительно уменьшились, а некоторые были разгромлены и на время прекратили свою деятельность.

Попутчики революции, особенно, пришедшие в ее ряды из среды интеллигенции, не выдержав напора реакции, отошли от революции, отвернулись от рабочего класса и, находясь в состоянии идейного распада, оплевывали идеалы, которым только вчера они поклонялись.

«Значительная часть интеллигенции, — писал корреспондент из Ростова в орган большевистской партии «Социал-демократ», — отошла от революционного движения, приобретая тепленькие местечки, решив таким образом все «проклятые вопросы»; часть интеллигенции пребывает в ликвидаторах» [13].

Когда в Таганроге, после массовых арестов, оставшиеся на свободе большевики в июне 1908 года решили, ввиду провала организаций, слить Городской и Заводской районы в один, восстановить нарушенные арестами связи и наладить работу среди рабочих и солдат гарнизона, — то меньшевики-ликвидаторы выступили против сохранения нелегальной партийной организации.

Меньшевики-ликвидаторы не верили в новый подъем революции, «позорно отрекались от революционных требований программы и революционных лозунгов партии, хотели ликвидировать, уничтожить революционную нелегальную партию пролетариата» [14].

Большевики, наоборот, были уверены в том, что в ближайшие годы наступит революционный подъем, потому что основные задачи революции не были разрешены, а рабочий класс на опыте 1905 года научился «завоевывать свои права в массовой революционной борьбе» [15].

Готовясь к новому подъему революционного движения, большевики стояли за сохранение революционной нелегальной партии. Они считали необходимым в условиях реакции временно заменить тактику наступления «тактикой обороны, тактикой собирания сил, тактикой отвода кадров в подполье и работы партии из подполья, тактикой сочетания нелегальной работы с работой в легальных рабочих организациях»[16].

Большевики Дона, следуя указаниям Ленина, вели упорную борьбу за продолжение нелегальной работы в новых условиях, за сохранение крепкой подпольной организации, за правильное сочетание легальных и нелегальных форм работы, за воспитание масс в духе революционного марксизма и подготовку их к новой революции.

В марте 1908 года ростовские большевики выпустили прокламацию, в которой говорилось: «Товарищи рабочие! Стая «черных воронов» — царь и помещики — продолжают терзать нашу измученную родину. Что ни день, то новые казни, что ни час — то новые аресты, обыски и высылки. Царь Николай во главе своих министров и губернаторов огнем и мечом выметает «крамолу» среди русского народа».

Далее прокламация с большой силой и убедительностью рассказывала об исключительно тяжелом положении трудового народа России, особенно, рабочих и крестьянской бедноты, придавленных тяжелым сапогом столыпинской реакции.

Прокламация призывала рабочих к сплочению вокруг РСДРП и решительной борьбе против самодержавия; она заканчивалась так:

«Товарищи! Нам не на кого надеяться. Нам не от кого ожидать помощи. Помочь себе мы можем только сами. Освободить себя мы можем только собственными силами. Собирайте же эти силы, товарищи! Организуйтесь!

Объединяйтесь! Идите в ряды Российской социал-демократической рабочей партии! Вместе с ней боритесь за дело освобождения рабочего класса, за уничтожение всякого политического и экономического ига. Эта борьба нелегка. Много жертв уже положил рабочий класс. Но эти жертвы не напрасны. Эта борьба ведет нас к победе. Организованная борьба — залог нашего успеха в будущем. Она нам даст полное освобождение от нынешнего рабства и ига. Она уничтожит на земле всякую эксплуатацию человеческого труда. Борьбой, товарищи, мы завоюем светлое царство будущего, царство социализма. Долой царское правительство! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!

ДОНСКОЙ КОМИТЕТ РСДРП, март 1908 г.»[17].

После летних арестов 1908 года Донком был разгромлен и до 1911 года не существовал. Однако, в начале октября 1908 г. «в Ростове, — доносила охранка, — организовался обособленный район большевиков, тогда же было устроено районом несколько собраний, на которых вырабатывалась программа организационной работы» [18].

Партийная организация продолжала работать, хотя обстановка все более и более осложнялась, особенно, из-за шпионажа и провокаций. Среди рабочих заметны были апатия и уныние. Большевики призывали рабочих не падать духом, сплачиваться под знаменем РСДРП и продолжать революционное дело.

К этому призывал в своей прокламации «К рабочим» Городской комитет (комитет Ростовского Городского района) в декабре 1908 года. В прокламации говорилось:

«Товарищи! вспомните, кажется совсем недавно вы были свидетелями и участниками великой борьбы. А между тем, уже три года прошло с тех пор, как впервые блеснуло над русской землей яркое солнце свободы. Три года прошло с тех пор, как впервые русский рабочий класс смело разогнул свою веками согнутую спину, свободно вздохнул.

... 13 декабря 1905 г. ростовские рабочие на насилие царских холопов ответили баррикадами и вооруженным восстанием Темерника. Но плохо вооруженные и никем не поддержанные, темерничане принуждены были отступать перед напором царской артиллерии—отступать, но не сдаться».

Призывая рабочих Ростова дать отпор предпринимателям, намеревающимся лишить рабочих выходных дней, в том числе в воскресенье, в прокламации далее говорилось:

«Организуйтесь же, товарищи, противопоставьте силе капитала свою сплоченную, могучую силу и тогда хозяева снова пойдут на уступки, как пошли они три года тому назад».

В прокламации выражалась уверенность в том, что ростовский пролетариат в новых боях своей организованностью и солидарностью докажет, что «он не примирится с существующим строем до тех пор, пока он окончательно не будет уничтожен и на его развалинах не водрузится новый — социалистический». Прокламация заканчивалась призывом:

Долой царское самодержавие! Да здравствует революционная борьба! [19]

Но ростовскую организацию РСДРП ожидали новые провалы и аресты. В декабре 1908 года был арестован Нахичеванский районный комитет, а в январе-феврале — Городской и Темерницкий большевистские районные комитеты. К середине 1909 года Ростовская социал-демократическая организация снова была разгромлена. Не было ни Донкома, ни райкомов.

В таком же положении оказались социал-демократические организации в Таганроге, Новочеркасске и Александровск-Грушевском угольном районе.

В донесении Областного жандармского управления за 1909 год говорится, что «деятельность революционных партий в Александровск-Грушевском в настоящее время совершенно замерла — нет ни собраний, ни литературы, ни денег. Типография не работает и закопана, а потому точно выяснить ее место нахождения весьма затруднительно» [20].

На металлургическом заводе в Сулине почти во все годы реакции продолжала действовать небольшая социал-демократическая группа, возглавлявшаяся большевиками. Ей приходилось вести борьбу не только с ликвидаторами и анархистами, пытавшимися втесаться в среду рабочих завода, но и против «Союза русского народа», открывшего свое отделение на заводе в начале 1911 года.

В листовке, выпущенной большевиками по этому поводу, разъяснялась рабочим истинная цель черносотенного «Союза». Рабочие призывались к борьбе против попыток «союзников» проникнуть на завод. Большевики в этой листовке призывали рабочих организовать профессиональный союз, «как, например, петербургские рабочие по металлу, дружно отстаивать свои интересы и тогда не страшны будут никакие «истинно-русские люди».

Помните, что никто не даст нам избавленья,
Ни поп, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Товарищи сулинцы! за дело! Под знаменем международной социал-демократии рабочие добьются лучшей доли, ибо в единении сила» [21].

Выступление большевиков переполошило не только администрацию завода, но и Областное жандармское управление. Последовавшими в июне 1911 года арестами социал-демократическая группа в Сулине была разгромлена.

Партийные организации Дона переживали трудное время. Однако, несмотря на жестокие преследования со стороны царской охранки, большевики не прекращали работу, прини-

мали все меры к восстановлению партийных организаций. Так, к началу 1910 года, после отмены военного положения в Донской области, в Таганрог и Ростов вернулась группа членов партии, отбывших тюремное заключение или ссылку. В Таганроге на металлургическом заводе вновь была создана социал-демократическая заводская организация. Не прекращалась работа и в Александровск-Грушевском. Социал-демократы изредка проводили партийные собрания, установили связь с Сулином, Кущевкой, Тихорецкой и Екатеринославом.

Недолго пришлось жандармерии торжествовать победу в Ростове. Уже в июне 1909 года Жандармское управление доносило, что в Ростове большевики «задались целью вновь сорганизовать разбитую местную социал-демократическую организацию и с этой целью устраивают собрания» [22]. Организовавшаяся группа большевиков установила связь с заграничным партийным центром и стала получать большевистскую газету «Пролетарий». В настроении ростовских рабочих отмечался определенный перелом, проходили апатия и уныние. Этому немало также способствовала успешно проведенная экономическая стачка портовых рабочих в августе 1909 года, значение которой выходило за пределы Ростова.

Передовые рабочие Ростова твердо стояли на революционных позициях, крепко отстаивали сохранение нелегальной большевистской партии, оказывая решительный отпор всем попыткам ликвидаторов и других врагов революции внести деморализацию в их среду, принудить рабочий класс свернуть на реформистский путь [23].

Преодолевая огромные трудности — полицейский сыск, сильно развитую в годы реакции провокацию, — ростовская большевистская организация после многочисленных провалов была восстановлена в апреле 1910 года. К этому времени в Ростове имелись две социал-демократические группы. Ростовская объединенная и Нахичеванская.

Ростовская объединенная группа «состояла из разного рода лиц: были и ликвидаторы, и партийцы, и просто неопределенные. Поэтому заседания проходили в нескончаемых спорах и дебатах, и ни к какому определенному результату не приходили» [24].

24 апреля 1910 года было созвано большевистское собрание, на которое меньшевики не были приглашены. На этом собрании было решено создать в Ростове самостоятельную большевистскую организацию и повести решительную борьбу с ликвидаторами.

Организационное собрание большевиков постановило: со-

общить Ростовской и Нахичеванской группам об оформлении партийной организации и пригласить обе группы и отдельных членов партии вступить в восстановленную организацию. На этот призыв Нахичеванская группа ответила согласием и вся вступила в большевистскую организацию. Большая же часть членов партии, входивших в Ростовскую группу, отказалась вступить. «Явные и неопределившиеся ликвидаторы не могли, конечно, согласиться с новой группой (т. е. большевистской.—**Ред.**). Один даже выразился, приблизительно, так, что он считает преступлением в настоящее время возобновлять партийную организацию» [25].

Несмотря на всю разлагательскую работу ликвидаторов и полицейский сыск, ростовские большевики и на этот раз добились своего — создали партийную организацию.

Организация расширяла свои связи с рабочими массами, налаживала партийную работу, росла численно. В мае 1910 года были уже организованы два партийных района: Городской и Нахичеванский. Но широкую партийную деятельность ростовская организация развернула лишь с июня 1910 года — со времени приезда в Ростов Алеши Джапаридзе* — одного из выдающихся соратников товарища Сталина по работе в закавказских большевистских организациях.

А. Джапаридзе, высланный за активную большевистскую деятельность из Тифлиса, по приезде в Ростов возглавил партийную организацию и поставил перед ней задачу организовать большевистский Донком.

«Джапаридзе прибыл в июне 1910 года в Ростов на До-

---

* Джапаридзе Прокофий Апресианович (Алеша) — один из крупных деятелей большевистской партии. В социал-демократической партии с 1898 года. Профессионал-революционер. В начале 1900 г. вел партийную работу в Тифлисе, Кутаиси. С 1904 г. работал в большевистской организации в г. Баку. Вместе с товарищем Сталиным руководил знаменитой бакинской стачкой в декабре 1904 г. Участник III съезда партии. В 1910 г. был арестован и выслан на 5 лет в Ростов на Дону, где принимал активное участие в работе большевистской организации. В 1911 г. был избран секретарем Донкома РСДРП. В начале 1911 г. Джапаридзе был арестован и сослан на 3 года в Великий Устюг. По окончании ссылки работал в партийной организации в Тифлисе. В годы империалистической войны неустанно вел революционную работу, прерываемую арестами. После февральской революции возвратился в Баку и вместе со Степаном Шаумяном стал признанным вождем бакинских рабочих. На VI съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК. Был председателем Бакинского Совета Р. и С. депутатов и членом Бакинского Совнаркома, вплоть до временного падения Советской власти в Азербайджане в 1918 г. Расстрелян белогвардейцами при участии английских интервентов в ночь на 20 сентября 1918 г., вместе с другими 26 бакинскими комиссарами.

ну, — говорится в жандармском донесении, — и немедленно вошел в связь с местной социал-демократической организацией и занял в ней видное место, являлся вдохновителем и организатором всех начал партийной работы... Затем, став во главе Нахичеванской группы, он энергично занялся её комплектованием» [26].

На партийном собрании Городского района 12 августа 1910 года было решено организовать социал-демократические кружки и ячейки при всех профессиональных союзах и через них осуществлять большевистское руководство как профсоюзами, так и широкими рабочими массами. В результате кипучей деятельности А. Джапаридзе и всей партийной организации были созданы партийные ячейки в 7 профсоюзах: печатников, деревообделочников, бричечников, портных, булочников и мукомолов.

Ростовская партийная организация под руководством А. Джапаридзе правильно, по-ленински решала организационные задачи партии. Исходя из общих условий исторического момента и местной обстановки, она умело сочетала нелегальные формы работы с легальными. Организовав в профсоюзах партийные ячейки и подчинив своему идейному влиянию легальные рабочие организации, она тем самым сделала партийные ячейки проводниками большевизма в широких рабочих массах. Когда в 1910 году профсоюзы посылали своих представителей на ремесленный съезд, то партийная организация по-большевистски использовала и это обстоятельство.

«Джапаридзе принимал самое деятельное участие в собраниях всех профессиональных союзов и энергично проводил идею участия союзов на ремесленном съезде, наметив для такового делегатами несколько социал-демократов» [27].

Для руководства партийной деятельностью всей Ростовской организации, не имевшей единого руководящего центра, в сентябре 1910 года была создана «Исполнительная комиссия» во главе с А. Джапаридзе.

31 октября на собрании Ростовской организации было постановлено: избрать вместо «Исполнительной комиссии» — «Исполнительный комитет» в составе 7 человек, которому собрание поручило оборудовать «технику» (типографию.—**Ред.**), усилить работу в профессиональных союзах и разработать организационный устав. Устав был написан А. Джапаридзе при участии других товарищей и затем утвержден «Исполнительным комитетом».

В начале ноября 1910 года в Ростов прибыл выдающийся деятель большевистской партии М. Ф. Шкирятов, который, несмотря на полицейский надзор, быстро установил связь с партийной организацией и развернул энергичную деятельность.

Чем шире и глубже развертывалась работа ростовской большевистской организации под руководством тт. Джапаридзе и Шкирятова, тем все больше ощущалась необходимость в созыве общегородской партийной конференции и выборах нового состава Донкома.

30 января 1911 года состоялось делегатское собрание «Донской группы», или партийная конференция, как мы бы теперь назвали. На этом собрании присутствовали делегаты от всех фабрично-заводских партийных ячеек, а также от ячеек профсоюзов железнодорожных рабочих, портных, деревообделочников и пр. Конференция избрала Донской Комитет РСДРП в составе тт. Джапаридзе, Шкирятова и др. Первый был избран секретарем, а второй — членом Донкома.

Об избрании т. Шкирятова членом Донкома в архивных материалах сказано: «Матвей Федорович Шкирятов, высланный из Москвы за принадлежность к местной социал-демократической организации, по прибытии в Ростов вошел в Донскую группу и *за свою энергию был избран членом Донского Комитета партии*» [28].

После избрания Донкома, партийная работа еще больше усилилась. Донком принял меры к установлению связи с ЦК, получению нелегальной литературы из-за границы, организации подпольной типографии. Была усилена также агитационно-массовая работа на заводах и установлена связь с партийными организациями других городов.

Донком, во главе с тт. Джапаридзе и Шкирятовым, стоял на ленинских позициях. Когда троцкисты в Вене повели борьбу против большевиков и стали агитировать за созыв ликвидаторско-троцкистской конференции, Донком решительно выступил против этой троцкистской затеи. «Выслушав письмо редакции «Правды» (орган троцкистов, выходивший в Вене.— **Ред.**),—говорилось в резолюции, единогласно принятой Донкомом, — и ознакомившись с резолюцией Венского клуба (троцкистов.—**Ред.**) по поводу «Рабочей газеты» (орган большевиков.—**Ред.**), мы выражаем протест редакции «Правды» и «Венскому клубу» [29].

В письме, опубликованном в газете «Социал-демократ»,

Джапаридзе, протестуя против выступления троцкистов, их попытки созвать под видом «общепартийной» конференцию ликвидаторов и троцкистов, писал, что «организация такой конференции, какую затевает венский клуб, — преступление по отношению к партии» [30].

Ростовская организация росла и крепла, расширяя свои связи с рабочими массами, но вскоре ей был нанесен тяжелый удар. За организацией усилилась слежка, особенно после забастовки портных мастерской Кинста, проведенной в феврале 1911 года под руководством Донкома. Видя всё усиливающееся влияние большевиков в профсоюзах, ростовский градоначальник закрыл профессиональные союзы портных, шляпочниц, модисток, белошвеек, приказав также возбудить следствие о нарушении устава другими профсоюзами и усилить полицейский надзор.

В ночь на 19 марта 1911 года, во время заседания Донкома в доме № 22 на Межевой ул., нагрянувшей полицией были арестованы члены Комитета, в том числе тт. Джапаридзе и Шкирятов. Ростовская партийная организация вновь лишилась Донкома и своих выдающихся руководителей — большевиков. Это было тяжелым ударом.

Оставшиеся на свободе большевики, не покладая рук, продолжали вести работу по восстановлению организации. К 1 мая ими была выпущена листовка (500 экз.). К лету 1911 года была налажена кружковая работа во Владикавказских железнодорожных мастерских и на других заводах. Но деятельность организации восстанавливалась с большим трудом.

В своем докладе на заседании Российской организационной комиссии по созыву партийной конференции Серго Орджоникидзе, посетивший перед этим Ростов, говорил, что «в Ростове-на-Дону дела организации сильно пошатнулись (после ареста 19 марта.—**Ред.**). Главной причиной этому — сильная боязнь провокации. Товарищи из Нахичевани, например, не хотят иметь с городом что-нибудь общее, и это из-за провокации. Старики здесь почти все в стороне, хотя и вовсе не потому, что они ликвидаторы, как этого хотелось бы Ларину (в то время ликвидатор.—**Ред.**). Было налажено несколько кружков, но ввиду отсутствия интеллигентских сил (т. е., теоретически подготовленных работников.—**Ред.**) пришлось оставить. Большая потребность в нелегальной популярной литературе. Был выпущен первомайский листок, имевший большой успех у рабочих» [31].

В таком состоянии находились социал-демократические организации Дона ко времени Пражской партийной конференции.

3. Борьба большевиков Дона за созыв Пражской партийной конференции

> «Борьба с ликвидаторами и отзовистами, равно как борьба с троцкистами, поставила перед большевиками насущную задачу — сплотить воедино всех большевиков и оформить их в самостоятельную большевистскую партию. Это было настоятельно необходимо не только для того, чтобы покончить с оппортунистическими течениями в партии, раскалывавшими рабочий класс. Это необходимо было сделать еще для того, чтобы довести до конца дело собирания сил рабочего класса и подготовить рабочий класс к новому революционному подъему».[32]

Оставаться, хотя бы и формально, в одной партии с меньшевиками, ставшими на предательский путь ликвидации революционной партии и создания партии реформистской, для большевиков было невозможно. Без разрыва с меньшевиками нельзя было воссоздать революционной партии рабочего класса. Но этого мало.

> «Перед большевиками стояла еще другая, более важная, задача. Задача состояла не только в том, чтобы порвать с меньшевиками и оформиться в отдельную партию, а, прежде всего, в том, чтобы, порвав с меньшевиками, создать *новую* партию, создать партию *нового типа,* отличную от обычных социал-демократических партий Запада, свободную от оппортунистических элементов, способную повести пролетариат на борьбу за власть»[33].

На состоявшемся в июне 1911 года в Париже совещании 5 членов ЦК РСДРП, созванном по инициативе В. И. Ленина, решено было приступить к подготовке созыва партийной конференции.

Для выполнения этой ответственной задачи В. И. Ленин послал в Россию ученика своей партийной школы в Лонжюмо, Серго Орджоникидзе, который к тому времени был уже крупным работником, имел большой опыт партийной работы, накопленный им в России за долгие годы подполья под непосредственным руководством товарища Сталина

Прибыв в Россию, Серго Орджоникидзе стал объезжать

партийные организации, информировать их о положении дел в партии, о решениях Парижского совещания членов ЦК, подготовляя парторганизации к созыву общепартийной конференции. С этой целью Орджоникидзе дважды приезжал в Ростов, летом и осенью 1911 года. О его приезде один из членов ростовской организации пишет:

«В конце лета 1911 года в Ростов прибыл агент ЦК для организационной работы по созыву общепартийной конференции тов. Серго Орджоникидзе. Тов. Орджоникидзе пробыл в Ростове в первый свой приезд около двух дней. Вечерами мы с ним встречались для информационных бесед за рекой Доном...

С его участием были созваны два совещания, на которых тов. Серго подробно осветил положение в партии и задачи предстоящей конференции. На этих совещаниях была принята резолюция, которая впоследствии была помещена в газете «Социал-демократ». На эти совещания ликвидаторская часть инициативной группы не привлекалась.

Из Ростова тов. Орджоникидзе поехал в Тифлис и Баку. Мы с ним условились, что окончательно прощупаем привлеченных нами к работе меньшевиков и, если они окажутся стоящими на партийной платформе, то мы во время его обратного приезда поставим его доклад и проведем выборы на конференцию на совместном совещании» [34].

Вопрос о совместном собрании большевиков с меньшевиками ставился потому, что в тяжелых условиях реакции Ленин и Сталин считали нужным для более успешной борьбы против ликвидаторов пойти на соглашение с меньшевиками-партийцами, плехановцами, которые выступали тогда против ликвидаторов. О целесообразности такого соглашения с меньшевиками-партийцами Ленин писал: «...соглашение на основе борьбы за партию и за партийность против ликвидаторства, без всяких идейных компромиссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий *в пределах* партийной линии» [35].

После отъезда Серго Орджоникидзе из Ростова в Баку и Тифлис, там, в Тифлисе, под его руководством, в сентябре, состоялось совещание делегатов партийных организаций Урала, Киева, Екатеринослава, Баку и Тифлиса, создавшее Российскую Организационную Комиссию по созыву партийной конференции. Серго Орджоникидзе все время поддерживал письменную связь с ростовскими большевиками, информировал их о ходе подготовки конференции, давал указания, как

нужно вести работу, требовал решительных и энергичных действий.

«Дорогие товарищи, — писал С. Орджоникидзе 18 августа 1911 года ростовским большевикам.—Думаю, что все новинки до вас доходят, а потому посылать считаю излишним. Сообщаю вам только о том, что мне известно из переписки. Т-ские (Тифлисские) меки (меньшевики) явно стали на сторону ликвидаторов, что же касается тамошних партийцев, то они с нами, их человек 85. Есть надежда рас(ши)рения; бакинцы, в целом, с нами. Вчера получил письмо из Урала, там дела идут довольно удачно. Уже готовы. Не знаю, что делается в П. (Петербурге) и М. (Москве), но уверен, что там дело пойдет хорошо. Что делается у вас? За рубежем ликвидаторское ЗБЦК (Заграничное Бюро Центрального Комитета РСДРП) постаралось произвести еще раз раскол, устроив свое совещание. К ним пошли бундовцы, Троцкий, а латыши в этом вопросе раскололись, часть с нами, часть с ними... Больше пока не о чем. Будьте энергичны и готовьтесь. Пока всего лучшего. Крепко жму ваши руки. Серг.» [36].

Против партийной конференции, подготовляемой большевиками, повели подрывную работу ликвидаторы, троцкисты и прочие враги партии. В сентябре 1911 года в Ростов приезжал агент ликвидаторов и Троцкого с целью подготовки своей ликвидаторско-троцкистской конференции.

С. Орджоникидзе в своем отчете о заседаниях Российской Организационной Комиссии по созыву общепартийной конференции, касаясь Ростова, писал: «По вопросу о конференции здесь (в Ростове.—**Ред.**) пришлось два раза иметь собрания, первый раз товарищи вынесли резолюцию, приветствующую совещание (большевиков под руководством Ленина.— **Ред.**); после этого приезжал представитель ЗБЦК, он же представитель «Правды» (троцкистской. — **Ред.**), распространяя всевозможные сплетни... Товарищи не вынесли никакой резолюции в связи с его приездом, однако, пожелали еще раз иметь собеседование по этому вопросу, где опять была вынесена резолюция, поддерживающая совещание» [37].

Попытка уполномоченного ликвидаторов и троцкистов склонить ростовскую организацию на свою сторону провалилась. Ростовские большевики дали решительный отпор ликвидаторам и троцкистам и снова провели резолюцию о поддержке решения Парижского совещания большевиков относительно созыва общепартийной конференции.

«Ростовская на Дону группа объединенных большевиков и меньшевиков-партийцев, — говорится в резолюции, — озна-

комившись с имеющейся литературой о конференции и выслушав также представителей совещания при ЗБЦК о совещании 5 цекистов заграницей, пришла к следующему: для восстановления РСДРП, способной возобновить в современных условиях партийную работу на основе программы партии, настоятельно необходим созыв одной общепартийной всероссийской конференции, согласно решения последнего пленума ЦК, созванной одной находящейся в России организационной комиссией, при солидарном содействии всех заграничных групп социал-демократов» [38].

Публикуя эту резолюцию, газета «Социал-демократ», руководимая тогда Лениным, снабдила её следующим примечанием от редакции:

«Настаивая на необходимости одной конференции, созванной одной организационной комиссией, Ростовская группа, как и все противники ликвидаторства, мы надеемся, приложит все старания, чтобы ослабить вред от «деятельности», создаваемой (или стимулируемой) для срыва общепартийной конференции второй комиссии ликвидаторов»[39].

Кроме того, ростовские большевики отправили письмо С. Орджоникидзе. Об этом письме он в указанном выше отчете писал: «Мною получено от тов. из ростовской группы о том, что ростовские товарищи поддерживают РОК (Российскую организационную комиссию.—Ред.) и готовятся принять участие на конференции» [40].

Деятельность ростовских большевиков в результате большой помощи, оказанной им Серго Орджоникидзе в конце 1911 года, заметно окрепла, усилилась связь с рабочими массами. Под руководством большевиков летом и осенью 1911 года были проведены экономические стачки на бричечной фабрике Загоруйко, на биллиардной фабрике Гоца, в портняжной мастерской Кисина.

В ноябре и декабре большевики организовали митинги и массовки протеста рабочих, с требованиями освобождения депутатов с.-д. фракции II Государственной Думы. В выпущенной по этому поводу прокламации говорилось:

«Товарищи рабочие! Депутаты, за свою верность народному делу понесшие тяжкую кару, будут томиться в казематах и тундрах далекой Сибири. Пока не слышно могучего голоса трудящегося населения, не будет конца третьеиюньскому режиму, режиму рабства и насилия. Собирайтесь, протестуйте, требуйте пересмотра дела осужденных депутатов второй Гос. Думы. Уже поднимается волна новой борьбы

рабочих масс с правительством лжи и произвола. Рабочие Петербурга, Москвы, Донецкого бассейна уже заговорили боевым голосом. Товарищи, рабочие всего мира готовятся поддержать наш протест. То буревестник, вестник новой победоносной борьбы за победу и счастье трудящихся масс. Дружнее вперед! Требуйте пересмотра дела осужденных с.-д. депутатов! Долой третьеиюньский режим» [41].

По этому поводу были проведены сходки рабочих на гвоздильном заводе Максимова, в некоторых цехах Владикавказских железнодорожных мастерских и на одном деревообделочном предприятии. На всех этих сходках были вынесены резолюции протеста против осуждения с.-д. депутатов II Государственной Думы.

Большевики Ростова вели ожесточенную борьбу против меньшевиков и троцкистов. В то время как большевики призывали рабочих к открытым массовым выступлениям, к усилению стачечной борьбы, меньшевики выступали против этого, призывали рабочих вести борьбу «за свободу коалиций», 8-часовой рабочий день путем подачи петиции в Государственную Думу.

Борьба с меньшевиками особенно обострилась в связи с тем, что большевикам удалось провести ряд политических сходок рабочих. Меньшевики, входившие в объединенную организацию, выступили с злостными выпадами против большевиков, обвиняя их в том, что они выпустили листовку и провели сходки «самочинно», без согласия меньшевиков. На собрании объединенной организации, созванном по этому поводу, после продолжительных споров большевики заявили о своем выходе из объединенной организации и об образовании ими самостоятельной «Ростово-Нахичеванской группы РСДРП».

Во время этой борьбы Серго Орджоникидзе, на обратном пути из Баку, второй раз приезжал в Ростов. Ознакомившись с положением дел в ростовской организации, он одобрил действия большевиков.

Но вместе с тем было очевидно, что ростовская организация по своей численности принять участие и послать своих делегатов на Пражскую конференцию не сможет, что и было согласовано с Орджоникидзе [42].

В январе 1912 года состоялась VI Всероссийская (Пражская) партийная конференция РСДРП.

«Конференция, — говорил товарищ Сталин в заключительном слове на XV съезде ВКП(б), — имела величайшее зна-

чение в истории нашей партии, ибо она положила межу между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию» [43].

Пражская конференция покончила с формальным объединением с меньшевиками, изгнав их из рядов партии, и оформила большевиков в отдельную, самостоятельную социал-демократическую рабочую партию (большевиков) со своим Центральным Комитетом, Конференция объединила вокруг ленинской линии все нелегальные партийные организации в России. Она наметила тактику борьбы в условиях начавшегося революционного подъема. Пражская конференция признала, что «задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается попрежнему задачей демократического переворота в России». Поэтому «на очереди дня, как и раньше, стоит, прежде всего, длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения передовых масс пролетариата». Конференция призывала к укреплению старых и созданию новых нелегальных большевистских организаций на местах, широкому использованию в работе всех легальных возможностей, руководству экономическими и политическими выступлениями пролетариата, беспощадной борьбе с ликвидаторами, ведущими пропаганду за укорочение лозунгов и ограничение работы рамками существующей «легальности» [44].

Центральный Комитет партии, избранный на Пражской конференции, возглавлялся Лениным. Товарищ Сталин, находившийся тогда в ссылке, по предложению Ленина был избран в члены ЦК заочно. В ЦК, кроме Ленина и Сталина, были избраны тт. Орджоникидзе, Спандарьян и Свердлов. В числе кандидатов в ЦК был избран М. И. Калинин. Для руководства революционной работой в России было создано *Русское бюро ЦК во главе с товарищем Сталиным*. В Русское бюро ЦК входили также тт. Орджоникидзе, Спандарьян, Свердлов и Калинин.

Партийные организации на местах встретили решения Пражской конференции с полным одобрением.

Решения Пражской конференции были получены в Ростове в феврале—марте 1912 года. Они были распространены по большевистским ячейкам и кружкам. «При обсуждении решений Пражской конференции во всех случаях констатировалась полная поддержка и одобрение партийных решений» [45].

В одном из своих донесений начальник Донского жандарм-

ского управления указывал, что полученные из-за границы брошюры «Всероссийской конференции РСДРП, 1912 г.» распространялись большевиками в феврале — марте месяце по рабочим кружкам Ростова» [46].

Ростовские меньшевики встретили решения Пражской конференции «в штыки». Они распространяли ликвидаторскую, троцкистскую литературу, призывая рабочих «к борьбе за свободу коалиций» путем петиционной кампании. Особенно в этом усердствовали главари ростовских ликвидаторов — Васильев, Локерман, Петренко и др.

В противовес состоявшейся Пражской конференции, ростовские меньшевики всеми силами поддерживали ликвидаторов и троцкистов, стремившихся к созыву своей конференции.

«Вследствие этого, — сообщал начальник Донской охранки, — в феврале сего года (1912 г. — **Ред.**) между бекамн (большевиками. — **Ред.**) и меками (меньшевиками. — **Ред.**) здесь произошел жестокий раздор» [47]. Далее, в том же документе, говорится, что большевики повели среди заводских рабочих и профессиональных союзов агитацию «против всех местных «интеллигентов», «меков»; эта горячая агитация увлекла многих рабочих «меков» [48].

Так в жестокой борьбе большевики Ростова, руководствуясь решениями Пражской конференции, разоблачали предательскую политику меньшевиков, завоевывая на свою сторону рабочих, в том числе и тех из них, которые до этого шли за меньшевиками.

Ростовские большевики держали тесную связь с большевистским ЦК заграницей и непосредственно с товарищем Сталиным и Серго Орджоникидзе.

Большевики Дона в условиях жестокой столыпинской реакции, усилившихся ревизионистских выступлений ликвидаторов, троцкистов и отзовистов оставались, в основной своей части, надежными сторонниками Ленина и вели непрестанную борьбу с врагами марксизма за сохранение революционной партии рабочего класса.

Пражская партийная конференция вдохнула свежие силы в ряды большевиков Дона, значительно ослабленных за годы реакции, способствовала их сплочению на ленинских позициях и оживлению их деятельности в условиях начавшегося нового революционного подъема.

ГЛАВА V

БОЛЬШЕВИКИ ДОНА В ГОДЫ ПОДЪЕМА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ПЕРЕД ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНОЙ

1. Подъем революционного движения в 1912-1914 годах

> «Торжество столыпинской реакции оказалось недолговечным. Не могло быть прочным правительство, которое не хотело дать народу ничего, кроме кнута и виселиц. Репрессии стали столь обычными, что они перестали пугать народ» [1].

В 1911 году началось оживление в рабочем движении. Число стачечников превысило 100 тысяч, т. е., почти в два раза больше, чем в предыдущие годы. Свежий ветер стачечной борьбы стал разгонять черные тучи реакции, висевшие над Россией.

Настроение рабочих на Дону также заметно приподнялось. В своей среде они открыто стали выражать недовольство заводскими и государственными порядками.

«Многие рабочие в поселке Сулине, — говорилось в сводке Донской охранки за январь, — питают надежду, что 1912 год принесет какие-то перемены. Успех в Китае (революция 1911 г.—**Ред.**) произвел какое-то ошеломляющее действие на рабочих» [2].

Настроение рабочих на ст. Новочеркасск, — сообщала охранка 5 февраля, — «продолжает быть повышенным. Они недовольны низкой расценкой. Говорят, что готовы забастовать, если рабочие Ростова и Воронежа их поддержат, для чего стараются установить связи с этими городами» [3].

Такие же настроения имели место среди рабочих в Ростове и Таганроге.

Отмечая брожение среди рабочих Главных мастерских Владикавказской железной дороги в Ростове, охранка писа-

ла, что рабочие в конкретной форме причин неудовольствия не высказывают, они «недовольны вообще существующим строем» [4].

Толчком, ускорившим переход этих настроений в новый революционный подъем, явился расстрел рабочих 4 апреля 1912 г. на Ленских золотых приисках.

Жестокая расправа русского царизма с рабочими Ленских приисков вызвала всеобщее возмущение рабочих. Митингами, демонстрациями и стачками ответил пролетариат всей страны на ленские события. Рабочие Дона тоже присоединили свой голос к общему протесту. «Мы знаем, — писали ростовские рабочие в одном из своих протестов, — что гнусное насилие капитала над трудом так было, так и будет, пока мы не сплотимся и не уничтожим самодержавный строй» [5].

Рабочие фабрики Панченко и мастерских Богарсукова, Хохладжева, Кисина, Рябченко, Шевченко, Залимановской и других отправили в с.-д. фракцию Государственной Думы протесты по поводу ленских событий.

Шахтеры Александровск-Грушевского района, среди которых в 1911 и в начале 1912 годов распространялась большевистская газета «Звезда», на многих рудниках собирали деньги для семей убитых ленских рабочих.

«Весть о Ленском расстреле, — пишет рабочий Макарьевского рудника, — вызвала у наших рабочих негодование. Что делает правительство, возмущались рабочие, бьет, расстреливает, до каких же это пор будет такая песня?» [6].

На руднике было собрано в фонд помощи семьям ленских рабочих около 300 рублей.

В апреле 1912 года шло сильное брожение среди ростовских рабочих. Поводом для такого недовольства являлись рост безработицы и сокращение заработной платы. В связи с итало-турецкой войной, начавшейся в сентябре 1911 года, и закрытием Дарданелл особенно массовая безработица была у грузчиков и, вообще, у портовых рабочих. В Черноморских и Азовских портах, в том числе в Ростовском и Таганрогском, наступил застой. В Ростовском порту накопилось одного хлеба до 10 млн. пудов, лежавшего без движения. В корреспонденции, опубликованной в газете «Звезда» № 30 от 15 апреля 1912 года, сообщалось о застое с отправкой грузов из Ростовского порта и указывалось, что «сотни рабочих лишены заработка».

На заводе «Аксай» расценки снизились вдвое. На этой почве среди рабочих росло убеждение в необходимости стачки.

На фабрике Барбуля была уволена почти половина всех рабочих за их требования уменьшить рабочий день на 1 час (работа производилась с 7 час. утра и до 6 час. вечера). Уволенные рабочие долго не могли найти работы.

Недовольство среди ростовских рабочих росло. В связи с этим большевики стали готовить первомайскую забастовку и демонстрацию.

«Большевиками, — доносил жандармский полковник своему начальнику, — устраивались здесь партийные сходки, собрания и велась агитация через отдельных пропагандистов на крупных заводах в Ростове и Нахичевани, как-то «Аксай», Нитнера, Картожинского и др. Сходки, собрания и агитация среди рабочих усилились в минувшем апреле месяце под влиянием Ленских событий»[7].

Для предотвращения первомайских выступлений Жандармское управление произвело 29—30 апреля массовые аресты. Весь актив большевистской организации был посажен в тюрьму. Этим было сорвано первомайское выступление рабочих, оставшихся без руководителей. Лишь на заводе «Аксай» 1-го мая около 500 рабочих провели забастовку.

Вслед за рабочими Петербурга, Москвы, Баку и других городов и промышленных центров России, все больше вовлекались в стачечное движение и рабочие Дона.

В 1912 году бастовали рабочие завода «Аксай» в Ростове и рабочие котельного завода Нев-Вильде и К° в Таганроге.

В 1913 году забастовочное движение значительно усилилось. В марте прекратили работу рабочие завода Нитнера в Ростове.

Опасаясь распространения стачки на другие предприятия города, полиция произвела массовые аресты среди большевиков и сочувствующих им рабочих. В знак протеста провели однодневную забастовку рабочие «Аксая».

В июле пролетарии Ростова провели политическую забастовку протеста против закрытия большевистской газеты «Правда». В движение пришли шахтеры. Горняки шахт № 1 и «Елпидифор» парамоновских рудников провели забастовку, в которой участвовало до 2000 человек.

Вновь вспыхнула стачка на заводе Нев-Вильде и К° в Таганроге. Несколько дней бастовали рабочие на постройке Донского политехнического института в Новочеркасске. По официальным данным, в 1913 году на Дону в забастовках участвовало 3000 рабочих, на самом же деле их было значительно больше.

Новый подъем революционного движения оказывал влия-

ние и на казаков. В мае 1913 года в лагерях Усть-Медведицкого округа опять вспыхнули «беспорядки» такого же характера, как и в 1910 году.

«6-го мая около 7-ми часов вечера, — сообщал жандармский унтер-офицер, — в Арчадинском казачьем лагерном сборе, две сотни второй очереди произвели бунт против своего начальства. На требование дежурного офицера по лагерю прекратить буйство, казаки не послушались офицера. Тогда дежурный офицер дал знать в офицерское собрание командирам полков, которые в скорости прибыли на место беспорядка и прекратили бунт, арестовав зачинщиков беспорядков 8 человек» [8].

Большого размаха стачечная борьба на Дону, как и по всей стране, достигла в 1914 году. Весной и летом 1914 года забастовки происходили в Ростове, Таганроге, Сулине и на некоторых рудниках Александровск-Грушевского угольного района. Наиболее выдающимися событиями того периода являлись: продолжавшаяся шесть дней стачка 3000 рабочих Сулинского металлургического завода и трехдневная ростовская общегородская забастовка солидарности с бакинскими и петербургскими рабочими.

> «Революционный подъем 1912—1914 годов, размах стачечного движения приближали страну к обстановке начала революции 1905 года» [9].

2. «Правда» на Дону. Выборы в IV Государственную Думу

В условиях начавшегося нового революционного подъема главная задача большевиков Дона состояла в воссоздании массовых партийных организаций, сильно поредевших, а, отчасти, распавшихся под ударами реакции. В борьбе за укрепление большевистских организаций, завоевание влияния в массах и изгнании из легальных организаций ликвидаторов огромную роль сыграла газета «Правда», издававшаяся в Петербурге. Она была создана согласно указанию Ленина, по инициативе Сталина, Ольминского и Полетаева. Первый номер «Правды» вышел 22 апреля (5 мая по н. ст.) 1912 года.

> «Правда» стояла в центре борьбы за партийность, за воссоздание *массовой* рабочей революционной партии. «Правда» сплачивала легальные организации вокруг подпольных очагов большевистской партии и направляла рабочее движение к одной определенной цели — к подготовке революции» [10].

На Дону в ряде мест большевистские организации возоб-

новили свою деятельность или заново были созданы, прежде всего, в связи с распространением «Правды».

Ф. Махарадзе, административно высланный из Закавказья за большевистскую деятельность и проживавший с конца 1911 по весну 1913 года на парамоновском руднике Александровск-Грушевского угольного района, указывает, что до выхода «Правды» там, хотя и имелись одиночки социал-демократы, но партийной организации не было. Выход «Правды» помог её создать.

«Мне удалось, — пишет Ф. Махарадзе, — сблизиться сначала с двумя-тремя наиболее смышлеными рабочими и быстро создать через них сперва группу для выписки «Правды», а затем образовалась уже настоящая партийная ячейка, которая всецело стала на большевистскую точку зрения. После этого партийная жизнь на руднике закипела; рабочие стали предъявлять требования к хозяевам, пошли забастовки и т. д.» [11].

Большевистская группа на парамоновском руднике вначале состояла из 5—6 человек—Ф. Махарадзе, Х. Чернокозова, И. Шведова и др.

Распространяя «Правду», активно участвуя в больничной кассе и в «обществе трезвости», большевистская группа крепила связи с массами и сплачивала вокруг небольшого ядра нелегальной организации значительный актив из сочувствующих рабочих. Упорную борьбу пришлось вести с меньшевиками, распространявшими среди рабочих ликвидаторскую газету «Луч».

«Между большевиками и меньшевиками,—пишет Х. Чернокозов, — шло соревнование, кто больше распространит своей газеты. Я выписывал на себя 100 номеров «Правды». Вызвал меня управляющий Кузнецов, спрашивает: «Зачем ты столько выписываешь?». Раз он меня вызвал и предупредил, что, если так будет продолжаться, то скоро мне придется убраться с рудника» [12].

Большевистская группа оказывала большое влияние на рабочих не только парамоновского рудника, но и соседних шахт. В стачечной борьбе 1913—1914 годов она играла руководящую роль.

На Сулинском металлургическом заводе большевистская группа, разгромленная полицией в 1911 году, начала восстанавливаться в 1912 году так же, как и на парамоновском руднике, с организации групповой подписки на газету «Правда» и её распространения среди рабочих. В состав этой группы первоначально входило, по некоторым сведениям,

9 человек. Она выписывала 5—7 номеров «Правды». Каждый номер этой газеты вооружал большевиков ценным материалом, столь необходимым в их политической работе среди сулинских металлистов.

Работа социал-демократического кружка на таганрогском металлургическом заводе также заметно оживилась в связи с подпиской на «Правду».

«Призыв «Правды», — пишет один из членов кружка о денежном сборе в фонд газеты, — дал кружку новую возможность проявить свою деятельность; работа по сбору дала блестящие результаты даже среди консервативных слоев рабочих. Помню, как нас удивило поведение постоянно молчавшего старика, слесаря Сербина, который отвалил на «Правду» чуть ли не весь свой дневной заработок».[13]

Огромную роль «Правда» сыграла в укреплении ростовской большевистской организации, росте её влияния среди рабочих местных фабрик и заводов.

Ростовские большевики выписывали и распространяли среди рабочих до 300 номеров «Правды». Этой работе уделялось большое внимание. Так, 18 марта 1914 года «Руководящий коллектив» ростовской большевистской организации постановил: выписать 100 номеров «Правды» (тогда газета называлась «Путь правды»), а 21 апреля решили подписаться дополнительно на 150 номеров.

«Правда» сплачивала большевиков Дона на ленинских позициях, воспитывала в духе непримиримой борьбы с ликвидаторами, мобилизовала их на защиту основ большевистской партии.

В связи с ростом стачечного движения большевики усилили борьбу с ликвидаторами, выступавшими против «стачечного азарта». Особенно упорная борьба шла за овладение легальными организациями, а также во время избирательной кампании в IV Государственную Думу.

Борьба с меньшевиками резко обострилась после того, как большевистские депутаты IV Государственной Думы перестали сотрудничать в ликвидаторской газете «Луч» и вышли из объединенной социал-демократической фракции Государственной Думы.

Ростовские большевики целиком одобрили линию «Правды» и большевистских депутатов.

В марте 1913 года при аресте руководящей группы большевиков в Ростове было отобрано письмо, адресованное в «Правду», в котором говорилось:

«Мы, рабочие фабрики Панченко, постоянные читатели «Правды», посылаем свое горячее приветствие «Правде», верной выразительнице наших рабочих интересов, приветствуем её трудную работу по объединению с.-д. сил в России, находим взгляды, которые проводит «Правда», совершенно правильными и вполне соответствующими переживаемому моменту.

Вместе с тем, мы посылаем свое приветствие тем тов. депутатам, которые вышли из состава сотрудников газеты «Луч» и перестали, таким образом, покрывать своим именем ту раскольничью работу, которую неуклонно ведет газета «Луч».

Признавая необходимость единства с.-д. в России, мы считаем возможным начинать такое объединение только с рабочих низов и, конечно, при условии признания и работы в рядах подпольной организации.

Поэтому наше объединение с «Лучом», поскольку он ведет работу против подполья, прикрываясь при этом именем с.-д., и вносит раскол в рабочее движение, говоря постоянно об единстве, — мы считаем недопустимым.

Приветствуя выход депутатов из «Луча», мы выражаем свое недовольство нашему депутату Тулякову, присоединившемуся на выборах к платформе последовательных с.-д., а в настоящий момент отказавшемуся выйти из раскольнического «Луча» [14].

«Правда» имела значительные связи с передовыми рабочими Дона, получала от них письма, корреспонденции и денежную помощь. Большевики и беспартийные рабочие писали в «Правду» о положении рабочих в Ростове, Таганроге, на рудниках Александровск-Грушевского района, о ходе избирательной кампании в IV Государственную Думу, а также о борьбе с ликвидаторами и др.

Группа рабочих Ростовского порта 8 января 1914 года обратилась к члену Государственной Думы большевику Бадаеву со следующей просьбой:

«Уважаемый товарищ! Не откажите взять на себя труд навести следующую справку. В редакцию газеты «За правду» * была послана от Ростовских портовых резолюция, в которой мы приветствовали шесть наших рабочих депутатов (большевиков. — Ред.), а также послали 4 руб. в фонд газе-

---

* Царское правительство за два с половиной года восемь раз закрывало «Правду», но при поддержке рабочих она снова выходила под новым, сходным названием, например, «За правду», «Путь правды», «Пролетарская правда», «Трудовая правда».

ты «За правду»... Почему её не напечатали... Через два дня мы пришлем от портовых рабочих, как память о 9 января, некоторую сумму в пользу репрессированных членов 2-й Государственной Думы социал-демократической фракции» [15].

«Правда» пробуждала классовое сознание рабочих и призывала их к борьбе с угнетателями.

«Выведенный из терпения большими притеснениями рабочих со стороны администрации,—писал в «Правду» шахтер,—я решился, насколько мог, написать о их страданиях и тех несправедливостях, которые на руднике существуют. На руднике вообще рабочей жизни нет совершенно и может быть при помощи вашей уважаемой газеты можно будет пробудить их глубокий сон и заставить их задуматься над своим тяжелым положением» [16].

В апреле 1913 года на парамоновских рудниках забастовало около 2000 рабочих. Под угрозой расправы военной силой (на рудник была вызвана казачья часть), расчета и высылки рабочих с рудника забастовка была прекращена. Жандармский полковник в сообщении об этом событии указывал, что возникновение забастовки произошло под «влиянием газеты «Правды», в значительном количестве (свыше 50 экз.) выписываемой отдельными рабочими» [17].

Рабочие считали «Правду» своей, рабочей, газетой и не только поддерживали ее деньгами, но и выступали в её защиту против гонений со стороны царских властей.

В июле 1913 года, в связи с очередным походом царизма на легальную рабочую печать и закрытием «Правды», рабочие Ростова провели политическую забастовку протеста. В организации забастовки крупную роль сыграл большевик Д. Самохвалов.

Один из участников стачки в письме из Ростова 14 июля 1913 года сообщал:

«В пятницу 12 июля была объявлена в Ростове стачка протеста против закрытия рабочих газет и, вопреки ожиданию, прошла очень удачно, т. е. захватила большое количество предприятий. Бастовали крупные заводы, большинство типографий, много столярных, слесарных и портовых мастерских. Точного числа бастовавших я не знаю, но оно на много больше числа бастовавших 1-го мая. У Богарсукова месячные и те бастовали. Сегодня стало известно, что вместо закрытых вышли новые рабочие газеты. В городе в связи со стачкой идут аресты» [18].

В 1914 году передовые ростовские рабочие, отмечая двух-

четнюю годовщину со дня выхода «Правды» и горячо приветствуя её, писали:

«Мы, рабочие города Ростова и Нахичевани на Дону, сегодня 22 апреля, в день, знаменательный для всего пролетариата,—2-х летнего существования легальной рабочей печати, шлем горячее приветствие и желаем ей в дальнейшем большого успеха в деле распространения идей рабочего класса и защиты интересов пролетариата» [19].

«Правда» была закрыта царским правительством накануне объявления первой империалистической войны — 8 июля 1914 года, и вновь вышла лишь в 1917 году, после свержения царизма.

Осенью 1912 года состоялись выборы в IV Государственную Думу. Большевики Дона, приняв активное участие в избирательной кампании, использовали эту легальную возможность для усиления политической работы в массах.

Большевистские организации Донской области в то время, хотя и поддерживали связь между собой, но областного, формально признанного, руководящего центра не имели. Роль руководящего центра фактически выполняла ростовская организация, как самая сильная и влиятельная среди всех большевистских организаций на Дону. Эту роль она выполнила и в избирательной кампании в IV Государственную Думу, в которой,—кампании,—большевики Ростова принимали деятельное участие.

«Руководящий коллектив» ростовской организации после апрельских арестов был восстановлен в сентябре 1912 года под руководством В. Каспарова. По сведениям охранки он объединял семь большевистских ячеек на предприятиях Ростова.

Избирательная платформа большевистской партии при выборах в IV Государственную Думу была утверждена на Пражской партийной конференции.

> «Пражская конференция в своих решениях в качестве главных очередных политических лозунгов партии выдвинула программу-минимум: демократическую республику, 8-часовой рабочий день, конфискацию всей помещичьей земли» [20].

Под этими лозунгами проводили избирательную кампанию большевики Дона.

С другой платформой выступили ростовские ликвидаторы, возглавляемые А. Локерман, Васильевым, Петренко.

«Нечего и говорить,—писал В. Каспаров в своем письме об итогах избирательной кампании в Ростове,—что господа

ликвидаторы во время всей выборной кампании не вели никакой социалистической агитации. Приблизительно за месяц до выборов местные интеллигенты-ликвидаторы образовали избирательный комитет, пригласили в этот комитет нескольких рабочих и стали «готовиться» к избирательной кампании. стали говорить о «свободе коалиций», о пропаганде в рамках легальности, о пересмотре аграрного законодательства «контрреволюционной эпохи» и прочих пылепускательных вещах. направленных на самообман рабочих. А когда один из приглашенных рабочих спросил: «Думают ли ликвидаторы продолжать работу после выборов или они «распустятся»,—ликвидаторы ответили, что «распустятся» [21].

В избирательной кампании большевикам приходилось беспощадно разоблачать не только кадетов, эсеров, не говоря уже о более правых партиях, но и вести ожесточенную борьбу с меньшевиками-ликвидаторами.

С особой силой разгорелась эта борьба на областном съезде уполномоченных, состоявшемся в Новочеркасске в октябре, на который прибыло 40 уполномоченных от рабочих Донской области для избрания 3-х выборщиков.

На съезде противостояли две платформы: большевистская, с изложением которой выступал В. Каспаров, и ликвидаторская. После длительных прений большинством голосов была принята большевистская платформа.

Ростовские большевики, следуя примеру петербургских рабочих, которые громадным большинством проголосовали за «Наказ петербургских рабочих своему депутату», составленный товарищем Сталиным, тоже выработали «наказ» рабочих Ростова и Нахичевани вновь избранным депутатам социал-демократической фракции Государственной Думы.

В наказе говорилось:

«Уважаемые товарищи! Приветствуя Ваше избрание на трудный и славный пост представителей рабочих в четвертой Государственной Думе, мы, рабочие Ростова и Нахичевани на Дону, выражаем полную уверенность, что Вы с честью будете нести славное знамя РСДРП и защищать интересы революционного пролетариата».

«Наказ» требовал от депутатов подчинения социал-демократической фракции руководящим органам партии и выражалась уверенность, что депутаты будут вести социалистическую агитацию и звать рабочих к организации и борьбе за социалистический строй».

Но на пути к достижению социализма, говорилось в «Наказе», «мы должны выдержать борьбу за наши основные по-

литические требования. Мы уверены, что наша фракция, в полном согласии с руководящим учреждением партии, развернет с думской трибуны основные наши требования, без всяких урезок и распыления на мелочи. Этих основных требований три: демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация всех помещичьих земель»[22].

Под этим «Наказом» большевики собирали подписи рабочих на предприятиях Ростова и Нахичевани.

Депутатом в Государственную Думу от рабочих Дона был избран слесарь Сулинского завода И. Туляков, выступивший на съезде уполномоченных за большевистскую платформу. Но, как потом оказалось, Туляков обманул своих избирателей. Прикинувшись на выборах большевиком и став депутатом Думы, он сбросил с себя личину «последовательного социал-демократа» и переметнулся к меньшевикам.

Такое поведение Тулякова вызвало возмущение и протест со стороны большевиков и передовых рабочих Дона. Большевистская группа парамоновского рудника категорически протестовала против проделки Тулякова.

«Мы со Шведовым,—пишет Х. Чернокозов, — являвшимся уполномоченным от шахтеров на областном съезде, вместе написали статейку в «Рабочую газету» против Тулякова, в которой утверждали, что Туляков не является представителем избравшей его рабочей массы»[23].

С таким же протестом выступили ростовские и сулинские большевики, обвиняя Тулякова в обмане рабочих, в политическом двурушничестве.

Еще в феврале 1913 года вновь созданный Ростово-Нахичеванский комитет большевиков решил поднять агитацию против 7-ми ликвидаторов членов объединенной думской социал-демократической фракции. Большевики Дона одобрили выход большевиков-депутатов из объединенной социал-демократической фракции Государственной Думы и создание самостоятельной большевистской фракции.

Большевики Ростова, Александровск-Грушевского угольного района и Сулина порвали всякие отношения с двурушником Туляковым и установили связь с большевистской фракцией Государственной Думы через депутатов-большевиков Г. И. Петровского и Бадаева, получая от них различные материалы, указания и, в свою очередь, информируя их о положении на Дону.

В то время часть местных большевистских организаций, особенно недавно восстановленных или заново созданных, не имела непосредственной связи с ЦК партии. Так было и на

Дону. Большевистские группы в Сулине и на парамоновском руднике непосредственной связи с ЦК партии не имели. Этот пробел восполнялся установившейся связью с большевистской фракцией Государственной Думы, через которую они знакомились с общепартийной жизнью, получали директивы ЦК партии, избранного на Пражской конференции, чем обеспечивалось проведение партийной линии в работе местных большевистских организаций.

3. Революционное движение на Дону накануне первой империалистической войны

В 1913 и, особенно, в начале 1914 года, в обстановке дальнейшего подъема революционного движения, большевистские организации на Дону все больше развертывали свою как нелегальную, так и легальную работу среди масс. Они создавали партийные ячейки, кружки на фабриках и заводах, время от времени выпускали и распространяли прокламации по злободневным вопросам; распространяли газету «Правда» и руководили стачечной борьбой.

Для революционной работы среди масс большевики использовали легальные организации (профсоюзы, больничные кассы, клубы и т. д.), которые они отвоевывали у ликвидаторов и превращали в опорные пункты находившейся в подполье партии.

Деятельность большевистских ячеек в легальных организациях протекала в ожесточенной борьбе с меньшевиками, имевшими тогда еще известное влияние среди части рабочих Дона. Большую работу проводила в те годы ростовская партийная организация.

После очередного ареста «Руководящего коллектива» в ноябре 1912 года ростовские большевики не прекратили своей деятельности, и в начале 1913 года вновь создали руководящий центр в лице Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП, который возглавил Д. Самохвалов *.

За короткий срок своей деятельности комитет выпустил несколько прокламаций (о 300-летии Дома Романовых, жен-

---

* Самохвалов Дмитрий Спиридонович — из крестьян Таганрогского округа, рождения 1890 г. В 1913—1914 гг. активный деятель ростовской большевистской организации. Один из руководителей однодневной забастовки протеста против закрытия рабочих газет в Петербурге в июле 1913 г. Арестован 29 апреля 1914 г. и был сослан в Сибирь. После февральской революции остался в Сибири, был членом Ачинского Исполкома Совета Р. и С. депутатов. Расстрелян колчаковцами 16 августа 1919 г. в г. Ачинске.

ском дне), в которых рабочие призывались к революционной борьбе под лозунгами: «За демократическую республику, 8-часовой рабочий день и конфискацию всех помещичьих земель». Эти лозунги становились все более популярными среди ростовских рабочих.

В марте, под руководством большевиков, началась забастовка рабочих на заводе Нитнера. Опасаясь ее распространения на другие предприятия, полиция произвела 8 марта массовые аресты большевиков. Всего было арестовано более 30 человек, в том числе почти весь состав большевистского комитета. В ответ на это рабочие завода «Аксай» провели однодневную политическую забастовку протеста.

Группе большевиков, во главе с Д. Самохваловым, потребовалось немало усилий для восстановления партийной организации.

В июле 1913 года, по призыву этой группы, часть ростовских рабочих провела забастовку протеста в связи с очередным закрытием царскими властями газеты «Правда». С осени деятельность группы все более расширялась. Характеризуя её состояние к началу 1914 года, жандармский полковник писал, что созданные большевиками «кружки среди портовых рабочих и деревообделочников, стали пополняться новыми членами, организованы кружки среди портных, типографов, рабочих завода «Аксай», табачной фабрики Асмолова и др.»[24].

Ростовская большевистская организация развернула кипучую деятельность. В донесениях охранки и Жандармского управления приводятся подробные сведения о работе «Ростовской группы большевиков» в начале 1914 года.

Так, 27 января «Ростовская группа большевиков» провела несколько конспиративных объединенных собраний представителей партийных, профсоюзных организаций и Народного университета по вопросу о выборах правления этого университета. 4 февраля состоялось заседание группы совместно с представителями фабрично-заводских ячеек, на котором обсуждались вопросы о строительстве нелегальной большевистской организации, об отношении к легальным организациям, в том числе к ростовскому женскому клубу и народному университету, а также текущие дела группы. Было решено: обсудить на следующем заседании группы вопрос об изменении её названия, усилить большевистское влияние в легальных рабочих организациях.

21 февраля 1914 года было созвано делегатское собрание представителей районов, которое решило присвоить ростовской социал-демократической группе наименование «Ростов-

ская группа РСДРП». На этом же собрании были выдвинуты кандидаты в состав руководящего центра группы, которых предложено было обсудить на местах, в районах, после чего считать их «Руководящим центром».

18 марта заседал «Руководящий центр» Ростовской группы РСДРП совместно с представителями районов. На заседании обсуждались вопросы о рабочей печати, о формах ознаменования ленских событий и др. «Центр» постановил: выписать к 1 апреля 100 экз. «Путь правды» и распространить в районах; провести 4—17 апреля в память о расстрелянных рабочих на Ленских приисках собрания и летучки рабочих; избрать комиссию «для создания большевистских организаций в местных больничных кассах» [25].

24 марта вновь состоялось заседание «Руководящего центра» с представителями районов. На этот раз «Центр» избрал «Исполнительную комиссию», которой поручил разработать организационную схему группы.

29 марта состоялось собрание представителей районов, которое, обсудив вопрос об организации политических забастовок в связи с годовщиной ленского расстрела и днем большевистской печати, поручило Д. Самохвалову пригласить представителей кружков для совместного обсуждения с представителями «Центра» вопроса об устройстве двух забастовок [26].

«В дальнейшем, — говорится в архивных материалах, — оба эти предложения о забастовках на 15 и 22 апреля были отклонены, ввиду близости 1 мая и желания сберечь к этому времени все свои силы». Большевики отложили забастовку. День же рабочей печати решено было ознаменовать денежным сбором среди рабочих, распространением среди них «Правды», а также кружковыми собраниями, на которых представители «Центра» должны были разъяснить собравшимся значение этого дня.

14 апреля состоялось партийное собрание по вопросу об организации празднования 1 мая, на котором было решено созвать 27 апреля представителей всех партийных ячеек и кружков и там обсудить разработанный «Исполнительной комиссией» план первомайской демонстрации.

18 апреля, по инициативе Д. Самохвалова, состоялось совещание «Центра»; присутствовало 5 человек. Самохвалов доложил о выработке устава, о Дне печати и о 1 мая. Совещание решило усилить агитацию за устройство 22 апреля сбора денег на «Правду» и собрать сведения, в каких фабри-

ках и заводах рабочие хорошо подготовлены к первомайской демонстрации.

«На этом же собрании Самохваловым было доложено, что имеющаяся у него техника вполне оборудована, ожидается лишь получение листовок Центрального Комитета, которые и будут отпечатаны для выпуска 1 мая» [27].

21 апреля «Руководящий центр» констатировал, что партийная организация развернула довольно большую агитационно-пропагандистскую работу по подготовке празднования 1 мая, чем и обеспечила боевое настроение рабочих, а потому решил провести 1 мая общегородскую забастовку и политическую демонстрацию. На этом же заседании была выбрана «техническая комиссия» для работы в партийной типографии и заслушано сообщение Самохвалова об успешно проведенном сборе денег на рабочую печать. «Руководящий центр» решил выписать дополнительно еще 150 экз. «Путь правды» и позаимствовать из собранных средств 10 руб. на расходы по приобретению шрифта для подпольной «техники».

23 апреля было созвано собрание представителей партийных ячеек, кружков и «организованных рабочих» всех заводов, расположенных на территории Нахичевани. Собрание обсудило вопрос о праздновании 1 мая. Собравшиеся говорили, «что рабочие подготовлены к демонстрации и ждут только указаний Комитета».

Умело сочетая нелегальную работу с работой в легальных организациях, большевики Ростова в борьбе с ликвидаторами добились большого успеха. Влияние ликвидаторов среди рабочих Ростова было подорвано.

«Группа ликвидаторов,—писал начальник Областного жандармского управления в начале 1914 года,— является самой немногочисленной и наиболее непопулярной. На рабочую среду она не оказывает почти никакого влияния. Лица, принадлежащие к этой группе, не составляют более или менее сплоченной партийной единицы, как таковой, а являются лишь разрозненными отдельными лицами. Вся деятельность их проявляется лишь в стремлении организовать получение легальных с.-д. газет. В силу этого, отдельных ликвидаций по этой группе не предпринималось...» [28].

В забастовочном движении рабочих в первой половине 1914 года большевикам принадлежала не только инициатива этих выступлений, но, за редким исключением, и руководство ими.

Ведя борьбу против меньшевиков-ликвидаторов, раскалывавших рабочее движение, большевики Дона, следуя указа-

ниям В. И. Ленина, добивались единства снизу, увлекая своими последовательными лозунгами в общую революционную борьбу и те группы рабочих, которые находились еще под влиянием меньшевиков. В условиях быстрого нарастания революционного движения правильность большевистской политической линии и тактики становилась для этих рабочих все более очевидной. Меньшевистско-ликвидаторская, реформистская политика и тактика опрокидывалась всем ходом нового революционного подъема.

С наступлением 1914 года рабочее движение все больше нарастало. Вслед за Петербургом, Москвой, Ригой и другими промышленными центрами, в движение вовлекались новые отряды рабочих во многих городах страны. В этом подъеме рабочие Дона, особенно Ростова, сыграли немаловажную роль.

Начиная с 9 января, стачечное движение на Дону, в первую очередь, в Ростове, все более росло, перебрасываясь с одного предприятия на другое.

9 января в Ростове провели политическую забастовку около 600 рабочих; одновременно большевики проводили сбор денег в фонд 9-го января, предназначенный для политических заключенных. В феврале два дня бастовали рабочие чугунолитейного и сталелитейного цехов Таганрогского металлургического завода. В марте стачка охватила шахтеров Наследышевского рудника, принадлежавшего Сулинскому металлургическому заводу, и около 400 рабочих типографий и деревообделочных предприятий Ростова.

Рабочие других фабрик и заводов проявляли крепкую солидарность с бастующими рабочими. В Ростове во время забастовки на биллиардной фабрике Я. Гоца в марте 1914 года продолжавшейся около месяца, рабочие 5 мебельных и 7 портняжных мастерских все время поддерживали бастующих не только морально, но и материально, производя для этого отчисления из своего заработка.

Ростовские большевики готовили большое выступление рабочих 1 мая—не только в форме забастовок, но и общегородской политической демонстрации.

Массовыми арестами, в результате которых сильно пострадал «Руководящий центр» большевистской организации, намеченное выступление рабочих было сорвано. Несмотря на это 1 мая бастовали рабочие заводов «Аксай», Питнера и др., всего около 1000 человек. В Таганроге в этот день бастовали рабочие котельного завода и завода Кобера, всего около 800 человек.

Как и в 1905 году, ростовские пролетарии шли в авангарде рабочих Дона. В самом же Ростове, в отличие от первой революции, когда наибольшую активность в стачечном движении развили рабочие Главных железнодорожных мастерских, в 1912—1914 годах их место заняли рабочие завода «Аксай», которые в годы нового революционного подъема бастовали 5 раз, при чем почти все их выступления носили не экономический, а политический характер.

К июню 1914 года революционное движение на Дону, как и во всей стране, приняло большой размах и достигло высокого напряжения. Рабочие Дона с большим сочувствием следили за развитием борьбы пролетариата, в начале июля, в Петербурге и Баку. Эти события оказали на них огромное влияние.

9 июля, впервые после революции 1905 года, по инициативе большевиков забастовали около 3000 рабочих Сулинского металлургического завода.

Меньшевики, пользовавшиеся тогда среди сулинских рабочих известным влиянием, возглавляли профессиональный союз на заводе и очень неохотно шли даже на экономическую забастовку.

При выработке требований, состоявших из 37 пунктов экономического характера, большевики предложили включить пункт о 8-часовом рабочем дне. Против этого выступили меньшевики, в том числе депутат Туляков, прибывший из Петербурга и настаивавший выставлять только «умеренные требования». Тулякову и меньшевикам удалось уговорить рабочих, и вопрос о 8-часовом рабочем дне был снят.

Большевистская группа была слишком малочисленной и не смогла стать во главе забастовки. Меньшевики, поневоле оказавшиеся втянутыми в забастовку, больше всего опасались «крайностей» со стороны рабочих и ничего не сделали для прекращения всех работ на заводе. Ввиду этого, часть рабочих продолжала работать. Ничего не предпринимали меньшевистские «руководители» и для нажима на администрацию, отказавшуюся от удовлетворения предъявленных требований. В результате всего этого, а также ввиду присылки на завод для наведения «порядка» казачьей сотни, забастовка, продолжавшаяся 6 дней, окончилась 14 июля без удовлетворения каких-либо требований рабочих.

Забастовка показала, что и сулинские рабочие, оправившись от ударов реакции, вновь вступили на путь открытой классовой борьбы со своими угнетателями. Забастовка имела и то значение, что после нее влияние меньшевиков стало па-

дать, а большевистское влияние — возрастать. На Дону самым крупным событием в июле 1914 года было выступление рабочих Ростова.

Большевистская организация решила призвать ростовских рабочих к забастовке солидарности с рабочими Баку и Петербурга — в знак протеста против репрессий и расстрелов, применявшихся царскими властями при подавлении забастовок в этих городах.

После подготовительной работы «руководящий коллектив» ростовской большевистской организации обратился к рабочим с воззванием:

«Товарищи рабочие гг. Ростова и Нахичевани на Дону! Всем вам известно, что уже два месяца как бакинский пролетариат ведет героическую борьбу с предпринимателями — нефтяными королями, за улучшение своего экономического положения. Два месяца как он стойко защищает свои боевые позиции. Тяжелая жизнь, жизнь хуже животных, вынудила наших товарищей—бакинцев, наконец, объявить войну ненавистной буржуазии. Охранители народного рабства вводят самые ужасные гонения — тысячи бакинских рабочих выселяют из жилищ, сотни избиваются и расстреливаются. За такое зверское отношение к мирным бастующим бакинским рабочим петербургский пролетариат ответил на это всеобщей стачкой и демонстрацией, и там правительство прибегло к расстрелу. Мы, нахичеванские и ростовские рабочие, являясь частью российского пролетариата, не должны равнодушно смотреть, как зверски избиваются и расстреливаются наши братья — рабочие в Баку и Петербурге. Все рабочие Ростова и Нахичевани на Дону, мы должны встать, как один, на защиту своих товарищей. Мы должны выразить свою солидарность с ними—забастовкой протеста. Итак, товарищи, за дело. Время не ждет. Да здравствует классовая борьба пролетариата! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует РСДР Партия! Да здравствует социализм! Руководящий коллектив РСДРП» [29].

14 июля началась общегородская 3-дневная забастовка, охватившая фабрики, заводы, типографии и мастерские Ростова и Нахичевани. Не бастовали только Главные железнодорожные мастерские и две табачные фабрики.

Эта забастовка солидарности, начавшаяся к тому же в первый день всеобщей мобилизации, объявленной царским правительством, носила яркий политический характер и закончилась за два дня до объявления войны.

Вслед за рабочими Ростова, все больше втягивались в

борьбу шахтеры Александровск-Грушевского угольного района. Рабочие рудника Кошкина 17 июля провели большое собрание без разрешения полиции. На собрании, помимо вопросов о больничной кассе и организации профсоюза, обсуждался также вопрос о действиях царского правительства при подавлении забастовок в Баку и Петербурге.

Большевистская группа на парамоновском руднике в середине июля развернула работу по подготовке стачки шахтеров. Забастовка, начавшаяся утром 19 июля, в первый день войны, быстро была подавлена.

> «Подъем революции был прерван мировой войной, в которой царское правительство искало спасения от революции» [30].

ГЛАВА VI

БОЛЬШЕВИКИ ДОНА В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ВТОРОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Борьба большевиков Дона за ленинскую теорию и тактику по вопросам войны, мира и революции

В июле 1914 года началась первая мировая война за «передел мира и сфер влияния. Она задолго подготовлялась всеми империалистическими государствами. Её виновники—империалисты всех стран» [1].

В этой войне участвовала и царская Россия.

Правительства и буржуазия воюющих государств рассчитывали также использовать военную обстановку для подавления революционного движения, принимавшего в ряде стран накануне войны все более угрожающий размах.

С объявлением войны международное рабочее движение оказалось перед великим испытанием. На карту была поставлена судьба социализма. Как известно, II Интернационал не выдержал испытания и развалился, социал-демократические партии «забыли» о социализме, об интернациональных задачах пролетариата, стали поддерживать свои буржуазные правительства в империалистической войне, вовлекая в это лжепатриотическое дело и рабочих.

> «Только партия большевиков осталась верной великому знамени революционного интернационализма, оставаясь твердо на марксистских позициях решительной борьбы против царского самодержавия, против помещиков и капиталистов, против империалистической войны. Большевистская партия с первых же дней войны придерживалась той установки, что война начата не для защиты отечества, а для захвата чужих земель, для ограб-

ления чужих народов в интересах помещиков и капиталистов, что с этой войной рабочим нужно вести решительную войну»[1].

В условиях начавшейся войны деятельность большевистской партии на много была затруднена. При первой же мобилизации были взяты в армию наиболее организованные и сознательные рабочие, составлявшие основной костяк и опору большевистских организаций. Усилились репрессии со стороны царских властей, вследствие чего значительная часть большевиков была арестована и, либо сидела в тюрьме, либо находилась в ссылке в далекой Сибири.

Товарищ Сталин и другие руководящие работники партии находились в ссылке; Ленин находился в Швейцарии, в эмиграции.

Всероссийские легальные центры партии подверглись разгрому. Газета «Правда» была закрыта еще накануне войны, а в ноябре 1914 года были арестованы депутаты большевистской фракции IV Государственной Думы.

Связь местных большевистских организаций с ЦК партии, находившимся заграницей, в Швейцарии, была нарушена и они не могли своевременно получать директивы от руководящих партийных центров.

Буржуазная печать развернула бешеную шовинистическую агитацию, пытаясь лжепатриотическими лозунгами дезорганизовать рабочий класс, отравить ядом шовинизма сознание народных масс и увлечь их на войну.

В таких условиях оказались в начале войны и большевики Дона. В первые дни войны они не имели достоверных сведений об отношении II Интернационала к войне. Зная решения Копенгагенского и Базельского конгрессов II Интернационала об отношении социал-демократии к империалистической войне, они полагали, что этими решениями и будут руководствоваться социалистические партии.

Когда же через буржуазную печать начали поступать сведения об измене лидеров II Интернационала, в том числе и Плеханова, о переходе их на позиции поддержки своих буржуазных правительств в империалистической войне, то некоторая часть большевиков Дона не хотела этому верить.

Один из большевиков, работавший тогда в Ростове, в своем письме 27 августа 1914 года писал в Москву следующее:

«Напишите, нет ли у вас каких-либо сведений, рисующих отношение германских с.-д. к войне. Нельзя верить противоречивым газетным сообщениям, вносящим смуту в голо-

вы. Хочется верить, что Интернационал переживает этот кризис и не пострадают основы того учения, которыми он жил до сих пор... Вчера в «Русск. Вед.» я нашел «мнение» Плеханова, который будто бы сказал, что его «симпатии всецело на стороне тройственного согласия и что война России с Германией — экономическая необходимость». Трудно поверить, что этот человек мог сказать такую глупость, а у нас нет возможности узнать правду. Буржуазная пресса пользуется этим и вносит деморализацию в рабочие массы. Надо теперь же бороться с этим злом, пока не поздно» [3].

В обращении к социал-демократической фракции Государственной Думы «Руководящий коллектив социал-демократической организации в городе Ростове н/Д. и Нахичевани» в августе выступил против империалистической войны и, призывая с.-д. думскую фракцию «поднять свой голос протеста против этого неслыханного истребления народов», выражал недоверие противоречивым сведениям буржуазной печати о позиции, занятой по отношению к войне социалистами всех стран.

«Руководящий коллектив» просил социал-демократическую фракцию взять на себя инициативу переговоров с Международным социалистическим бюро. «Пусть оно, — говорится в обращении,—собравшись в каком-нибудь из нейтральных государств, призывает пролетариат всего мира к борьбе за прекращение кровопролития, за мир и спокойствие» [4].

Но в скором времени стало известно, что II Интернационал потерпел позорный крах, а социал-демократические партии, входившие в него, за исключением большевистской партии, изменили делу социализма и превратились в социал-шовинистические партии.

В этом позорном деле не отстали от своих западноевропейских собратьев меньшевики и троцкисты в России.

Меньшевики-ликвидаторы в Ростове, во главе с Локерманом, а также — в Таганроге и Новочеркасске присоединились к Плеханову, стали «оборонцами», призывали рабочих к защите «отечества» царя и буржуазии в империалистической войне. Они призывали рабочих к «классовому миру» и к добросовестной работе на оборону. При чем в обоснование своей позиции они ссылались на поведение социал-шовинистов Германии, Франции, Англии и др.

Но открытые социал-оборонцы были на Дону малочисленны, и сколько-нибудь заметным влиянием среди рабочих не пользовались.

Вторую, более значительную, группу составляли меньшевики, ставшие на центристские позиции, т. е. на позиции скрытых социал-шовинистов. Группы этих центристов имелись в Ростове, Таганроге, Новочеркасске и других городах Донской области.

Прикрывая свою измену рабочему классу фразой о борьбе за мир, они рьяно выступали против большевистских лозунгов поражения царского правительства и превращения империалистической войны в войну гражданскую. Они полностью разделяли взгляды меньшевистской фракции IV Государственной Думы, являлись на деле теми же оборонцами.

В одной из своих резолюций 31 мая 1916 года ростовские меньшевики, робко выражая свое несогласие с откровенной, оборонческой речью Гвоздева (председателя рабочей группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете), писали, что «вопрос об обороне, как известно, спорный. Поэтому, вообще, следовало воздержаться от разговоров в отношении к войне» [5].

Позиция «золотой середины» являлась лицемерной формой, прикрывавшей предательство меньшевиков, отказавшихся от борьбы за революционный выход из империалистической войны и на деле поддерживавших эту войну.

Когда в ходе войны обнаружилась неспособность царского правительства обеспечить успешное ведение войны и подавление растущего революционного движения, и буржуазные партии, охваченные «патриотической тревогой», стали домогаться власти, то в хвосте этого движения оказались и меньшевики.

Ростовские и таганрогские меньшевики, приняв активное участие в военно-промышленных комитетах, в которых создали «рабочие группы» с целью якобы «контроля над буржуазией», в качестве программных требований выдвинули:

1) Амнистия за политические и религиозные преступления,
2) Ответственное министерство перед Думой,
3) Полновластная Дума, избранная на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования,
4) Свобода печати, союзов и собраний.

Чтобы эту кадетскую программу сделать приемлемой для рабочих, меньшевики включили в нее пункт о 8-часовом рабочем дне, об охране труда и т. д. Вместе с этим они совершенно выбросили из программы даже свое реформистское требование предвоенного периода о «пересмотре аграрного законодательства» столыпинской реакции.

Таким образом, давно отказавшись от революции, меньше-

вики выступали за поддержку буржуазной оппозиции, за программу «прогрессивного блока», созданного в 1915 году кадетами и октябристами — Милюковым и Гучковым. К поддержке этого блока меньшевики призывали рабочих.

Большевики Дона с первого дня войны решительно выступали против нее.

Большевистская группа на парамоновском руднике уже 19 июля, в первый день войны, призвала рабочих шахты «Елпидифор» (ныне им. Артема) к забастовке и, воспользуясь проводами мобилизованных, провела политическую демонстрацию. В своих выступлениях перед мобилизованными и огромной толпой шахтеров большевики (Х. Чернокозов, И. Шведов) разоблачали империалистический характер войны и призывали рабочих к борьбе с царским самодержавием.

Для большевиков Дона, еще до получения партийных директив из ЦК, было ясно, что начавшаяся война—империалистическая по своему характеру и что никакого классового мира не может быть у рабочих с царским самодержавием и буржуазией, втянувшими Россию в войну. Но у них не было ясности, под какими лозунгами проводить борьбу против грабительской войны, у них не было еще продуманной большевистской тактики.

Лишь получение знаменитого ленинского Манифеста ЦК партии «Война и Российская социал-демократия», в котором определялись тактика и лозунги большевистской партии в условиях империалистической войны, внесло полную ясность. Разоблачив империалистический характер войны, заклеймив позором вождей II Интернационала, изменивших делу социализма, Ленин в этом Манифесте писал: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами». Большевики Дона, как и вся партия, этим Манифестом были вооружены теоретически и политически для борьбы в сложных военных условиях.

Из большевистских организаций Дона наиболее сплоченной и влиятельной в годы войны, как и до этого, являлась ростовская большевистская организация.

За неделю—две до объявления войны царские власти в Ростове в порядке «профилактики» провели среди большевиков массовые аресты. Партийная организация понесла большой урон, лишившись многих работников. Перестал суще-

ствовать общегородской партийный центр. Не имея руководящего центра, оставшиеся на свободе большевики не могли быстро наладить партийную работу. Так продолжалось до конца 1915 года. Восстановление партийного городского центра в начале 1916 года дало возможность перейти от работы отдельных большевистских кружков на предприятиях к более широкой политической агитации.

5 мая 1916 года ростовские большевики выпустили первый номер подпольной газеты «Пролетарское слово», отпечатанной на гектографе. Выпуская нелегальную газету, большевики ставили перед собой задачу: разъяснить рабочим цели революционной классовой борьбы, организовать рабочих, объединить их вокруг партии Ленина, разоблачить предательство меньшевиков и прочих изменников, активизировать выступления рабочих и трудящихся масс на борьбу против войны, против царизма. В передовой статье «Пролетарского слова» сказано:

«Товарищи! Мы должны сплотиться в тесные, дружные ряды вокруг нашей РСДРП и мощными ударами разбить те тяжелые цепи, которые сковывают жизнь и волю народа, мы должны свергнуть преступное правительство, втянувшее нас в кровавую войну» [6].

В другой статье, озаглавленной—«К новобранцам», разъяснялось, кем начата кровавая империалистическая война, в чьих интересах она ведется и как её можно и нужно прекратить.

«Народы европейских государств, брошенные в пасть войны буржуазией,—говорится в статье,—льют кровь за её интересы... Сознательные пролетарии поняли это с начала войны и начали агитацию против... Новобранцы, уходя на войну, вы можете и должны помочь сознательному пролетариату в его борьбе. Организуйте батальонные, полковые, ротные дружины, подготовляйтесь и подготовляйте других к выступлению в союзе с пролетариатом против своих врагов, чтобы положить конец мировой войне... Борьба против буржуазии всех стран и борьба против российского самодержавия—вот лозунг, с каким вы, товарищи, пойдете на войну и будете разносить его и сеять среди своих товарищей по полкам, ротам и батальонам» [7].

Разоблачая предательство вождей II Интернационала, большевистская организация разъясняла причины его краха, воспитывала рабочие массы в духе пролетарского интернационализма, требовала создания III Интернационала. Газета

«Пролетарское слово» писала в статье «Интернационал и его значение»:

«Интернационал есть международный союз рабочих для совместной борьбы с буржуазией... Война 1914 г. разрушила II Интернационал... Мы, русские рабочие, с гордостью можем сказать, что мы остались верными принципам социализма. Позиция, занятая рабочими представителями в Думе, может служить доказательством тому...

В настоящее время начинает организовываться III Интернационал... Пожелаем же новому международному союзу рабочих—III Интернационалу, счастливого будущего. Пусть он с успехом борется с врагами рабочего класса, способствуя окончательной победе социализма»[8].

Выход подпольной газеты, пропагандирующей ленинские взгляды по вопросам войны, борьбу за подготовку революционного свержения царизма, за создание III Интернационала, явился большим событием в жизни Ростовской большевистской организации.

Распространенный на предприятиях Ростова и Нахичевани первый номер «Пролетарского слова», вызвал среди передовых рабочих большое оживление и встречен с одобрением.

«Ростовские меньшевики и ликвидаторы, — сообщал начальник Донского областного жандармского управления,—отнеслись отрицательно «к большевистской газете»[9]. Оно и понятно. «Пролетарское слово», отстаивая ленинские взгляды по вопросам войны, мира и революции, разоблачая предательство II Интернационала, било не в бровь, а в глаз меньшевикам, превратившимся в открытых или замаскированных социал-шовинистов.

В 1916 году в связи с эвакуацией ряда заводов из Прибалтики на Дон, в Ростове образовалась латышская группа большевиков. Объединившись с ростовскими большевиками, они вместе создали в сентябре «Ростовский на Дону и Нахичеванский Комитет РСДРП»—(большевиков). Активную роль в его работе играли: Г. И. Соколов * (руководил профсоюзом

---

* Соколов Григорий Петрович — старый большевик, активный деятель союза портных в Петербурге в 1907 г. За участие в забастовке был выслан из Петербурга. В годы империалистической войны работал в Ростове в союзе портных и являлся одним из руководителей большевистской организации. В январе 1917 г. Соколов был арестован и отправлен в тюрьму. После освобождения из тюрьмы, в дни февральской революции, возвратился в Ростов и активно работал в большевистской организации. В 1918 г. переехал в Москву, где работал в Красно-Пресненском районе. Умер 18 апреля 1925 г.

портных), Г. Фадеев (Васильев)*, Г. Христенко (член правления союза металлистов), М. Равикович (студент Варшавского университета, секретарь союза деревообделочников) и др.

Комитет стоял на ленинских позициях.

В своей «резолюции по организационному вопросу», в вводной части которой четко и ясно излагались основные политические задачи ростовской большевистской организации, Комитет решительно выступил против социал-шовинистов, за полный разрыв с ними. Комитет целиком поддерживал ленинскую линию на создание III Интернационала и организационные принципы большевистской партии.

«Российская социал-демократическая рабочая партия,— говорится в резолюции,—все время продолжает бороться против оппортунистов всех стран и окончательно порвала все организационные связи с российскими ликвидаторами. В интернационале оппортунисты еще были полноправными его гражданами, но только современная война заставила оппортунистов снять маску и обнажить свою естественную физиономию. Теперь они ликвидировали не только старое испытанное подполье и революционную тактику, но и интернационал. Сами же они перешли из лагеря социализма в лагерь воинствующего капитализма, призывая рабочих к нарушению международной классовой солидарности и объединению с буржуазией.

Только революционная социал-демократия все время усиленно работает над возобновлением интернационала, связывая разрозненные нити международной солидарности и неустанно противопоставляя гражданскому миру и империалистической войне *революционную классовую борьбу*, высоко несет красное знамя с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Только революционная социал-демократия остается верной своему интернациональному лозунгу—*война— войне*.

Итак, оппортунистический социализм умер и вместе с ним—

---

* Фадеев (Васильев) Григорий Прокофьевич, родился в 1888 г. в бедной крестьянской семье, Московской губернии. С 12—13 лет Фадеев попал в ученье к портному в Москве. В 1908 г. за организацию забастовки портных был выслан из Москвы. В 1912 г. приехал в Ростов и принял активное участие в революционной борьбе. В большевистскую партию вступил в 1913 г. В Ростове по поручению большевистской организации Фадеев руководил союзом портных. В 1917 г. активно работал в Совете Р. и С. Д. и в партийной организации. После занятия Ростова калединцами, в декабре 1917 г., остался в Ростове и вел подпольную партийную работу. В ночь с 6 на 7 февраля 1918 г. был арестован и затем убит белогвардейцами.

старый интернационал. Возрожд[illegible] ре-
волюционный, без всякого реформизма. А потому всякая со-
циал-демократическая организация должна быть строго рево-
люционной и самым резким образом порвать всё с оппорту-
нистами всех оттенков. ибо от организаций на местах зависит
интернационал, который тесно связан со всей судьбой рабо-
чего класса» [10].

«Ростовский-на-Дону и Нахичеванский комитет РСДРП»,
ведя неустанную борьбу с меньшевиками, с открытыми и
скрытыми социал-шовинистами, добился значительных успе-
хов в укреплении большевистской организации в Ростове, ко-
торая осенью 1916 года насчитывала от 80 до 100 членов
партии. Организация имела 8 пропагандистских кружков на
предприятиях. Был создан большевистский кружок из студен-
тов б. Варшавского университета, во главе с Равиковичем.*
Ростовские большевики оказывали помощь в работе Новочер-
касской большевистской группе, которой руководил А. Поло-
тебнов. Эта группа проводила работу среди железнодорожни-
ков, студентов политехнического института и солдат запасно-
го полка.

Ростовская большевистская организация к этому времени
установила тесную связь с Петроградом.

«Завязав связи с большевистской организацией в Петро-
граде,—говорится в донесении начальника Донского област-
ного жандармского управления,—и получая оттуда различную
партийную литературу, группа эта (т. е. Ростовская органи-
зация — ред.) перепечатывала или переписывала её в воз-
можно большем количестве экземпляров, которые и распро-
страняла среди рабочего класса» [11].

Большевистская организация пользовалась большим авто-
ритетом среди ростовских рабочих, руководила их стачечной
борьбой, призывала рабочих к борьбе за революционный вы-
ход из войны на основе ленинской тактики, к демократиче-
ской революции, считая её непосредственной задачей и необ-
ходимым этапом в борьбе за социализм.

Значительную работу в годы первой империалистической
войны проводили таганрогские большевики.

---

* М. Равикович, в 1916 г., будучи студентом Ростовского (быв. Варшавского) университета, принимал активное участие в деятельности ростовской большевистской организации. В декабре 1916 г. был арестован. В Ростов вернулся летом 1917 г. В октябре — ноябре являлся секретарем Ростовского и Нахичеванского Совета Р. и С. Д. и секретарем Ревкома. После разгрома Каледина, Равикович вновь работал секретарем Ростовского и Нахичеванского С. Р. и С. Д.. Умер в 1918 году.

Таганрогская организация, разгромленная в годы реакции, восстанавливалась в предвоенный период с большим трудом, и в годы войны не имела общегородского партийного комитета. Большевики состояли в небольших группах и кружках на предприятиях или в одиночку вели повседневную работу в массах.

К концу 1915 года эти группы и кружки значительно усилились. «Большевистские рабочие группы,—доносил помощник начальника Донского жандармского управления по Таганрогскому округу,—имеются на всех заводах и фабриках г. Таганрога, но они незначительны! и формальной организации пока не имеют и объединяются: группы столярной фабрики Хандрина, макаронной Мошети, маслобойного завода Ваксова, пивоваренного завода Бэзенера и типографии—в лице больничной кассы «звено», а группа заводов котельного, металлургического, кожевенного и Кебера—в лице «руководящего коллектива при заводе Кебера» [12]. В этих группах в годы войны активную роль играл Н. Четвериков.

С пуском Русско-Балтийского завода, переведенного из Ревеля в Таганрог и окончательно отстроенного в 1916 году, ряды большевиков еще более пополнились. На заводе, насчитывавшем к 1917 году до 10 тыс. рабочих, было много квалифицированных рабочих Питера, Москвы и Урала, принимавших активное участие в революционном движении. На заводе имелась большевистская группа, состоявшая, по сведениям Жандармского управления, из 20 человек. Ввиду всего этого рабочие Русско-Балтийского завода являлись в тот период застрельщиками всех революционных выступлений в Таганроге.

Таганрогские большевики тоже имели связь с Петроградом. Жандармский ротмистр по Таганрогскому округу в январе 1916 года отмечал, что «руководящие директивы получаются от Петроградского Комитета РСДРП через Тихона Михайловича Руденко, находящегося в Петрограде» [13].

Таганрогские большевики вели агитационную работу в массах, разъясняли им империалистический характер войны и призывали к борьбе с царским самодержавием и капиталистами.

Партийная группа Русско-Балтийского завода выпустила прокламацию, «разъясняющую цели большевистской партии; в ней осуждалась империалистическая война и также объявлялась *война—войне*» [14]. Эта прокламация вызвала озлобленные нападки на большевиков со стороны таганрогских

меньшевиков, активно сотрудничавших с буржуазией в Таганрогском военно-промышленном комитете.

В прокламации, выпущенной той же группой в 1916 году, большевики призывали рабочих к сбору средств «в фонд репрессированных товарищей».

«Товарищи,—говорилось в прокламации,—уже третий год тянется кровавая бойня, никому ненужная, кроме заводчикам и прочим пьявкам, присосавшимся к народу. От этой бойни, кроме миллионов убитых, искалеченных, да дикого разгула дороговизны, мы ничего не получили...

Русское самодержавие и заводоуправление на все наши требования отвечают выбрасыванием из заводов, тюрьмой, каторгой и позициями» [15]. Хотя прокламация заканчивалась только призывом поддержать и расширять фонд помощи репрессированным товарищам, тем не менее, своими правдивыми большевистскими словами она вскрывала империалистический характер войны, указывала на царизм и буржуазию как на виновников этой кровавой бойни и тем самым раскрывала глаза рабочим на смысл происходящих событий и звала их на борьбу со своими угнетателями.

К голосу большевиков рабочие таганрогских предприятий прислушивались с огромным вниманием. Большевики все более и более усиливали свое влияние в массах. В декабре 1916 года при выборах в «рабочую группу» при Таганрогском военно-промышленном комитете» на Русско-Балтийском заводе разгорелась ожесточенная борьба между большевиками, выступавшими против посылки рабочих в военно-промышленные комитеты, как оборонческие буржуазные организации, и меньшевиками, призывавшими рабочих избрать своих представителей для работы в Комитете.

Рабочие завода пошли за большевиками и отказались от участия в выборах.

Так большевики Дона в тяжелых условиях военного режима, то и дело подвергаясь репрессиям со стороны царских властей, вели активную борьбу против буржуазного шовинизма, против изменников делу социализма — открытых и скрытых «оборонцев»-меньшевиков,—отстаивая ленинскую установку на превращение империалистической войны в войну гражданскую и подготавливая массы к новой революции.

> «Война показала, что партия большевиков была единственной партией, которая выдержала с честью испытание и осталась верной до конца делу социализма, делу пролетарского интернационализма» [16].

2. Рост революционного движения на Дону в годы первой империалистической войны

Царизм и буржуазия рассчитывали при помощи войны не только завоевать новые земли и рынки для своего обогащения, но и подавить революционное движение, принявшее угрожающий размах.

Подняв мутную волну шовинизма, царское правительство и буржуазия надеялись отравить ядом национализма сознание рабочего класса и трудящихся масс, отвлечь их внимание от внутренних вопросов и повести их на войну.

> «Правда, буржуазно-патриотический угар, охвативший в начале войны интеллигенцию и кулацкие слои крестьянства, задел также некоторую часть рабочих. Но это были по преимуществу члены хулиганского «Союза русского народа» и часть эсеровско-меньшевистски настроенных рабочих. Они, конечно, не отражали и не могли отражать настроений рабочего класса. Эти именно элементы и оказались участниками шовинистических манифестаций буржуазии, организованных царским правительством в первые дни войны» [17].

Однако, царское правительство и империалистическая буржуазия просчитались. Война не принесла успокоения в стране. Слабо развитая промышленность и отсталое сельское хозяйство не могли быть прочной основой для успешного ведения войны. Война обнаружила полную несостоятельность царизма, его неспособность успешно вести войну. Некоторые царские министры и генералы (Сухомлинов и др.) оказались изменниками и вместе с царицей выдавали немцам военные тайны. В стране росла разруха; не прошло много времени с начала войны, и уже не стало хватать продовольствия ни для армии, ни для населения. Росли дороговизна и спекуляция. Солдаты и трудящееся население городов голодали. Царская армия терпела поражение за поражением. Сотни тысяч солдат гибли в угоду царизма и буржуазии — заклятых врагов и угнетателей рабочих и крестьян.

> «Все это вызывало ненависть и озлобление к царскому правительству среди рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции, усиливало и обостряло революционное движение народных масс против войны, против царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах» [18].

На Дону, как и во всей стране, война лишь на время прервала революционный подъем. Мобилизация рабочих в армию,

введение военного положения, аресты большевиков — все это привело к упадку стачечного движения на Дону.

Один из участников рабочего движения в Ростове, в начале августа 1914 года, писал, что «сейчас всё спит у нас, да, наверное, везде так. Паны задрались, а нас бьют. Н[illegible] одним словом, мы переживаем 1904 год. Что будет — подождем, увидим».

Но ждать долго не пришлось. В начале 1915 года, как уже говорилось выше, прокатилась волна забастовок одновременно в трех промышленных центрах Дона: в Сулине, Таганроге и Александровск-Грушевском угольном районе. Непосредственными причинами забастовок являлись рост дороговизны на предметы первой необходимости и резкое падение заработной платы.

Когда 2 мая забастовали свыше 3000 горняков шахты «Елинафор» (ныне им. Артема), предъявив требование о повышении заработной платы, Парамонов—владелец рудников—пошел на некоторые уступки, и 4 мая стачка прекратилась. Вслед за этим объявили забастовку 900 горняков рудника «Донецко-Грушевского общества». В мае 1915 года бастовали рабочие котельного завода в Таганроге, свыше 3 тыс. рабочих Сулинского завода и до 2 тыс. рабочих Таганрогского металлургического завода, требовавших увеличения заработной платы на 30%. Наиболее упорно проходила стачка на Сулинском заводе. Предприниматели отказались повысить заработную плату и с помощью штрейкбрехеров, а также под угрозой отправки на фронт вынудили рабочих прекратить стачку. Срыву забастовки немало содействовал член Государственной Думы меньшевик-оборонец Туляков, специально прибывший для этого в Сулин. Вместо помощи рабочим, Туляков, как с удовлетворением об этом доносил в Департамент полиции начальник Донского Жандармского управления, рекомендовал бастующим рабочим «не препятствовать работать рабочим, желающим таковые продолжать».

За стачкой последовала расправа. 163 человека было уволено с завода, а 23 рабочих, наиболее активных участников забастовки, отправили на фронт. Полиция закрыла профессиональный союз металлистов, объединявший несколько сот сулинских рабочих.

Частичными уступками администрации Таганрогского металлургического завода вскоре удалось прекратить забастовку и там. За участие в стачке было уволено с завода 290 человек и 15 отправлено на фронт.

Эти забастовки вызвали большое беспокойство и тревогу

царского правительства в Петрограде. Хотя рабочие и не выставляли непосредственных политических требований, но самый факт массовых стачек в военное время показал, что рабочие вместо «классового мира», навязываемого социал-оборонцами, вновь поднимаются на классовую войну.

Министр торговли князь Шаховский 28 мая 1915 года в письме к министру внутренних дел, касаясь стачек на юге России, в частности, на Сулинском заводе и в Александровск-Грушевском угольном районе, писал, что «в последнее время на некоторых заводах и рудниках юга России возникают забастовки, при условиях, дающих повод предполагать, что тут действуют не одни экономические причины, но имеется и агитация политического характера». Князь не ошибся. Политическую агитацию среди рабочих вели большевистские группы в Таганроге, Сулине и на шахтах, призывая их к борьбе с царизмом и буржуазией.

Майские стачки 1915 года положили начало новому революционному подъему на Дону в годы империалистической войны. С каждым месяцем в борьбу вовлекались все новые и новые отряды рабочего класса.

24 августа работницы табачной фабрики Асмолова предъявили директору экономические требования, в том числе — о 30%-ной надбавке к заработной плате. Ввиду отказа администрации удовлетворить эти требования, 28 августа забастовали более 2600 работниц. Когда администрация с целью срыва забастовки приступила 2 сентября к массовому увольнению работниц, это вызвало такое волнение, что директор вынужден был отменить свое распоряжение и обещал удовлетворить требования работниц, в частности, повысить заработную плату на 15%. Добившись увеличения заработной платы, работницы 4 сентября прекратили забастовку. Но и после этого, в некоторых цехах рабочие, недовольные расценками, хотя и являлись на фабрику, но фактически к работе не приступали. Только 11 сентября производственная жизнь на фабрике вошла в нормальную колею. В Ростове почти одновременно с забастовкой табачниц произошло крупное политическое выступление солдат и рабочих. Когда 8 сентября была объявлена мобилизация ратников 2 разряда, большевики решили устроить демонстрацию, чтобы вызвать общегородскую забастовку.

9 сентября ополченцы, состоявшие из рабочих ростовских заводов, вышли со двора казармы 138 пехотного Таганрогского полка и, соединившись с рабочими, двинулись по улицам. Над толпой появились красные знамена. На углу Боль-

шого проспекта к ним присоединилась еще одна большая группа рабочих. Так как на табачной фабрике Асмолова полностью стачка еще не улеглась, то демонстранты направились к фабрике, устроили там митинг, на который вышла значительная часть работниц. Выступившие ораторы разъясняли империалистический характер войны, указывали, какие огромные барыши наживает буржуазия на войне и какие неисчислимые бедствия она приносит трудящимся. Ораторы призывали вести борьбу с войной и её виновниками — царизмом и буржуазией.

Митинг был окружен полицией и казаками. Началось побоище. Ополченцы и рабочие были разогнаны, многие из них были арестованы.

В октябре—ноябре в Ростове были проведены 2 забастовки, в том числе на заводе «Лели», работавшем на оборону. По неполным данным, на Дону (в пределах нынешней Ростовской области) бастовало в 1915 году свыше 13 тыс. рабочих.

Меньшевики всё делали для того, чтобы приостановить борьбу пролетариата и подчинить его влиянию буржуазии. Вот почему, когда буржуазия в целях подчинения рабочих своему руководству и влиянию предложила создать «рабочие группы» при военно-промышленных комитетах, обслуживающих войну, то меньшевики подхватили это предложение.

> «Большевики были против этой затеи. Они были за бойкот военно-промышленных комитетов и провели успешно этот бойкот. Но часть рабочих все-таки приняла участие в деятельности военно-промышленных комитетов под руководством известного меньшевика Гвоздева и провокатора Абросимова» [20].

Абросимов специально приезжал на Дон и помогал меньшевикам в создании «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах в Ростове, Таганроге и Новочеркасске.

Однако, «рабочие группы» представляли весьма небольшую часть рабочих, находившихся под влиянием меньшевиков.

Донское охранное отделение в донесении от 1 июля 1916 года писало: «Отметим при этом, что бóльшая часть русского пролетариата бойкотировала выборы в военно-промышленный комитет.

Та небольшая часть рабочих, которую удалось послать представителями в военно-промышленный комитет, в большинстве не разделяла точки зрения Гвоздева. А некоторые рабочие группы, как, например, ростовская, являются сторон-

никами Циммервальдского направления. Отсюда ясно, что громадное большинство русского пролетариата, как справедливо отметил департамент полиции, не разделяет точки зрения Плеханова»[21].

Основная масса рабочих пошла за большевиками. В 1916 году рабочее движение на Дону, под руководством большевиков, всё больше и больше разрасталось, главным образом, в форме стачек, которые, как искры пожара, перебрасывались с одного предприятия на другое, поднимая на борьбу всё новые и новые слои пролетариата.

В феврале, впервые после революции 1905 года, в борьбу вступили рабочие ростовских Главных железнодорожных мастерских. 27 февраля около 1000 рабочих объявили забастовку, предъявив требование о 50-процентной прибавке к заработной плате «по случаю дороговизны жизни». После того, как администрация обещала с апреля увеличить заработную плату, стачка в тот же день прекратилась. 22 апреля состоялась многолюдная сходка, на которой рабочие мастерских заявили свой протест против незначительности обещанной «прибавки», а 25 апреля они забастовали. Администрация дороги вынуждена была пойти на дальнейшие уступки. Забастовка на второй день прекратилась.

В марте вспыхнула стачка на руднике РОПИТ и шахте Александро-Азовской угольной компании.

С новой силой стачки разгорелись в мае, чему способствовала усилившаяся работа большевистских организаций, особенно в Ростове и Александровск-Грушевском районе.

4 мая забастовали трамвайщики Ростова. На другой день снова прекратили работу 1000 рабочих Главных железнодорожных мастерских, предъявивших требование об увеличении зарплаты на 50%. 6 мая в мастерских забастовало еще около 1500 человек. Но вызвать среди железнодорожников общую забастовку так и не удалось, а частичная окончилась 7 мая. В эти же дни вспыхнула огромная стачка на парамоновских рудниках Александровск-Грушевского угольного района. 5 мая, по призыву большевистской группы, забастовали рабочие шахты «Елпидифор», потребовавшие увеличения зарплаты на 50%. 7 мая к ним присоединились горняки других шахт этого же рудника. В забастовке участвовало до 5000 шахтеров. Руководил стачкой большевик Х. Чернокозов. Несмотря на угрозы администрации уволить рабочих и отправить их на фронт, стачка продолжалась. На рудник были вызваны 2 сотни казаков. На помощь шахтовладельцу Парамонову из Петрограда приехал член Государственной Думы

Туляков, сыгравший подлую роль в подавлении стачки. Как ярый меньшевик-оборонец, он уговаривал рабочих прекратить забастовку потому, что «отечество в опасности, надо работать и попутно требовать прибавку» [22].

Забастовка горняков продолжалась до 17 мая и закончилась частичным удовлетворением экономических требований рабочих. Но большевики, руководители стачки, были арестованы, а многие активные рабочие отправлены на фронт. Стачка на парамоновском руднике произвела огромное впечатление на всех горняков Александровск-Грушевского района.

Главным центром стачечной борьбы на Дону летом 1916 года стал Ростов, как самый крупный промышленный город Донской области, имевший наиболее сильную большевистскую организацию. Под руководством большевиков, рабочие Ростова проводили не только экономические, но и политические стачки.

Когда в июне Жандармское управление произвело массовые аресты большевиков, распространявших подпольную газету «Пролетарское слово», и в числе арестованных оказалась одна работница фабрики Асмолова, то 14 июня около 3000 работниц и рабочих этого предприятия объявили однодневную политическую стачку протеста.

Упорную борьбу летом 1916 года вели рабочие завода «Аксай». В конце июня на заводе вспыхнула забастовка экономического характера. Рабочие требовали повышения заработной платы от 40 до 70%. Администрация пошла на некоторые уступки, и стачка 27 июня прекратилась. Но многие рабочие остались недовольными таким исходом, и волнения на заводе продолжались.

4 августа на заводе «Аксай» опять забастовали рабочие механического и некоторых других цехов в числе 230 человек из общего количества около 800 рабочих. Во время забастовки резко обострилась борьба между большевиками и меньшевиками. Так как стачка была частичной, то большевики прилагали все усилия к тому, чтобы к ней присоединились и остальные рабочие. Меньшевики же, наоборот, уговаривали рабочих приступить к работе и тогда договориться с администрацией завода. В этом им помогал тот же Туляков, специально прибывший на завод. Он призывал рабочих «найти общий язык» с предпринимателями. Больше того, меньшевики-оборонцы призывали рабочих устроить демонстрацию по поводу вступления Румынии в войну на стороне Антанты.

Но большевики сорвали эту лжепатриотическую затею, и рабочие отказались от такой демонстрации.

К середине 1916 года стачечное движение повсеместно нарастало и принимало всё более упорный характер. «В городе Ростове и Нахичевани на Дону,—сообщал начальник Жандармского управления,—забастовки рабочих на почве вздорожания жизни начались с мая месяца 1916 г. и периодически повторяются во всех почти заводах, причем как администрации заводов, так и рабочим становится всё труднее прийти к общему соглашению» [23].

Борьба всё более и более обострялась и никакие уговоры рабочих кадетами и меньшевиками, совместно действовавшими в военно-промышленных комитетах, о «классовом мире», не достигали цели. В Ростове бастовали: в августе—4 предприятия, в сентябре—7, а в октябре—10 предприятий.

В октябре 1916 года Ростов был в числе тех городов страны, где выступления рабочих достигли особенно большого размаха и остроты.

Недовольные исходом летних стачек, рабочие завода «Аксай» в октябре вновь объявили забастовку. Администрация завода, вместе с военными властями, передала списки на 250 рабочих воинскому начальнику для отправки их на фронт. В целях предупреждения волнений завод был занят войсками.

Выступление рабочих «Аксая» послужило сигналом для рабочих других предприятий. 7 октября началась забастовка на заводе Пастухова. Военнообязанным рабочим было предложено явиться к воинскому начальнику; завод был закрыт и занят войсками. В ответ на эту расправу, в знак солидарности с рабочими «Аксая» и завода Пастухова, 10 октября в Ростове забастовали рабочие 7 предприятий: завода «Штамп»—220 человек, Донского сельскохозяйственного машиностроения—150 человек, «Лели»—100, «Метеор»—45, фабрики Хенкина—25, депо ст. Ростов—200 и Главных железнодорожных мастерских—2000 человек.

Ввиду отказа рабочих Главных железнодорожных мастерских прекратить забастовку, Особый комитет закрыл мастерские, которые тоже были заняты воинским караулом. До 800 рабочих были уволены и направлены к воинскому начальнику для отправки на фронт.

Ростов бурлил. Несмотря на запрещение, в городе проходили сходки и митинги, на которых большевики призывали рабочих к борьбе с царским самодержавием и буржуазией, к борьбе за прекращение войны.

Полицейскими репрессиями, угрозами увольнения и отправки на фронт забастовка, принявшая почти общегородской характер, к 15 октября была прекращена.

По приблизительным данным, в 1916 году в забастовках на Дону участвовало свыше 20 тысяч рабочих, из них около 15000 человек в Ростове. Стачки носили продолжительный и упорный характер. Рабочие многих предприятий в течение года бастовали по нескольку раз. Так, Главные жел.-дор. мастерские, завод «Аксай» бастовали по 4 раза, завод «Штамп» и завод «Донского акционерного общества»—по 3 раза. Три предприятия бастовали по 2 раза. В росте и характере стачечного движения чувствовалось быстрое нарастание революции.

Большевистское влияние среди рабочих Дона, особенно Ростова, значительно усилилось. Большевики возглавляли забастовочное движение. Под их руководством в 1916 году находились профессиональные союзы портных и деревообделочников.

Охранка и Жандармское управление выбились из сил в поисках подпольного Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП большевиков. Наконец, им удалось напасть на след, и 23 декабря произвести аресты большей части комитета и руководящих партийных работников. При арестах было обнаружено значительное количество большевистской литературы, в том числе несколько номеров Ц. О. «Социал-демократ», выходившего в Женеве под редакцией Ленина, Манифест ЦК большевистской партии «Война и русская социал-демократия», Манифест Циммервальдской конференции и др.

Оставшиеся на свободе члены комитета обратились к рабочим Ростова с воззванием — «Против набега орды царских опричников». В воззвании говорилось:

«Товарищи! Самодержавное правительство, окончательно разрушив экономическую жизнь страны, окончательно ограбив весь народ, разбило миллионы семейств, отняло у жен мужей, у отцов сыновей и отцов у детей, создало миллионы сирот и калек, а все лучшие молодые силы страны, одетые в позорные рабские шинели,—превращены в пушечное мясо.

Самодержавное правительство продало миллионы солдат английскому правительству, миллионы — французскому. Но этого самодержавному правительству мало. И одновременно с этим орда царских опричников совершает свой позорный набег на рабочий класс. В рабочих кварталах Ростова и Нахичевани в последние дни арестовано много рабочих. Такие

же аресты и среди студентов. Самодержавное правительство, поддерживаемое желтым блоком черносотенной Государственной Думы, уничтожает всякую самостоятельность и сознание в народе. Им нужны забитые холопы, покорные рабы.

Но не спасут их казармы с тюрьмами и цепями, не скуют народный гнев и негодование... Уж близится час расплаты, час всенародного суда над шайкой громил и палачей народа.

Товарищи рабочие и работницы, готовьтесь к решительному бою со своими угнетателями. Поддерживайте Российскую социал-демократическую партию, организуйтесь и готовьтесь, чтобы по первому призывному кличу Ростово-Нахичеванского Комитета, дружно, сомкнутыми рядами вышли на улицу... Да дрогнут ряды самодержавных палачей в дружной борьбе, товарищи.

Долой шпионов и провокаторов!

Долой царских опричников!

Да здравствует революционный пролетариат!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия и её Ростово-Нахичеванский Комитет!

РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКИЙ н-Д. КОМИТЕТ, декабрь 1916 г.»[21].

Так большевики Ростова в декабре 1916 года призывали рабочих к подготовке вооруженного восстания, к революции.

3. Февральская революция на Дону

К началу 1917 г. политическое положение в России крайне обострилось. Хозяйство страны в результате империалистической войны все более разваливалось. Останавливались фабрики, заводы; сельское хозяйство пришло в упадок. На Дону промышленность, работавшая на гражданские нужды, в 1916 году снизила производство более чем на 20%; посевная площадь сократилась на 22% с лишним. Шло массовое разорение и обнищание крестьянских и казачьих хозяйств. Нетерпимым становилось положение с продовольствием в городах. Рабочие, трудящиеся массы городского населения голодали. Цены на предметы первой необходимости возросли в городах Дона в 1916 году в 2 раза, а в начале 1917 года — в 5 раз. Заработная плата, до войны и так низкая, все более падала и составляла в 1916 году, по сравнению с довоенной, 85%, а в начале 1917 года — еще более понизилась. Невероятно развилась спекуляция. Для капиталистов война представляла доходное предприятие, на народной нужде они наживали огромные барыши.

В докладе о политическом положении в Донской области в конце 1916 года начальник Донского жандармского управления писал, что «Продовольственный вопрос в его полном объеме принял такой острый характер, что захватил собою все слои населения и вызывает не только много толков, но и раздражение как против капиталистов-спекулянтов, так и в отношении городских самоуправлений, местных административных властей и даже центральной власти...

...Как на прямое последствие этого вопроса можно указать на целый ряд сахарных, мучных, масляных и т. п. беспорядков, имевших место в различных поселениях области, а также на целый ряд периодически повторяющихся чисто экономических забастовок на местных фабриках, заводах и прочих коммерческих предприятиях» [25].

Отмечая рост недовольства царским правительством, жандармский полковник писал, что «население области относится к правительству «недоброжелательно». В г. Ростове, говорится в докладе, «иронически отзываются о «русском» составе властей и высокопоставленных лиц, собравшихся, например, 5 октября для встречи наказного атамана графа Граббе, перечисляя встречавших: градоначальник генерал Мейер, председатель окружного суда Самсон-фон Гиммельштерн, прокурор суда Юргенс, начальник почтового округа—Страсбугер, помощник его Краузе, полковник Мартос, управляющий государственным банком Рудольф Гульбин, таможенный Курлянд». «Это не Ростов на-Дону, а Франкфурт на-Майне, говорят ростовцы» [26].

Ничего утешительного не мог сообщить жандармский полковник своему начальству и о настроении казачества. «Казачье население, говорится в докладе, спокойно несет все тяготы военного времени, но почти открыто всюду высказывается: «после заключения мира, мы со всеми и за все рассчитаемся» [27].

Революция 1905 года многому научила казаков. Об этом говорили не только факты отказа ряда казачьих полков от полицейских обязанностей в 1905—1907 годах, но и волнения среди донских казаков в 1910 и 1912 годах. Война еще более сблизила трудящихся казаков с рабочими и крестьянами, одетыми в солдатские шинели. Все они вместе в окопах переносили тяготы чуждой им войны. Одинаковые вести они получали от своих родных — о голоде в городах, о разорении крестьянских и казачьих хозяйств, оставшихся на попечении женщин и стариков, о нужде и нищете. Среди казаков 16-го полка, находившегося на фронте, в январе 1917 года часто

можно было услышать: «Погодите... кончим войну — домой пойдем с винтовками и рассчитаемся» [28].

Казаки уже не хотели быть послушным оружием в руках царизма. В февральской революции они им и не были.

Сообщая о тревожном положении на Дону, о росте недовольства царским правительством и указывая, что перед населением области «стоит роковой вопрос: кто же выведет жизнь из тупика», жандармский полковник в заключение писал: «Ввиду вышеизложенного возможно ожидать нежелательных последствий в недалеком будущем, как-то голодных бунтов, сопровождаемых погромами со стороны неорганизованной массы городских обывателей, или выступления революционных элементов» [29].

Ненависть и обозление рабочих, крестьян и солдат к царскому правительству достигли высшего напряжения. «Всё более широкие массы народа приходили к убеждению, что выход из невыносимого положения только один—свержение царского самодержавия» [30].

Недовольство выражала и русская империалистическая буржуазия, всё более убеждавшаяся в том, что царское правительство не способно подавить революционное движение и вести успешно войну, и боявшаяся, что царь для спасения своего положения пойдет на сепаратный мир с немцами.

Буржуазия намеревалась путем дворцового переворота сместить Николая II и вместо него поставить царем его брата Михаила, полагая тем самым пробраться к власти, обеспечить дальнейшее ведение империалистической войны и предупредить наступление быстро нараставшей революции.

Январь 1917 года начался на Дону выступлением рабочих в Таганроге и Ростове. 3 января рабочие инструментального цеха Русско-Балтийского завода предъявили требование о повышении заработной платы. Администрация завода уволила 3 представителей рабочих. В ответ на это 5 января забастовал весь цех. При помощи полиции и под угрозой отправки рабочих на фронт забастовка была сломлена. Среди всех рабочих завода царило возбужденное настроение.

В Ростове большевики готовили забастовку в память «Кровавого воскресенья». Ростово-Нахичеванский комитет выпустил прокламацию «9 января». Разоблачая провокаторский расстрел рабочих 9 января 1905 г., прокламация призывала рабочих к борьбе с царизмом и войной. Указывая на гнет и страдания рабочих, большевистский комитет писал:

«Товарищи, когда же всему этому будет конец? Разве мы вечные рабы деспотизма или мы не можем за себя постоять?

Неужели нам жизнь дана для того, чтобы быть любой опорой тирании, проливать кровь за царизм? Нет, товарищи, довольно цепи для себя ковать. Мы не можем ждать, когда умрем от голода и холода, мы не будем баранами и не пойдем на царскую бойню, ради прихоти паразитов трудящихся масс. Если нам суждено умереть преждевременно, то лучше умрем в революционном бою, в борьбе за свободу, а не в позорной империалистической бойне. Вспомните первых бойцов, павших с честью во имя свободы, и приступим к осуществлению их великих заветов. Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» [31].

Прокламация была распространена среди рабочих Ростова и вызвала среди них оживленные толки. Общегородское выступление ростовского пролетариата было предотвращено массовыми арестами большевиков 7 января. Были арестованы и оставшиеся от декабрьского провала члены Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП. И все же 9 января забастовало 415 человек, т. е. больше половины рабочих завода «Аксай» и все рабочие (211 человек) чугунолитейного завода «Донского акционерного общества». Рабочие литейного цеха, предъявив требование о повышении заработной платы, бастовали до 13 января. В этот день администрация объявила им расчет и на военнообязанных рабочих передала список воинскому начальнику для отправки бастующих на фронт.

14 января 1917 года забастовали 2600 работниц табачной фабрики Асмолова, в знак протеста против увольнения одной работницы. Забастовка продолжалась 2 дня.

Тревожные вести Жандармское управление получало из Александровск-Грушевского. Волновались шахтеры. В одном из донесений сообщалось, что на руднике Долватова революционеры «ругают правительство и настраивают людей против правительства» [32].

В таком напряженном положении на Дону прошли январь и февраль.

В последние дни февраля на Дон стали просачиваться вести о восстании в Петрограде. Наказный атаман граф Граббе запретил передавать газетам какие-либо телеграммы. Однако среди населения городов все упорнее и упорнее распространялись слухи о революции. Среди рабочих возбуждение все больше и больше нарастало и могло в любую минуту вылиться в открытое выступление.

2 марта (по ст. ст.), когда революция в Петрограде уже победила, Граббе разрешил передать газетам телеграммы о

событиях в столице и сам опубликовал объявление от наказного атамана, в котором говорилось:

«Ввиду событий последних дней в Петрограде, обращаюсь ко всему населению области с просьбой сохранить общественный порядок, спокойствие и строгое подчинение властям». [33]

На улицы Ростова, Таганрога, Новочеркасска, Александровск-Грушевского вышли огромные массы населения, приветствуя свержение ненавистного царя Николая II и победу революции. Ликование было неописуемое.

В тот же день наказный атаман в Новочеркасске и градоначальник в Ростове пригласили к себе представителей городских дум и «общественности» в лице кадетов и предложили им использовать свое влияние для поддержания «порядка и спокойствия».

Буржуазия приступила к организации власти.

К вечеру 2 марта в Ростове был создан «Гражданский комитет», во главе с кадетом Зеелером (председатель союза земств и городов на Дону) и известным ростовским миллионером Парамоновым. Понимая, что «порядок и спокойствие» в городе зависят от рабочих, Парамонов и Зеелер пригласили на совещание видных ростовских меньшевиков Петренко и Смирнова и просили их о поддержке. Те обещали.

Одновременно с этим к организации власти приступили и рабочие. К концу дня 2 марта состоялось собрание, на котором присутствовали около 200 представителей профсоюзов, больничных касс, кооперативов, а также небольшая группа рабочих, с намерением создать Совет рабочих депутатов.

Но так как собравшиеся не имели полномочий от своих предприятий и организаций, то было решено создать «Временный рабочий революционный комитет», который обратился с воззванием к рабочим Ростова и Нахичевани.

«Для организации Совета рабочих депутатов, — говорилось в воззвании,—представителями организованного ростовского и нахичеванского пролетариата (профсоюзы, больничные кассы, социалистические группы) в ночь со 2-го на 3 марта избран Временный революционный комитет, взявший на себя временно выполнение задач Совета рабочих депутатов» [34].

Временный революционный комитет призывал рабочих к организации заводских комитетов и выборам депутатов в Совет.

Воспользовавшись тем, что весь актив большевистской организации, вследствие арестов в декабре 1916 года и в январе 1917 года, находился в ссылке и еще не успел возвра-

титься в Ростов, меньшевики захватили руководство этим собранием в свои руки и провели председателем Временного революционного комитета меньшевика Петренко.

На собрании, по предложению меньшевиков, решено было «войти в контакт с Гражданским комитетом» для согласованных действий. Так с первых же дней после февральской революции ростовские меньшевики, по примеру своих столичных руководителей, стали выполнять роль соглашателей с буржуазией.

3 марта ростовские рабочие и студенты приступили к организации милиции. И хотя полиция не была еще разоружена, охрана города перешла в руки милиции под руководством Временного революционного комитета.

Первое заседание Ростовского Совета рабочих депутатов состоялось 4 марта, на которое прибыло около 100 депутатов, избранных от предприятий.

На многих предприятиях при выборах в Совет рабочие давали своим депутатам наказ «занять революционную позицию и держаться тактики Петроградского Совета рабочих депутатов» [35].

На заседании Совета возникли большие споры о власти и об отношении к «Гражданскому комитету».

Большевики предлагали установить в городе одну власть в лице Совета рабочих депутатов и ни в какие отношения с «Гражданским комитетом» не входить. Меньшевики выступали против этих предложений. Они стояли не только за контакт с «Гражданским комитетом», но даже предлагали войти в него, послав туда нескольких депутатов Совета.

После длительных споров большинство депутатов голосовало за предложение меньшевиков об установлении контакта с «Гражданским комитетом» для согласованных действий. Но так как «Гражданский комитет» состоял из всем известных ростовских капиталистов, то Совет постановил не входить в его состав.

Под влиянием меньшевиков Совет не решался взять всю власть в городе в свои руки. Большинство депутатов склонилось к предложению меньшевиков о создании в Ростове такого органа власти, в котором были бы представлены все слои населения. Этим органом и явился «Общественный комитет», созданный из представителей Ростово-Нахичеванского Совета рабочих депутатов, Солдатского совета и «Гражданского комитета».

Острые споры возникли и по другому предложению большевиков. Когда Совет рабочих депутатов вынес постановле-

ние о проведении демонстрации в честь победы февральской революции, большевики — члены Совета — предложили в качестве одного из основных лозунгов, под которым должна проходить демонстрация — «Долой войну», «За немедленный мир». Против этого предложения под разными предлогами очень рьяно выступили меньшевики, по существу отстаивая необходимость продолжения империалистической войны. Большинство депутатов, зараженных добросовестным «революционным оборончеством», не приняло большевистских лозунгов.

5 марта был созван Совет солдатских депутатов, который слился вскоре с Советом рабочих депутатов. Так образовался Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Среди горняков Александровск-Грушевского наиболее организованными являлись рабочие подковного завода и парамоновского рудника. Как только там стало известно о революции в Петрограде, они 2 марта после митинга направились в Александровск-Грушевский, по пути присоединяя рабочих других рудников. По улицам города прошла многотысячная колонна демонстрантов с красными флагами. А 3 марта на руднике происходили уже выборы депутатов в Совет.

5 марта состоялось первое заседание Совета рабочих депутатов. Во главе его тоже стояли эсеры и меньшевики.

Параллельно с Советом рабочих депутатов александровск-грушевские кадеты, рудничная администрация и лавочники создали другой орган власти — «Общественный комитет».

То же самое произошло в Таганроге. Наряду с Советом рабочих и солдатских депутатов, инициаторами создания которого явились рабочие Русско-Балтийского завода, буржуазными кругами был выделен «общественный комитет порядка и спокойствия», в распорядительную комиссию которого меньшевики послали двух рабочих.

После состоявшегося 2 марта совещания с наказным атаманом кадеты и казачьи офицеры в Новочеркасске, во главе с Петровским (кадет) и войсковым старшиной Волошиновым, создали «Донской исполнительный комитет», в качестве областного органа власти. При чем Донской исполнительный комитет не ставил вопроса об отстранении наказного атамана. Когда военный министр Временного правительства Гучков телеграфным распоряжением оставил наказным атаманом гра-

фа Граббе, то Донской исполнительный комитет высказался за его поддержку.

Таким образом, Временное правительство и Донской исполнительный комитет намеревались оставить на Дону всё по-старому, надеясь этим удержать в своих руках казаков в качестве опоры. Точно так же поступали с полицией. Донской исполнительный комитет принял решение о том, чтобы «полиция оставалась на своих местах, но не позволяла себе злоупотреблять своим положением» [35].

В эти же дни в Новочеркасске был создан Совет рабочих и солдатских депутатов. Под давлением рабочих и солдат гарнизона Совет потребовал отстранения графа Граббе от должности наказного атамана и его ареста. Донской исполнительный комитет вынужден был отстранить графа Граббе от власти, но, вместо ареста, он был под «почетной» охраной членов Донского исполнительного комитета доставлен 8 марта на Ростовский вокзал, куда проездом с Кавказа прибыл дядя царя Николай Николаевич, которому донские кадеты, кстати сказать, титулуя его «императорским высочеством», доложили об обстановке на Дону и сдали графа Граббе.

Наказным атаманом Донской исполнительный комитет, по согласованию с Временным правительством, назначил войскового старшину Волошинова.

Советы рабочих и солдатских депутатов являлись органами власти рабочих и крестьян, органами диктатуры рабочего класса и крестьянства, но всей полноты власти они, по вине меньшевиков и эсеров, не имели.

Гражданские комитеты, Донской исполнительный комитет, а позже—созданное Донское войсковое правительство, сосредоточившие в своих руках власть на Дону и работавшие в контакте с комиссарами Временного правительства, являлись органами власти буржуазии, органами диктатуры буржуазии и донских помещиков.

С первых же дней своей деятельности Ростовский Совет рабочих и солдатских депутатов стал превращаться в руководящий центр Советов Дона. 8 марта на заседание Ростово-Нахичеванского Совета прибыли представители от Александровск-Грушевского Совета. Они просили Ростовский Совет дать им инструкции и выразили пожелание работать в контакте. С такой же просьбой к Ростово-Нахичеванскому Совету обратились Тихорецкий, Батайский и Азовский Советы рабочих депутатов.

Таким образом на Дону с первых дней февральской революции наметились два центра: всё революционное тяну-

лось к Ростову, всё контрреволюционное стало объединяться вокруг Новочеркасска.

Во главе Советов рабочих и солдатских депутатов на Дону, как и в ряде других крупных центрах страны, после февральской революции оказались меньшевики и эсеры.

> «... не искушенные в политике широкие массы народа, захлестнутые волной мелкобуржуазной стихии и опьяненные первыми успехами революции, оказались в первые месяцы революции в плену у соглашательских партий и согласились уступить буржуазии государственную власть, наивно полагая, что буржуазная власть не будет мешать Советам вести свою работу.
>
> Перед большевистской партией стояла задача—терпеливой разъяснительной работой в массах вскрыть империалистический характер Временного правительства, разоблачить предательство эсеров и меньшевиков и показать, что добиться мира невозможно без замены Временного правительства правительством Советов» [37].

Вышедшие из подполья большевики Дона и взялись за эту работу.

ГЛАВА VII

БОЛЬШЕВИКИ ДОНА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Обстановка на Дону после февральской революции

Донские помещики и буржуазия, при помощи Временного правительства, после февральской революции намеревались сохранить на Дону старые, царские порядки.

В станицах и окружных центрах, как и при царе, сидели атаманы, в Новочеркасске—административном центре области—хозяйничал атаман войска Донского. Область так же, как и до революции, оставалась в управлении военного министерства.

Несмотря на то, что на Дону более половины населения не являлось казаками (казаков было около 43%), его к управлению областью попрежнему не допускали.

Ростов—самый крупный промышленный центр на Дону, имевший свыше 40 тыс. рабочих, оставался и после февральской революции в административном отношении изолированным от области.

Крестьяне, коренные и иногородние, полагавшие, что победа февральской революции даст им землю, избавит иногородних от посаженной платы и т. д. требовали разрешения аграрного вопроса. Весной в отдельных селах, особенно Таганрогского и Ростовского округов, крестьяне начали самовольно захватывать помещичьи земли.

В Донской, казачьей, области при её безграничных земельных просторах крестьяне коренные, не говоря уже об «иногородних», имели совершенно ничтожное количество земли. К 1917 году около 80,2% всей земельной площади области принадлежало казакам и войску, крестьянам же, составлявшим более 56% сельского населения, принадлежало всего 10%

земли. В то время как частные коннозаводчики имели около 1 миллиона десятин, а 4730 донских дворян—650 тыс. дес. земли, свыше 900 тыс. коренных крестьян имели только 565 тыс. десятин. Более 20% коренных крестьян вовсе не имели земли. Что касается иногородних крестьян (свыше 700 тыс.), то их положение было еще более худшим: они, не имея земли, арендовали ее у богатых казаков. За десятину усадебной земли иногородние платили в год от 75 до 120 руб. посаженной платы. 50% иногородних крестьян не имели посевов и батрачили у помещиков и кулаков. Многие из иногородних жили во временных поселениях на арендованной земле в земляных или сложенных из глины землянках. Бедность была ужасающей.

Временное правительство обратилось в апреле со специальным воззванием к населению области войска Донского, в котором предостерегало крестьян от самовольного разрешения аграрного вопроса и предлагало ожидать Учредительного собрания. Временное правительство подтверждало, что «права казаков на землю, как они сложились исторически, остаются неприкосновенными». Крестьянам же глухо и неопределенно обещалось удовлетворение землей, «в возможной мере, тем порядком, который будет выработан Учредительным собранием»[1]. Таким образом Временное правительство в полном согласии с казачьим дворянством сохраняло земли в руках помещиков и крупных капиталистов-землевладельцев.

К этому времени социальная дифференциация среди казачества еще больше усилилась. По данным переписи 1917 г., без коров было 19,6% казачьих дворов, без рабочего скота—18,6%, без сельскохозяйственного инвентаря—25,4%.

Казачья дворянско-атаманская верхушка, под видом защиты сословных казачьих интересов, проводила ту же противонародную политику, что и царское правительство, всячески обособляя казаков от рабочих и крестьян, разжигая между ними рознь, стремясь удержать казачьи массы в своих руках.

Все это было направлено на сохранение власти в руках казачьего дворянства и буржуазии, стремившихся политикой обособления казаков удержать их в качестве своей опоры. Для этой цели и понадобилось под флагом «демократизма» воскресить Войсковой круг.

16 апреля в Новочеркасске состоялся съезд делегатов казачьего населения, представлявший помещиков и кулачество. В общеполитической резолюции, принятой съездом, говори-

лось о необходимости организации казаков для борьбы с анархией, т. е. революцией, о поддержке Временного правительства. Съезд потребовал, чтобы Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов «принял меры к прекращению вредной для дела революции агитации Ленина».

Съезд постановил в ближайшее время созвать Войсковой круг.

26 мая открылся первый Войсковой круг. Направление его работы было определено в речи атамана Волошинова, призывавшего казаков к борьбе с революцией. Под аплодисменты круга, он в заключение провозгласил: «Анархии не место в России, не место и Ленину». Казачьи, дворянские и буржуазные круги понимали, откуда грозит их господству опасность и, бешено ненавидя Ленина, присоединились к общему хору злобной клеветы на вождя революции.

По отношению к рабочим Войсковой круг занял резко враждебную позицию. Предлагалось милитаризировать промышленность, а рабочих поставить «в положение солдат, работающих на оборону», т. е. зажать их в тиски военного режима и лишить политических свобод, завоеванных в февральской революции.

Войсковой круг, обособляя казачество от остального населения Дона, объявил всю землю Донской области «исторической собственностью казаков».

Если коренных крестьян Войсковой круг «милостиво» обещал в неизвестном будущем наделить землей за счет неказачьих частновладельческих земель, то проживавших в станицах около 700 тыс. иногородних крестьян, не имевших земли и за жалкие усадьбы плативших, кроме аренды, и посаженную плату—совершенно игнорировал.

Круг избрал атаманом войска Донского отъявленного врага рабочих, крестьян и трудящихся казаков—генерала Каледина.

В отличие от Ростова, Таганрога и угольных районов области, где Советы рабочих и солдатских депутатов, несмотря на меньшевистско-эсеровскую верхушку и вопреки ей, играли крупную роль, и буржуазия вынуждена была с ними считаться, в Новочеркасске, казачье-чиновничьем городе, при малочисленном пролетариате, тон задавали войсковой атаман и донское дворянство.

Новочеркасск стал превращаться в центр контрреволюции, к которому тянулись все реакционные силы не только на Дону, но и за его пределами. Характерно в этом отношении заявление видного меньшевика Либера, выступавшего в по-

не на I Всероссийском съезде Советов против петроградских рабочих, о том, что общественное мнение России выражает лучше не Петроград, а Новочеркасск.

Не разрешало Временное правительство и вопросов о 8-часовом рабочем дне и улучшении положения рабочего класса. Попытки рабочих Дона явочным порядком ввести 8-часовой рабочий день встречали ожесточенное сопротивление со стороны буржуазии. Рабочим тоже предлагалось ожидать Учредительное собрание, срок созыва которого был неопределен.

Рабочие, солдаты, крестьяне и казаки надеялись, что революция покончит с империалистической войной и принесет мир. Но Временное правительство, поддерживаемое меньшевиками и эсерами, недвусмысленно заявило о продолжении войны до победного конца.

Ввиду всего этого, доверчивое отношение народных масс к политике Временного правительства долго продолжаться не могло.

Хотя соглашательская политика меньшевиков и эсеров в первое время имела поддержку в народных массах, «но было ясно, что обещаний и уговариваний не может хватить надолго, ибо ход событий и поведение Временного правительства с каждым днем вскрывали и показывали, что соглашательская политика эсеров и меньшевиков есть политика проволочек и обмана доверчивых людей» [2].

* * *

После победы февральской революции большевистская партия вышла из подполья и развернула открытую политическую деятельность.

В первое время на Дону, за исключением Ростова (где большевики имели свою самостоятельную организацию, во главе с Ростово-Нахичеванским комитетом, избранным 4 (17) марта), большевики состояли вместе с меньшевиками в объединенных партийных организациях. Объединенческие тенденции у некоторой части большевиков Дона в тот период объясняются не только недостатком марксистски подготовленных партийных работников, но и наличием оппортунистических элементов, зараженных объединенческими настроениями.

Быстрый крах самодержавия, грандиозный размах событий, вовлечение в политическую борьбу многомиллионных рабочих, солдатских и крестьянских масс — все это ставило большевиков перед новыми задачами.

Большевики Дона с первых дней революции становились на ленинские позиции. В противоположность меньшевикам и эсерам, они правильно считали, что война и после революции осталась империалистической и, вместо продолжения войны, стояли на позициях прекращения её и заключения мира без аннексий и контрибуций.

Точно так же правильно оценивали большевики Дона классовую сущность и характер Временного правительства.

В резолюции общего собрания большевиков Ростова и Нахичевани от 4 апреля Временное правительство характеризовалось как буржуазно-империалистическое и контрреволюционное. Но в той же резолюции, по вопросу о войне, собрание, наряду с правильными большевистскими положениями, считало необходимым «немедленное заявление Временного правительства о готовности приступить к мирным переговорам на основе отказа от захватов и признаний прав наций на самоопределение» [3].

Это, конечно, было ошибочным требованием, так как Временное правительство для обмана народных масс могло на словах отказаться от аннексий, а на деле не могло не проводить захватническую политику, что оно и делало.

Многие вопросы для большевиков Дона не были еще ясны. Общее собрание большевиков Ростова и Нахичевани 14 марта, обсудив текущий момент, пришло к заключению, что «Революция не окончена, она продолжается, необходимо закрепить занятые пролетариатом позиции и провести до конца в жизнь программу-минимум» [4].

В этом решении Ростово-Нахичеванская партийная организация не выходила еще в поставленных задачах за пределы программы-минимума. Только обсуждение апрельских тезисов Ленина и затем — решений апрельской конференции партии внесло полную ясность по всем вопросам революции.

> «Тезисы Ленина имели огромное значение для революции, для дальнейшей работы партии. Революция означала величайший перелом в жизни страны, и партия в новых условиях борьбы, после свержения царизма, нуждалась в новой ориентировке, чтобы смело и уверенно пойти по новой дороге. Эту ориентировку давали партии тезисы Ленина.
>
> Апрельские тезисы Ленина давали гениальный план борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, за переход от первого этапа революции ко второму этапу —

к этапу социалистической революции. Всей своей предшествующей историей партия была подготовлена к этой великой задаче. Еще в 1905 году Ленин говорил в своей брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции», что после свержения царизма, пролетариат перейдет к осуществлению социалистической революции. Новое в тезисах состояло в том, что они давали теоретически обоснованный, конкретный план приступа к переходу к социалистической революции»[5].

Тезисы Ленина Ростово-Нахичеванская партийная организация обсуждала на своем собрании 13(26) апреля, по возвращении из Петрограда делегата Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Все принципиальные положения ленинских тезисов были приняты собранием.

Правый оппортунист Сырцов выступил за объединение с меньшевиками и ему удалось протащить в резолюции пункт, в котором говорилось: «Считать возможным объединение лишь с теми меньшевиками, которые стоят на точке зрения Циммервальдской и Кинтальской конференций»[6].

Как известно, на VII апрельской конференции Ленин назвал подобное предложение, защищавшееся Зиновьевым, архиоппортунистическим и вредным.

Разоблачая право-оппортунистическую тактику Сырцова и его немногочисленных сторонников, Ростово-Нахичеванская партийная организация ни на какое объединение с ростовскими меньшевиками не пошла.

Ростовские и нахичеванские большевики твердо пошли, вместе со всей партией, по пути, указанному в апрельских тезисах Ленина. Это сказалось и в том, что 8 (21) мая общее собрание ростово-нахичеванской организации единодушно согласилось с решениями VII апрельской партийной конференции, нацелившей партию на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Ростово-Нахичеванская большевистская организация росла и крепла. От 175 членов в марте партийная организация выросла к маю до 450 членов. С ней поддерживала связь новочеркасская большевистская группа.

С 1 мая Ростово-Нахичеванский комитет РСДРП(б) приступил к изданию газеты «Наше знамя», сыгравшей большую роль в сплочении на ленинских позициях не только большевиков Ростова и Нахичевани, но и всей Донской области.

Ростово-Нахичеванский комитет РСДРП(б) с апреля — мая 1917 года становится фактически партийным центром

области. При помощи газеты «Наше знамя» и через своих представителей, направленных в Таганрог, Александровск-Грушевский, Новочеркасск, Каменск и другие районы области, Комитет устанавливал связь с большевиками Дона, помогал им в оформлении и создании партийных организаций, в усилении политической работы по завоеванию масс.

2. Борьба большевиков за массы

После февральской революции большевики Дона проводили огромную работу среди рабочих, солдат, крестьян и казаков. В Советах, профсоюзах, на собраниях и митингах, а также путем распространения литературы большевики несли в массы ленинские идеи.

Они призывали трудящиеся массы не доверять контрреволюционному Временному правительству, которое всей своей политикой защищало интересы помещиков и буржуазии, разоблачали соглашательскую тактику меньшевиков и эсеров, шедших на поводу у буржуазии, и разъясняли массам необходимость передачи всей власти в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

В первые же дни после февральской революции началась активная борьба рабочих под руководством большевиков за введение 8-часового рабочего дня и за правомочные комитеты на фабриках, заводах и рудниках. Этому всячески сопротивлялась не только буржуазия, но и меньшевики и эсеры.

Меньшевики и эсеры, возглавлявшие Советы рабочих и солдатских депутатов в Ростове и Таганроге, не хотели поднимать вопроса о 8-часовом рабочем дне до решения его в Петрограде, а в Новочеркасске меньшевики и эсеры решили вообще не поднимать этого вопроса, чтобы «не вносить розни в единение классов». Однако, по настоянию большевиков, Ростовский Совет принял в марте решение о введении 8-часового рабочего дня на предприятиях города. Но предприниматели не хотели выполнять этого постановления, а меньшевики и эсеры и не думали их принуждать. Ввиду этого, большевики 6 апреля вновь поставили этот вопрос на Совете, и под давлением рабочих, Совет вынужден был пригрозить предпринимателям о явочном введении 8-часового рабочего дня.

Под давлением заводских комитетов и рабочих эсеро-меньшевистское большинство Таганрогского Совета также вынуждено было принять решение о введении 8-часового рабочего дня. Упорная борьба вокруг этого вопроса проходила у горняков. Еще в марте на отдельных шахтах рабочие явочным порядком стали вводить 8-часовой рабочий день и даже

арестовали владельца одного рудника, который противился этому.

Александровск-Грушевский Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором большинство принадлежало эсерам, вынужден был принять решение о введении 8-часового рабочего дня, но практически ничего не делал для осуществления его. Рабочие, по инициативе большевиков, стали реализовывать постановление Совета явочным порядком. Углепромышленники всячески сопротивлялись этому, а меньшевики и эсеры предлагали мирным путем договориться с шахтовладельцами.

Рабочие парамоновского рудника, доверявшие еще эсерам и меньшевикам, согласились послать делегацию к известному ростовскому миллионеру Парамонову—владельцу рудника. В состав делегации были избраны два эсера и один меньшевик. Но их поездка, как пишет об этом один из участников этих событий, «никаких результатов не дала и они возвратились ни с чем. Из доклада было видно, что Парамонов совершенно не хотел даже говорить о каких-либо крупных уступках рабочим, и последние были разочарованы в посылке делегации. Товарищи, выступавшие от партии большевиков, доказывали рабочим, что требования свои нужно вводить явочным порядком, не ожидая от Парамонова каких-либо милостей. Со стороны отдельных рабочих послышалось—«правильно», «нужно делать самим» и т. д. Рабочие стали искать выхода—что же делать, и здесь явно получился уже бесповоротный сдвиг рабочих в сторону большевиков. К концу собрания было внесено предложение одним рабочим, чтобы послать делегацию к Парамонову и в состав её выбрать большевиков, так как они, мол, лучше умеют отстаивать свои требования, но здесь один меньшевик стал возражать против допущения большевиков в делегацию, что де большевики своей грубостью испортят все дело и т. д.».

Со стороны возмущенных рабочих послышались крики: «как не надо», «почему не надо», «а что ваша делегация нам привезла», появился шум, крик, так что председатель собрания принужден был отказаться от ведения собрания.

По существу это собрание закончилось ничем, но в политическом отношении победа большевиков была колоссальная по тогдашнему времени, ибо целое общее собрание, около пятисот человек, сразу пошло за большевиками. И после этого остальные рабочие постепенно последовали примеру своих товарищей уже и на других рудниках»[7].

К маю 1917 года продовольственное положение страны

значительно ухудшилось, особенно в промышленных центрах. Это привело к резкому ухудшению положения рабочих. Ввиду этого, рабочие, наряду с борьбой за 8-часовой рабочий день, стали предъявлять требования о повышении заработной платы. Но, так как предприниматели при поддержке Временного правительства и в этом не шли на уступки, то в городах Донской области в мае забастовки рабочих стали возникать всё чаще и чаще. В мае—июне в Ростове бастовали рабочие табачных фабрик, нескольких деревообделочных фабрик и мебельных магазинов, швейных и кожевенных предприятий, а также домашняя прислуга. Большевики становились во главе забастовок и на основе экономической борьбы помогали рабочим изживать бессознательное, доверчивое отношение к Временному правительству и соглашательские меньшевистско-эсеровские иллюзии.

Особенно острая борьба происходила вокруг вопросов: об отношении к Временному правительству, о войне и о передаче всей власти в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

Еще во время первого кризиса Временного правительства, когда, в связи с нотой Милюкова, на улицы Петрограда вышли рабочие и солдаты с протестом против империалистической политики этого правительства, большевики Дона на заседаниях Советов рабочих и солдатских депутатов выступили за передачу всей власти Советам. Это встретило тогда яростное сопротивление и нападки со стороны меньшевиков и эсеров, требовавших от Советов выразить доверие Временному правительству. Меньшевикам в Ростове помогал правый оппортунист Сырцов, который на заседании Ростово-Нахичеванского Совета не поддержал предложение большевистской фракции о передаче всей власти в руки Советов. Это помогло меньшевикам и эсерам провести свою резолюцию.

Но чем дальше развивались события, тем всё более обнаруживалось расхождение между меньшевистско-эсеровскими резолюциями и действительным настроением рабочих и солдат, переходивших на сторону большевиков. Этого не могла остановить и травля, которую повели все силы контрреволюционного лагеря против В. И. Ленина и большевистской партии.

Рабочие Дона с глубоким возмущением протестовали против гнусной клеветы на Ленина и большевистскую партию. Вот одна из резолюций рабочих завода Панина:

«Узнав из газет «Приазовский край» № 11 и «Ростовская копейка» № 110 о постановлении Симферопольского исполни-

тельного Совета рабочих и солдатских депутатов о недопущении Ленина в Евпаторию и аресте его в случае приезда и, обсудив это постановление на общем собрании 5 мая, мы, рабочие завода Панина в количестве 150 чел., постановили: выразить глубокое возмущение против насильственных мер, предпринятых исполнительным советом и позорного отношения названного Совета к старому солдату революции, выразителю интересов всего международного пролетариата товарищу Ленину. Мы приветствуем тов. Ленина и выражаем ему наше глубокое сожаление о том, что в России существуют рабочие и солдаты, подобные симферопольским депутатам» [8].

Под влиянием большевистской агитации рабочие и солдаты постепенно освобождались от иллюзии «добросовестного оборончества» и начинали всё резче выступать против Временного правительства, продолжавшего империалистическую войну. Когда был выпущен «заем свободы» на нужды войны, рьяно поддерживаемый меньшевиками и эсерами, то рабочие и солдаты Дона выступили против этого займа, против войны, за переход всей власти в руки Советов.

28 мая 1917 года 350 рабочих завода «Лели» (в Ростове) под руководством большевиков протестовали против «займа свободы», распространяемого Временным правительством и усердно навязываемого рабочим меньшевиками и эсерами.

Такие же протесты выносили рабочие и других заводов.

Рабочие Аксайского стекольного завода на общем собрании после доклада об отношении к коалиционному министерству в принятой резолюции выражали недоверие Временному правительству и коалиционному министерству и требовали немедленной передачи власти Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «В то же время, — говорилось в резолюции, — мы находим, что товарищи социалисты, вошедшие в состав Временного правительства, всецело поддерживают империалистическую войну, и считаем, что они изменили социал-демократическому лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [9].

29 мая в Таганроге, на собрании рабочих Русско-Балтийского завода, на котором работало около 10000 человек, рабочие выступили с разоблачением империалистической политики Временного правительства, протестовали против продолжения войны, требовали немедленного опубликования тайных договоров, заключенных Николаем II с англо-французскими империалистами, прекращения империалистической

войны и передачи всей власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Собрание рабочих кожевенной промышленности в Ростове 4 июня 1917 года, заслушав доклад о текущем моменте, в своей резолюции записало:

«Мы полагаем, что между интересами различных классов общества к настоящему времени развились самые непримиримые противоречия, которых ни министерские комбинации в пределах буржуазного правительства, ни затушевывание и приспособление классовой пролетарской политики к политике господствующих классов не устранят.

Мы убеждены, что только переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, только немедленное прекращение войны, немедленное разрешение аграрного вопроса и конфискация доходов капиталистов, сколько-нибудь смогут предохранить рабочий класс и бедноту России от дальнейшего развития гибельных последствий войны»[10].

2 июня общее собрание рабочих парамоновского рудника, протестуя против травли В. И. Ленина буржуазной печатью, постановило:

«Приветствовать В. И. Ленина как вождя и стойкого защитника интересов рабочего класса, встать на платформу большевизма». Рабочие высказались против «займа свободы» и травли, которую поднимающаяся контрреволюция вела против революционной демократии. Постановление собрания заканчивается лозунгами: «Долой правительство капиталистов и помещиков!», «Да здравствует единая революционная власть народа — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Да здравствует РСДРП!»[11].

Лозунг «Вся власть Советам» с каждым днем становился все более популярным. На заседании Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов 3 июня резолюция большевиков о передаче всей власти в руки Советов получила 51 голос, вместо обычных 20—24 голосов, которые большевики собирали в Совете раньше.

Вслед за рабочими, на сторону большевиков начали переходить и солдаты запасных полков в Ростове, Таганроге, Новочеркасске и Каменске, среди которых вели работу большевистские военные организации.

Солдаты 16 роты, 249 полка в Ростове, 10 июня, заслушав доклад представителя военной группы Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б), вынесли резолюцию, в которой приветствовали «Российскую социал-демократическую партию большевиков» и протестовали против травли, поднятой бур-

жуазной печатью против «товарищей социал-демократов большевиков, газет «Правда», «Социал-демократ» и «Наше знамя».

Выступая против продолжения империалистической войны, солдаты писали, что «только революционная власть народа, а не власть хищных акул, приблизит к моменту мира; мы решительно поддерживаем требование о переходе власти в руки Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов».[12]

На 1 съезде Советов в Петрограде меньшевики и эсеры, воспользуясь своим большинством, запретили демонстрацию питерских рабочих, намеченную на 10 (23) июня, и подняли злостную кампанию травли большевистской партии. К голосу своих лидеров присоединились и меньшевики Дона. Меньшевистская газета «Рабочее дело», распространяя всякие клеветнические измышления о большевиках, писала: «Ленинцы вступили на путь открытой борьбы с революционной демократией, ибо в огромном большинстве демократия не желает идти за анархическими лозунгами Ленина, так как видит в них гибель для дела революции».[13]

Как известно, демонстрация 18 июня в Петрограде показала, за кем идет революционная демократия, т. е. рабочие и солдаты. Полумиллионная демонстрация, вопреки ожиданиям меньшевистских и эсеровских лидеров, прошла под большевистскими лозунгами и явилась настоящим смотром сил большевистской партии. Такой же удар постиг меньшевиков и эсеров в Ростове.

На 18 июня, по предложению меньшевиков и эсеров, Ростовский Совет и «Общественный комитет» назначили «золотой день» — день пропаганды «займа свободы», совпавший, таким образом, в Ростове с днем наступления на фронте, начатого по приказу Керенского. Накануне этого дня Ростово-Нахичеванский комитет большевиков выпустил листовку против «займа».

Газета «Наше знамя» 18 июня, разоблачая империалистическую политику Временного правительства, писала: «Мы, социал-демократы-большевики, решительно против войны, мы ни займами, ни проповедью наступления её не поддерживаем, мы против буржуазного правительства, мы боремся за переход власти в руки Совета рабочих, солдатских и кр. депутатов».[14]

В «золотой день» улицы города, особенно б. Садовая, стараниями кадетов, меньшевиков и эсеров были украшены плакатами с надписью «война до победного конца»; по главной

улице разъезжали автомашины с агитаторами. В садах и клубах меньшевики и эсеры, вместе с кадетами, горячо выступали за продолжение войны, против братания на фронте и призывали подписаться на заем.

Рабочие, собиравшиеся группами, выражали недовольство этой меньшевистской агитацией. Бурно реагировали солдаты, среди которых антивоенные настроения были особенно сильны. Появившуюся на территории военных бараков коляску с плакатами и меньшевистскими лозунгами солдаты опрокинули и, выражая свое негодование против соглашателей, стали собираться на митинг на Софийской площади (ныне Театральная). Представители Ростово-Нахичеванского комитета, выступая на митинге, призвали солдат и рабочих устроить демонстрацию.

Многочисленная демонстрация солдат 252, 255 и 249 полков и рабочих, двинувшаяся по б. Садовой улице, охранялась ротой вооруженных солдат. Во избежание провокаций и погромов, по предложению большевиков, у банков были выставлены караулы.

В газете «Наше знамя» так описываются события этого дня:

«Демонстранты прошли в образцовом порядке. Под свою охрану они взяли банки, поставив для этого караул. Сбор и подписка на заем везде прекращены. Плакаты с призывом «подписываться на «заем свободы» сорваны на всем пути следования революционной демонстрации. Попытки членов Исполнительного комитета (меньшевиков и эсеров. — **Ред.**) остановить демонстрацию успеха не имели. Солдаты решили выполнять тот революционный долг, которого не выполнил Исполнительный комитет.

Только Ростово-Нахичеванский комитет нашей партии, из всех революционных организаций в городе, оказался в нужную минуту на месте, и как его военная группа, так и комитет не только приняли участие в демонстрации, но также и в руководстве ею. Буржуазному империализму был дан решительный и вполне достойный революционный отпор».[15]

На другой день меньшевики и эсеры созвали экстренное заседание Ростово-Нахичеванского Совета для обсуждения вопроса о «вооруженной большевистской демонстрации». Заседание Совета было очень бурным и длилось два дня — 19 и 20 июня.

Потерпев полное поражение на улице, меньшевики и эсеры решили взять реванш на заседании Совета. Выступая один за другим с речами, полными злобы и бешенства, мень-

шевистско-эсеровские руководители Совета обвиняли большевиков в «анархии» и «во всех смертных грехах». Подогретые своими лидерами, некоторые ораторы выступали прямо с погромными, откровенно контрреволюционными речами, требуя расправы с большевиками. Ввиду этого, большевистская фракция, в знак протеста, покинула заседание Совета. Меньшевики и эсеры переполошились; они боялись, что большевики будут апеллировать к рабочим и солдатам, и поспешили выразить лицемерное сожаление по поводу ухода большевистской фракции с заседания Совета. Опасения меньшевиков подтвердились. Днем 20 июня, на митинге рабочих и солдат, собравшихся около завода «Метеор», после доклада представителя большевистского комитета о позиции, занятой Советом по отношению к событиям 18 июня, рабочие и солдаты с возмущением протестовали против наглых выпадов меньшевиков и эсеров.

После этого меньшевики на заседании Совета, состоявшемся в тот же день, вынуждены были предложить примирительную резолюцию.

Во всем этом меньшевикам помогали правые оппортунисты и троцкисты.

Ростово-Нахичеванский комитет большевиков, в состав которого входили: П. Блохин *, Г. Захарьянц и др., 23 июня созвал общее собрание большевистской организации. При обсуждении событий 18 июня, со стороны правых оппортунистов группы Сырцова раздавались голоса против членов партии, руководивших демонстрацией, обвиняя их в том, что они организовали её якобы без официального решения Комитета. Собрание единодушно одобрило проведенную демонстрацию и поведение ее организаторов—членов партии.

Находясь в составе Ростово-Нахичеванского комитета,

---

* Блохин Петр Григорьевич (он же Свердлин Григорий Иосифович), — по профессии портной. Член ВКП(б) с 1911 г. В 1917 г. принимал активное участие в работе большевистской организации Ростова, состоял членом Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б). На 1-м съезде Советов Донской области, в апреле 1918 г., был утвержден народным комиссаром труда Донской Советской республики. В годы гражданской войны работал в Донбюро, ведал подпольной работой на территории, занятой Красновым, затем Деникиным.

После освобождения Дона от белогвардейцев, Блохин находился на руководящей работе в Ростове — в Донкоме. С 1922 по 1929 г. — почти все время на партийной работе. Последняя его должность — председатель Окружной контрольной комиссии и РКИ в Черноморском округе (г. Новороссийск). В 1929 г., ввиду болезни, перешел на пенсию.

П. Г. Блохин умер 3 июня 1942 г. в Пятигорске.

Сырцов занимал в 1917 году ту же антипартийную, оппортунистическую позицию, что и его «идейные вдохновители» — Каменев, Рыков, Зиновьев. Так же, как и они, Сырцов не верил в победу социалистической революции и вел линию на соглашение с меньшевиками в интересах сохранения «единства революционной демократии»[16].

Когда Керенский, по предложению Каледина, решил убрать из Ростова большевистски настроенных солдат и отдал 23 июня приказ об отправке на фронт частей 249 полка, то Сырцов, вместе с меньшевиками и эсерами, подписал воззвание к солдатам, призывая их к выполнению «долга».

Большевикам Ростово-Нахичеванской организации в проведении ленинского плана перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую приходилось вести борьбу не только с меньшевиками и эсерами, но и с правыми оппортунистами в своих собственных рядах.

К концу июня большевики Дона сделали значительный шаг по пути завоевания рабочих и солдат на свою сторону. Несмотря на бешеную травлю Донским войсковым правительством, несмотря на то, что буржуазные и мелкобуржуазные центральные и местные газеты («Приазовский край», «Ростовская речь», «Вольный Дон», «Рабочее дело» — орган ростовских меньшевиков) изо дня в день возводили на большевиков одну клевету чудовищнее другой, трещина между соглашательскими партиями и массой рабочих и солдат всё более увеличивалась и, наоборот, авторитет партии большевиков с каждым днем возрастал. Это приводило к обострению борьбы в «объединенных» партийных организациях, еще существовавших в некоторых городах области, и к расколу. Большевики тверже становились на ленинские позиции, изгоняли из объединенных организаций меньшевиков и становились на путь создания и укрепления самостоятельных большевистских организаций.

В важном промышленном центре Донской области — в Александровск-Грушевском угольном районе, спустя некоторое время после VII апрельской партийной конференции, стала совершенно очевидной невозможность дальнейшего пребывания с меньшевиками в объединенной организации.

Большевики подковного завода и парамоновского рудника, имевшие преобладающее большинство в объединенной организации, в середине мая, после ознакомления с решениями апрельской партийной конференции, изгнали меньшевиков из организации, создали самостоятельную большевистскую ор-

ганизацию и установили связь с Ростово-Нахичеванским комитетом большевиков. Одним из энергичных руководителей этой организации был Н. Калмыков.

18 июня состоялась Окружная партийная конференция, на которой были представлены все крупные рудники Александровск-Грушевского района. Конференция имела важное значение, она сплотила большевиков угольного района на ленинских позициях. Конференция с негодованием протестовала против травли буржуазной печатью большевистской партии и газет «Социал-демократ» и «Наше знамя». С особой силой конференция выразила протест против травли Ленина и приветствовала его как своего идейного вождя.

Партийная организация стала быстро расти, и в июне основные массы горняков уже находились под её влиянием. Александровск-Грушевский угольный район превратился в важнейший опорный пункт большевистской партии в Донской области. Отсюда большевистское влияние распространялось как на казачьи части, расположенные в этом районе, так и на окрестные казачьи станицы и хутора.

Большевистские организации стали возникать там, где их до 1917 года вовсе не было. На Несветаевском руднике, открытом только в 1915 году, к февральской революции было занято около 2000 рабочих, но партийной организации там не было. В июне 1917 года на рудник прибыл матрос-большевик Г. И. Ульянцев, имевший от Кронштадской партийной организации и Совета мандат уполномоченного по агитации. Он ознакомил небольшую группу рабочих, сочувствовавших большевикам, с решениями апрельской партийной конференции и помог им оформить большевистскую организацию.

При содействии Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б) в июне была оформлена большевистская организация в Батайске.

В это же время возникла большевистская организация в ст. Морозовской. Организация состояла преимущественно из рабочих железнодорожников; в её оформлении и в работе оказывал помощь Царицынский комитет большевистской партии.

Но все-таки большевистских организаций во всей Донской области было еще мало. В Таганроге, Сулине и Каменске партийные организации до конца лета 1917 года оставались объединенными, что, понятно, задерживало процесс отхода рабочих и солдат от меньшевиков и эсеров. Среди казаков и крестьян в станицах и селах большевистская агитация бы-

ла поставлена слабо, она проникала туда главным образом через фронтовиков—солдат и казаков.

За исключением Александровск-Грушевского угольного района, с его однородным рабочим населением, где большевики к июлю уже вполне завоевали основную массу рабочих на свою сторону, в остальных промышленных центрах (Ростов, Таганрог, Сулин) влияние меньшевиков и эсеров, особенно меньшевиков, далеко еще не было подорвано.

Об этом говорят и выборы в городские думы в Ростове и Нахичевани.

На выборах, состоявшихся в Ростове 9 (22) июля, большевики получили всего 2184 голоса (3%), а меньшевики и эсеры, выступавшие в блоке,—51.584 голоса (72%); кадеты получили 10346 голосов. Такой же, примерно, результат получился в Нахичевани. Это было серьезной неудачей Ростово-Нахичеванской большевистской организации.

На исход выборов не могло не повлиять то, что они проходили в Ростове после Петроградских событий 3—5 июля, когда, вслед за расстрелом демонстрации рабочих и солдат, начались дикая травля и поход против большевиков, и Ленину пришлось уйти в подполье, скрываясь от ищеек Временного правительства. Этот поход с особой злобой был подхвачен на Дону калединцами вместе с меньшевиками и эсерами.

В Ростове перед выборами в Думу продавцы газеты «Наше знамя» избивались. Один из большевиков, участник избирательной кампании, пишет: «наши плакаты, воззвания срывались со стен. Выступать на митинге и агитировать за наш список нельзя было, не рискуя быть избитым» [17].

Выборы показали, что большевикам Ростова и Нахичевани предстояла еще упорная борьба за завоевание рабочих масс на свою сторону.

На другой день после выборов в Городскую думу контрреволюционные силы при науськивании меньшевиков и эсеров намеревались разгромить ростовскую большевистскую организацию. Шайка погромщиков совершила налет на помещение Ростово-Нахичеванского комитета большевиков («Ротонда», в городском саду), а юнкера ворвались в типографию, где печаталась газета «Наше знамя», вытащили готовый набор из машин и разбросали его. Выход газеты в тот день был сорван. Начались аресты большевиков.

Крупные события произошли 5—6 июля в Таганроге. К началу июля там создалось угрожающее положение с продовольствием. 5 июля на этой почве происходили стихийные

волнения. Буржуазия, меньшевики и эсеры обвинили в этом большевиков. Но когда начальник милиции — эсер, выступая 6 июля перед рабочими Русско-Балтийского завода, стал ругать большевиков, называя их изменниками, то рабочие чуть не убили его. Прибывшая на завод сотня казаков потребовала выдачи большевиков для расправы. С трудом удалось успокоить казаков и предотвратить столкновение.

По распоряжению атамана Каледина в Таганрог были присланы еще три сотни казаков. 11 июля Каледин приказал начальнику гарнизона со всей решительностью подавлять революционные выступления. Ростово-Нахичеванский Совет, осудив, по предложению меньшевиков, петроградскую демонстрацию, тоже высказался за поддержание порядка «твердой рукой».

Для обсуждения июльских событий в Петрограде и внутрипартийного положения в организации Ростово-Нахичеванский комитет 16 июля созвал общее собрание большевиков. В резолюции об июльских событиях говорилось:

«Общее собрание Ростово-Нахичеванской организации РСДРП, выслушав доклад о событиях за 3—5 июля в Петрограде и о той роли, которую в них играли руководящие организации нашей партии, выражает полную свою солидарность с ними в оценке этих событий»[18].

Собрание протестовало против буржуазной и меньшевистско-эсеровской клеветы на Ленина.

В заключение собрание выразило полное доверие Центральному Комитету большевистской партии и настаивало на скорейшем созыве партийного съезда.

Вопрос о внутрипартийном положении в организации собрание обсуждало долго и бурно. Выступавшие члены партии подвергли резкой критике деятельность Комитета за его терпимое отношение к правооппортунистической линии Сырцова и его сторонников, не желавших вести резкой борьбы с меньшевиками (во имя сохранения «единства революционной демократии») и сползавших на меньшевистские позиции.

Некоторые члены партии вносили предложения не только осудить поведение правых оппортунистов, но и выразить недоверие Комитету за примиренчество к ним. Выступивший на собрании троцкист С. Васильченко взял Сырцова под свою защиту.

После длительных прений, собрание, осудив поведение правых оппортунистов, выразило, однако, доверие Комитету.

Обсуждение этих вопросов на собрании укрепило большевистскую организацию, помогло ей быстрее справиться с вре-

менными неудачами, стойко перенести поход контрреволюционных сил против партии и успешнее вести работу по подготовке социалистической революции.

В докладе Центральному Комитету большевистской партии 28 июля Ростово-Нахичеванский комитет писал, что «работа налаживается с удвоенной энергией. Спокойствие полное, растерянности не наблюдается. Приступаем с 1 августа к выпуску ежедневной газеты» [19]. (До этого большевистская газета «Наше знамя» выходила один раз в неделю).

На съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Донской области, состоявшемся 30 июля 1917 года в Ростове, при обсуждении текущего момента большевистская фракция, в которой главную роль играли представители Ростова и Нахичевани, правильно оценивала прошедший этап революции, закончившийся событиями 3—5 июля. Большевики разоблачали политику коалиционного Временного правительства, приведшую при активном участии меньшевиков и эсеров к расстрелу рабочих и к наступлению контрреволюции. Этого не было бы, говорили большевики, если бы Советы в свое время взяли всю власть в свои руки.

Указывая, что контрреволюция всё больше организуется и поднимает голову, большевики призывали рабочих к сплочению революционных сил для борьбы с врагами народа.

Меньшевики и эсеры, имевшие большинство на съезде, вынуждены были занять оборонительную позицию и, всячески изворачиваясь, оправдывали действие коалиционного Временного правительства и попрежнему отстаивали политику соглашения с буржуазией и на будущее.

Меньшевик Берман (представитель Таганрогского Совета) в жалкой и растерянной речи утверждал, что «буржуазия стремится спровоцировать нас на захват власти, но переход власти к нам — несчастье» [20].

Лидер ростовских меньшевиков — Локерман, расписываясь в бессилии меньшевистской партии, говорил, что «при переходе власти в наши руки, мы свалимся под её тяжестью». Этой перспективой он пытался пугать и большевиков, заявив, что «если бы можно было, в виде опыта, передать власть большевикам, обнаружился бы крах их политики» [21].

В этом духе меньшевики и эсеры провели свою резолюцию, получившую на съезде 51 голос. Большевистская резолюция собрала 25 голосов.

Окончательно скатившись в болото контрреволюции, меньшевики и эсеры помогли атаману Каледину создать на Дону плацдарм для борьбы с социалистической революцией.

3. Большевистские организации Дона в борьбе за выполнение решений VI съезда партии

Июльские события явились переломным моментом в развитии революции.

> «Раньше мы стояли за мирный переход власти к Советам,—говорил товарищ Сталин на VI съезде большевистской партии,—при этом предполагалось, что достаточно принять в ЦИК Советов решение о взятии власти, чтобы буржуазия мирно очистила дорогу. И, действительно, в марте, апреле и мае каждое решение Советов считалось законом, ибо его можно было каждый раз подкрепить силой. С разоружением Советов и низведением их (фактически) до степени простых «профессиональных» организаций, положение изменилось. Теперь с решениями Советов не считаются. Теперь для того, чтобы взять власть, нужно предварительно свергнуть существующую диктатуру.
>
> Свержение диктатуры империалистической буржуазии—вот что должно быть теперь очередным лозунгом партии.
>
> Мирный период революции кончился. Наступил период схваток и взрывов» [22].

Исходя из этого, VI съезд партии, состоявшийся в Петрограде 26 июля — 3 августа, принял по докладам товарища Сталина решения, которые «были направлены на подготовку пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию. VI съезд нацелил партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию» [23].

Ростовская организация большевиков, насчитывавшая в своих рядах в июне 850 членов партии, послала своего делегата на съезд.

Работа VI съезда партии широко освещалась большевистской газетой «Наше знамя». 3 августа был напечатан большой отчет об открытии съезда и коротко передан доклад товарища Сталина — отчет ЦК. Подробный доклад товарища Сталина был опубликован 6 августа.

10 августа 1917 года в Ростове открылась первая Донская окружная партийная конференция большевиков, созванная по инициативе Ростово-Нахичеванского комитета партии. На конференции присутствовало 26 делегатов, из них 8 от Ростова и Нахичевани. Конференция одобрила исторические решения VI съезда большевистской партии и нацелила большевиков Дона на подготовку вооруженного восстания. Для руководства партийными организациями в Донской об-

ласти было избрано «Ростовское окружное бюро» (Областной комитет для всего Юга России находился в Харькове). Несмотря на свою малочисленность и на неоформленность некоторых организаций, Донская окружная партийная конференция имела большое значение. Впервые в истории большевистских организаций Дона произошло их объединение в единую организацию с «окружным бюро», выполнявшим функции партийного центра всей области.

К июлю 1917 года при содействии, а часто — и по инициативе большевистских организаций на Дону стали возникать социалистические союзы молодежи. В конце июля организовался Ростово-Нахичеванский «Социалистический союз пролетарской молодежи». Инициаторами и создателями его являлись большевики. Выдающуюся роль в создании союза сыграл В. Дунаевский. К осени союз молодежи в Ростове уже насчитывал до 500 членов и явился надежным и верным помощником большевистской организации в борьбе за социалистическую революцию.

Большевики Дона, положив в основу своей деятельности решения VI партийного съезда, развернули работу среди рабочих, солдат, крестьян и казаков, которые все больше и больше убеждались в том, что соглашательская политика меньшевиков и эсеров расчищала дорогу обнаглевшей контрреволюции.

Свой протест против наступающей контрреволюции рабочие Дона начали выражать вскоре после июльских событий.

На своих собраниях и митингах рабочие завода Пастухова, завода «Аксай», Главных мастерских Владикавказской железной дороги, завода «Лели», обсудив текущие события, требовали прекращения империалистической войны. Рабочие протестовали против ареста большевиков, настаивали на роспуске Государственной Думы и Государственного Совета. В резолюциях рабочих собраний подчеркивалось, что от разрухи, голода и возврата к старому порядку страну может спасти только сам народ, взявший власть в свои руки.

Эти события показали, что даже рабочие таких заводов, как «Аксай» в Ростове и Сулинский металлургический, где до июльских событий было засилье меньшевиков, и те начали изживать соглашательские иллюзии.

Большое возмущение среди рабочих, солдат, крестьян и рядовых казаков вызвали контрреволюционные действия войскового атамана генерала Каледина, отправившего революционно настроенные пехотные части на фронт и угрожавшего расправиться с революционным движением на Дону. Выступ-

ление Каледина на Государственном совещании в Москве с требованием разгона Советов и других демократических организаций, введения «твердой» власти на фронте и в тылу вызвало на Дону массовые протесты.

Рабочие Богураевского рудника, в ответ на наглые вылазки контрреволюции, требовали скорейшего прекращения войны, протестовали против преследований большевиков, против похода на организации рабочих и солдат и заявили: «Свои организации будем отстаивать всеми силами, причем никакие репрессии не остановят нас от борьбы за общую цель. Мы, вместе с рабочими всего мира, будем бороться против правительств капиталистов, против их грабительской войны, за мир, за хлеб, за свободу. Да здравствует всемирная революция рабочих против угнетателей! Да здравствует III интернационал революционного пролетариата! Привет всем интернационалистам» [24].

Горняки Александровск-Грушевского угольного района на многолюдном митинге 27 августа, на котором выступали представители Ростово-Нахичеванского комитета большевиков, резко осудили контрреволюционные действия калединского Войскового правительства. Рабочие-горняки, вступившие в партию эсеров в начале революции, теперь покидали её и становились на большевистские позиции. На митинге один из рабочих, член партии эсеров, заявив об ошибочности соглашательской политики своей партии, указал, что с буржуазией — «нужно теперь говорить языком Ленина» [25].

Против контрреволюционной политики Войскового правительства и атамана Каледина стали все чаще и чаще раздаваться голоса протеста и рядового казачества.

Резкое обострение классовой борьбы на Дону, как и во всей стране, произошло в конце августа в связи с мятежом генерала Корнилова, намеревавшегося путем установления военной диктатуры разгромить силы растущей пролетарской революции.

Большевики Дона оказались на важном участке борьбы потому, что Корнилов в своих планах рассчитывал на помощь атамана Каледина, обещавшего двинуть казачьи полки на Москву. Перед большевиками Дона стояла ответственная задача — сорвать этот план. Большевистские организации Донской области призывали рабочих, солдат, казаков встать на защиту революции и не допускать отправки казачьих частей на помощь Корнилову.

По призыву большевиков поднялись рабочие Ростова, Таганрога, горняки Александровск-Грушевского и Усть-Белока-

литвенского угольных районов. В Ростове, Таганроге среди шахтеров создавались отряды Красной гвардии. Рабочие требовали ареста Корнилова и Каледина и расстрела их, настаивали на закрытии буржуазных газет. Рабочие парамоновского рудника требовали «возвращения с почетом тов. вождей левого крыла революционной социал-демократии, скрывающихся от преследования контрреволюционной диктатуры, в особенности товарища Ленина; немедленного провозглашения диктатуры революционной демократии; издания декретов о немедленном переходе всей земли в ведение крестьянских комитетов, о восьмичасовом рабочем дне, контроле над банками и производством, рабочем контроле над получением и распределением продуктов первой необходимости и национализации некоторых отраслей промышленности» [27].

Рабочие увлекали за собой не только солдат местных гарнизонов, но и ряд казачьих частей. Большевики, направившись в станицы, разъясняли казакам контрреволюционный характер генеральского мятежа, активным участником которого являлся Каледин, и призывали казаков к борьбе с генеральской контрреволюцией. Казаки местной команды в ст. Каменской, находившиеся под влиянием большевиков, решительно выступали против контрреволюционного мятежа и требовали ареста Каледина. Собрание казачьего гарнизона в ст. Чирской осудило выступление Корнилова как контрреволюционное и потребовало остановить полки, направленные на Петроград.

Казаки 1-го, 4 и 14 полков, стоявших в Петрограде, категорически выступили против решения Малого войскового круга о блоке с кадетами.

«Трудовое казачество, — говорится в резолюции, принятой на заседании полковых и сотенных комитетов, — не может входить в блок с буржуазными партиями, считая, что их программа для него совершенно неприемлема» [26].

Большевики добились огромных успехов. Тыл Каледина оказался настолько ненадежным, что атаману пришлось не только отказаться от посылки казаков на Москву, но и сам он, объезжавший в те дни северные районы Донской области, был вынужден скрываться от рабочих и казаков, намеревавшихся арестовать его.

Отмечая провал корниловско-калединского движения в августе 1917 года, Ленин писал, что Каледину не удалось поднять Дон, ибо «большинство бедноты и среднего казачества больше склонно к демократии и лишь офицерство с верхами зажиточного казачества вполне корниловское». И дальше...

«исторически доказанной является, после опыта 26—31 августа, крайняя слабость массового казаческого движения в пользу буржуазной контрреволюции» [28].

Меньшевики и эсеры на Дону, так же как их лидеры в столице, на словах выступали против Корнилова, но когда большевики в Ростове и Таганроге потребовали, чтобы Советы рабочих и солдатских депутатов взяли власть в свои руки, то они решительно воспротивились этому. Ростовские меньшевики попрежнему отстаивали «единение всех сил демократии», включая сюда и кадетов, которые являлись активными сторонниками Корнилова. Под давлением большевиков и рабочих, меньшевики и эсеры, стоявшие во главе Ростовского Совета, сперва согласились отстранить от должности комиссара Временного правительства кадета Зеелера как контрреволюционера, а, спустя несколько дней, они исправили свою вынужденную «левизну» и стали извиняться перед Зеелером за совершенную бестактность. Эти жульнические маневры меньшевиков и эсеров вызвали возмущение среди многих рабочих.

После корниловского мятежа большевистское влияние на Дону значительно возросло. Объединенные организации в Таганроге, Каменске, Сулине раскололись, и там были созданы самостоятельные большевистские организации. В Таганроге подавляющее большинство членов объединенной организации перешло к большевикам. 17 сентября был избран Таганрогский комитет большевистской партии, во главе которого стояли: А. Глушко, В. Стернин, Л. Волошина* и др. В ст. Каменской при расколе объединенной организации большинство оказалось на стороне большевиков. Каменской партийной организацией руководил Е. Щаденко.

Бюро Ростовской окружной организации большевиков, обсудив 1 сентября политическое положение на Дону, отметило нарастание революционного подъема. Чтобы зря не распылять сил, Бюро обязало партийные организации воздерживаться от стихийных, разрозненных выступлений. Решено было установить более тесную связь с ЦК большевистской партии для согласования с ним вопросов организации и форм

* Глушко Антон Кузьмич. По профессии печатник. Работал в Таганроге в типографии. С 1903 г. принимал участие в работе местной организации РСДРП. В 1908 г. арестован на одном из подпольных собраний и сослан в Сибирь на каторгу, оттуда бежал с группой товарищей. Должен был направляться в школу, на остров Капри, но был арестован в Москве. Из каторги возвратился в 1917 г. в Таганрог и стал одним из руководителей таганрогской организации большевиков, членом

выступлений. В письме в ЦК партии 6 сентября Окружное бюро просило чаще информировать и «снабжать прямыми директивами, так как теперь особенно остро встает вопрос об организации выступлений»[29].

Укрепляя свои партийные ряды, большевики Дона еще более усиливали политическую работу в массах. На многолюдных митингах и собраниях рабочих, солдат и казаков большевики разъясняли массам решения VI съезда партии. Они указывали, что поражение Корнилова не означает ликвидации корниловщины. Чтобы покончить с контрреволюцией, нужно установить власть Советов, покончить с войной, конфисковать помещичьи земли и передать их в руки крестьян, национализировать банки и установить рабочий контроль над производством. Большевики призывали массы к сплочению, к организации Красной гвардии, а солдат — не выполнять приказов Керенского и Каледина, пытающихся вывести из промышленных центров революционно настроенные полки. Большевистская агитация имела огромный успех.

Рабочие Свинаревского рудника Усть-Белокалитвенского угольного района совместно с казаками окрестных станиц,

---

1-го комитета большевиков в 1917 г. и затем председателем его. Активный участник восстания в январе 1918 г. против юнкеров. Председатель Ревкома, затем Совета Р. С. Д. После отступления из Таганрога, занятого в апреле 1918 г. немецкими интервентами, принимал активное участие в борьбе с белогвардейцами на Северном Кавказе. Ввиду перенесенных лишений, у него обострился туберкулез. В 1919 г. Глушко умер в г. Харькове.

Стернин Владимир (Мохов), рабочий. В 1916 г. работал в Таганроге на Балтийском заводе лекальщиком. Старый большевик, подпольщик. Один из руководителей большевистской организации в Таганроге. Активный участник октябрьского переворота, член 1-го большевистского комитета в 1917 г. Председатель Совета старост на Балтийском заводе. Руководитель восстания рабочих этого завода против юнкеров в январе 1918 г. Член Ревкома, член 1-го Совета Р. Д. в 1918 г. После ухода из Таганрога, занятого немцами, прошел астраханские степи, заболел тифом и умер в Астрахани.

Волошина Елизавета, уроженка г. Таганрога, родилась в 1883 г. С детских лет работала по найму. В 1902 г. вступила в социал-демократическую партию и беззаветно отдалась революционной деятельности.

Волошина была одним из первых организаторов работниц гор. Таганрога. В 1904 г. состояла членом Таганрогского соц.-демократического комитета. За свою революционную деятельность неоднократно арестовывалась. Активная участница революции 1905—1907 гг. в Таганроге. В 1917 г. принимала активное участие в таганрогской большевистской организации. Была секретарем партийного комитета, членом 1-го Совета рабочих депутатов. Во время боя с юнкерами в январе 1918 г. заведывала больницей Балтзавода, где помещались раненые красноармейцы. Умерла от тифа в январе 1919 г.

14 сентября, на митинге приняли резолюцию, в которой говорилось, что «все попытки мелкобуржуазных партий примирить рабочих с буржуазией кончились неудачей. Жизнь показала, что нельзя примирить непримиримое, нельзя объединить революционную демократию с контрреволюционной империалистической буржуазией»[30].

Указывая, что ликвидация корниловского заговора еще не означает ликвидации контрреволюции, рабочие заявили, что они будут «готовиться к решительному выступлению против буржуазии и всех её прихвостней за власть рабочих, солдат и беднейших крестьян, которая поведет страну из этого кровавого тумана к скорейшему прекращению войны и всей разрухи. Довольно голода, довольно крови и слез».[31]

Такие же резолюции были приняты Советом рабочих и солдатских депутатов Усть-Белокалитвенского района и митингом шахтеров Гуковского района. 14 сентября на митинге в казачьем лагере, около Власовского рудника, 2500 рабочих, казаков и солдат единодушно приняли резолюцию, в которой требовали: «передачи всей власти Совету рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов».

Рабочие называли меньшевиков и эсеров «дворниками»,— расчистившими путь Корнилову. Меньшевики и эсеры потеряли всякий авторитет у шахтеров. Советы рабочих и солдатских депутатов в районах угольной промышленности (Александровск-Грушевский, Усть-Белокалитвенский, Гуковский и др.) перешли под руководство большевиков.

Пытаясь задержать нарастание пролетарской революции, атаман Каледин подавлял вооруженной силой волнения рабочих и крестьян, отправлял на фронт революционно настроенных солдат, а на Дон стягивал контрреволюционные силы.

Капиталисты при поддержке эсеров и меньшевиков продолжали закрывать рудники, фабрики и заводы для того, чтобы заставить рабочих под угрозой голода сдаваться на их милость. В ответ на это рабочие начали вводить свой контроль над производством, не останавливаясь перед арестом администрации. 5 октября Несветаевский Совет рабочих депутатов установил контроль на руднике. В постановлении Совета было записано: «Все распоряжения администрации, касающиеся правил внутреннего распорядка, утверждаются Советом рабочих депутатов и только после утверждения приводятся в исполнение, все постановления Совета неуклонно должны исполняться рудничной администрацией»[32].

Рабочие Сулинского металлургического завода в течение трех месяцев вели борьбу за повышение заработной платы,

и всё безуспешно. Администрация не шла на уступки, а меньшевики, возглавлявшие Совет рабочих депутатов, всё время удерживали рабочих от забастовки, обещая уладить конфликт путем соглашения с предпринимателем. До поры, до времени рабочие ожидали. 15 октября в Сулин приехал главный директор (завод принадлежал акционерному обществу). Меньшевики обещали рабочим уладить с ним вопрос о зарплате. Но и главный директор наотрез отказался удовлетворить требование рабочих. Будучи выведены из терпения, рабочие намеревались даже выбросить директора из окна его кабинета. Большевики не допустили до этого, и, по их предложению, директор был арестован.

Рабочие металлургического и Русско-Балтийского заводов в Таганроге не дали администрации закрыть отдельные цехи этих заводов.

Классовая борьба рабочих с предпринимателями, достигнув высокого напряжения, подвела рабочих вплотную к проблеме власти. Солдаты пехотных полков в Ростове, Таганроге, Новочеркасске и ст. Каменской переходили на сторону большевиков.

Каледин, стремясь превратить Дон в крепость всероссийской контрреволюции, приступил к отправке на фронт революционных полков. Большевики призывали солдат не выполнять приказа Каледина.

Находясь под влиянием большевиков, солдаты 255 пехотного полка в Ростове 29 сентября отказались выступить на фронт; к ним присоединились и солдаты 187 пехотного запасного полка. 1 октября на Софийской площади произошла вооруженная демонстрация солдат 255 и 187 пехотных полков (до 8 тыс. солдат), при участии 2 тыс. рабочих, с протестом против злонамеренной отправки на фронт. Демонстрация проходила под большевистскими лозунгами и под руководством большевиков.

Революционное движение на Дону было настолько мощным, что атаман Каледин побоялся принять решительные меры по отношению к демонстрантам.

Чтобы разоблачить ложь буржуазии, пытавшейся посеять рознь между фронтовиками и солдатами тыловых частей, солдаты 255 и 187 полков направили на фронт делегацию с наказом, в котором они объясняли причины своего нежелания покинуть Ростов.

«Товарищи делегаты, — говорилось в наказе, — там на фронте наши братья думают, что то правительство, которое создано после февральской революции (Временное правитель-

ство), оберегает интересы солдатских семейств, интересы крестьянской бедноты, городской бедноты и рабочих. Скажите им, что они ошибаются. С тех пор как произошла революция, еще ни разу не была власть в руках революционного народа и, когда она у него была, то мнимые друзья бедноты — меньшевики и эсеры—отдали ее добровольно разбойникам, капиталистам и помещикам, и вот капиталисты и помещики всё время властвуют»[33].

В наказе дальше говорилось, что 7 месяцев прошло со времени февральской революции, а положение рабочих и крестьян всё больше ухудшалось. Это произошло потому, что Временное правительство является правительством капиталистов и помещиков, продолжает империалистическую войну, расстреливает крестьян, которые посмели взять помещичьи земли, расстреливало забастовавших рабочих.

«Товарищи делегаты! Вы знаете, к чему привела эта политика, вы знаете, как приходится жить бедноте, как возненавидели богачей рабочие и крестьяне, как они ждут и не дождутся того, чтобы раз и навсегда покончить со своими врагами, старающимися совсем доконать разорением и своей политикой народ. Скажите это нашим братьям-солдатам на фронте, что нам нельзя отсюда уходить, что нас для того и отправляют отсюда, чтобы сделать с народом все, что хотят богачи, чтобы окончательно убить его». [34]

В заключение солдаты писали:

«Мы добьемся, чтобы власть перешла в руки всероссийского Совета крестьянских и солдатских депутатов, а тогда пусть наши враги попробуют издеваться над нами так, как они издеваются теперь. Мы завоюем хлеб, мир, свободу себе и нашим хижинам»[35].

Рабочие и солдаты, ставшие под знамена большевистской партии, требовали перевыборов Советов, в руководстве которых в ряде городов Дона продолжали оставаться меньшевики и эсеры, потерявшие доверие масс.

В октябре при перевыборах Советов большевики одержали победу. Они стали во главе Советов в Ростове, Александровск-Грушевском, Макеевке, Усть-Белокалитвенском угольном районе. На выборах рабочие и солдаты требовали установления власти Советов.

Товарищ Сталин в своей статье «Вся власть советам!» писал:

> «Революция идет. Обстрелянная в июльские дни и «похороненная» на Московском совещании, она вновь подымает голову, ломая старые преграды, творя новую

власть. Первая линия окопов контрреволюции взята. Вслед за Корниловым отступает Каледин. В огне борьбы оживают умершие было Советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы. Вся власть Советам!—таков лозунг нового движения» [36].

Крестьяне Донской области, не дождавшись от эсеров земли, осенью приступили к самочинному захвату помещичьих земель. Особенно большие крестьянские волнения происходили в сентябре—октябре в Таганрогском и Ростовском округах, где сильным было влияние рабочих. Крестьянская беднота и середняки Дьяковской, Бобринской, Павловской, Федоровской, Голодаевской, Троицкой, Степано-Курмской и других волостей разгромили несколько помещичьих имений и поделили их землю.

Большевистскими агитаторами в деревне сплошь и рядом являлись солдаты, вернувшиеся с фронта.

В ст. Великокняжеской (ныне Пролетарская),—пишет участник Октябрьской революции,—«программа большевиков о немедленной передаче помещичьей земли крестьянам нашла в среде иногородних горячих сторонников. Агитаторами были возвратившиеся с фронта солдаты-«беспартийные большевики». К осени по станицам и хуторам происходят многочисленные митинги и собрания.

Иногородняя масса посылает перед октябрем своих делегатов на окружной съезд с наказом установить Советскую власть, которая бы разрешила земельный вопрос по программе большевиков».[37]

Таким образом, на Дону классовая борьба, всё более обостряясь, вплотную подошла к решительной развязке.

4. Октябрьские дни на Дону

Большевики Дона, вместе со всей партией, готовились к решительному штурму — к свержению буржуазного Временного правительства, установлению диктатуры пролетариата. Важное значение в этой подготовке имела 2-я Донская окружная партийная конференция, состоявшаяся в Ростове 1—3 октября. На конференцию прибыло 59 делегатов, представлявших 6850 членов партии следующих организаций: Ростово-Нахичеванской — 1100 членов партии, Таганрогской—350, Александровск-Грушевского района — 832 (парамоновский рудник—432, Несветайский—400), Сулинской—65, Гуковского района—216, Макеевской*—1000, Кальмиусского рай-

* Макеевка и ряд других районов Донбасса в то время входили в состав Донской области.

она — 1630, Ясиновского подрайона—910, Брест-Богодуховского подрайона — 748. На конференции также присутствовало по одному представителю от Екатеринодарской (ныне Краснодарской), Армавирской и Ейской партийных организаций.

Конференция рассмотрела вопросы: 1) доклады с мест, 2) текущий момент, 3) контроль над производством, 4) выборы в Учредительное собрание—список кандидатов в Учредительное собрание, избирательный фонд и 5) организационные вопросы.

В докладах с мест делегаты единодушно отмечали огромный рост большевистского влияния в массах рабочих, а также солдат запасных полков, особенно после корниловского выступления. Представитель Усть-Белокалитвенского района докладывал, что настроение рабочих-шахтеров «определенно склоняется в пользу большевиков» [38]. В Миллерово, указывал делегат, «после корниловщины настроение стало клониться к большевикам» [39]. Там в сентябре была создана на заводе Мартенса первая большевистская организация. Делегат Макеевской организации сообщил, что у них в Совете Р. Д. большевиков 40 человек, а эсеров и меньшевиков вместе только 30 человек. «Меньшевики, — отмечал он, — генералы без армии» [40]. О распаде в лагере меньшевиков говорил и делегат от Сулинской организации.

Еще больший распад и разложение переживали эсеровские организации. На Петропавловском руднике (Александровск-Грушевский угольный район) сразу после февральской революции в эсеровскую организацию записалось до 500 человек. К осени рабочие, разочаровавшись в «тактике своих вождей», покинули эсеров, и организация распалась. К началу октября большевистская организация, насчитывавшая до 80 человек, пользовалась на руднике среди двухтысячного коллектива рабочих безраздельным влиянием.

О возросшем влиянии большевиков в Ростове говорил тот факт, что им удалось на заседании Совета 30 сентября, несмотря на яростное сопротивление меньшевиков и эсеров, провести резолюцию о перевыборах Ростово-Нахичеванского Совета. На выборах нового состава депутатов 10 октября большевики одержали победу и стали во главе Совета рабочих и солдатских депутатов.

2-я Донская окружная партийная конференция в оценке текущего момента исходила из того, что «мы накануне гражданской войны и захвата власти Советами». Конференция

признала особо важными вопросами: введение рабочего контроля над производством и организацию Красной гвардии [41].

Когда Центральный Комитет большевистской партии предупредил Донское окружное бюро о готовящемся вооруженном восстании, то большевики Дона, помимо большой агитационной работы, много внимания уделили созданию Красной гвардии в Ростове, Таганроге и среди шахтеров Александровск-Грушевского, Бело-Калитвенского и Макеевского угольных районов.

Как только в Ростове было получено известие о вооруженном восстании в Петрограде, о свержении Временного правительства и установлении Советской власти, 26 октября (8 ноября) Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов, по предложению большевистской фракции, при яростном сопротивлении меньшевиков и эсеров, признал власть Советов и создал Военно-Революционный комитет для руководства борьбой против контрреволюции на Дону.

В тот же день в городском саду большевики провели многолюдный митинг рабочих, солдат и трудящихся города. Собравшиеся приветствовали петроградских рабочих и постановили: «Присоединиться к резолюции Совета рабочих и солдатских депутатов от 26 октября и оказывать всяческое содействие и поддержку Совету рабочих и солдатских депутатов и созданному при нем Военно-Революционному комитету» [42].

Весть о победоносной революции в Петрограде, о создании Советского правительства разнеслась в течение нескольких дней по всей области. Рабочие и солдаты во всех городах Дона с огромным воодушевлением приветствовали свержение Временного правительства и установление Советской власти.

Митинги и собрания проходили в Ростове, Таганроге, Новочеркасске и, особенно бурные и многолюдные, — среди горняков.

В Таганроге первыми приветствовали Советское правительство рабочие Русско-Балтийского завода, в Александровск-Грушевском угольном районе—рабочие рудников: парамоновского, Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) и Петропавловского, куда прибыл представитель Петроградского Совета.

Рабочие рудника РОПИТ на общем собрании, заслушав доклад делегата Военно-Революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о текущем моменте, постановили:

«1) Приветствовать петроградский пролетариат, гарнизон и Балтийский флот, которые всегда стояли и стоят на страже защиты революции, которые в известный момент дали соответствующий отпор нашим классовым врагам.

2) Приветствуем всех тех, которые шли и идут вместе с петроградским пролетариатом и гарнизоном защищать дело революции.

3) Приветствуем 2-й Всероссийский Съезд Советов, который явился истинным выразителем трудящихся масс и вынес решение на своем заседании в интересах трудящихся (как-то: декрет о войне, о мире и т. д.).

4) Приветствуем Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков), являющуюся истинной выразительницей и защитницей угнетенного класса рабочих и беднейшего крестьянства.

5) Мы приветствуем власть Народных Комиссаров, как власть рабочих и крестьян.

6) Мы презираем все те социалистические партии, которые во время борьбы трудящихся с буржуазией, со своим заклятым врагом, фактически пошли против рабочих и крестьян вместе с буржуазией.

Да здравствует власть рабочих, солдат и крестьян!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков!

Да здравствует международная социальная революция!

Да здравствует социализм!» [43].

Аналогичные резолюции принимались на других рудниках.

В Новочеркасске 26 октября (8 ноября) 1917 года солдаты 272-го и 273-го пехотных запасных полков требовали передачи всей власти Советам, немедленного предложения демократического мира всем воюющим государствам, конфискации помещичьих земель и передачи их крестьянским комитетам, введения рабочего контроля над производством и распределением продуктов, разоружения всех контрреволюционеров и немедленного вооружения всего революционного народа.

Солдаты 252 пехотного полка в Ростове 30 октября на соединенном собрании полковых и ротных комитетов приветствовали победившую революцию и петроградских большевиков и заявили о своем подчинении Военно-Революционному комитету.

Приветствуя Великую Октябрьскую социалистическую революцию и Совет Народных Комиссаров, рабочие, солдаты и трудящиеся крестьяне под руководством большевистских

организаций боролись за установление власти Советов на Дону.

Октябрьская революция, начавшись в центре, в Петрограде и в Москве, со стремительной быстротой распространилась по всей России.

> «Революция, начатая в центре, — пишет товарищ Сталин, — не могла долго оставаться в рамках узкой его территории. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И, действительно, революционная волна с севера с первых же дней переворота разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной. Но здесь она натолкнулась на плотину в виде образовавшихся еще до Октября «национальных Советов» и «областных правительств» (Дон, Кубань, Сибирь). Дело в том, что эти «национальные правительства» и слышать не хотели о социалистической революции. Буржуазные по природе, они вовсе не хотели разрушать старый, буржуазный порядок, — наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами»[44].

Эти буржуазные «правительства» на окраинах объявили войну социалистическому правительству в центре. «Объявив же войну, они, естественно, стали очагами реакции, стягивавшими вокруг себя всё контрреволюционное в России»[45].

Войсковое правительство атамана Каледина именно и было таким «областным правительством», которое стремилось всеми средствами не только сохранить и укрепить старый, буржуазный порядок на Дону, но и превратить Дон в плацдарм для всей контрреволюции. Отсюда Каледин готовил нападение на социалистическую революцию.

Войсковое правительство атамана Каледина, объединяя помещиков, буржуазию, кулацкую часть казачества, еще до октября лихорадочно готовилось к борьбе с социалистической революцией.

На заседании Войскового круга в Новочеркасске в сентябре, после разгрома корниловского мятежа, Багаевский, правая рука Каледина, говорил, что хотя «Корнилов будет предан суду, Корнилова уничтожат, но пусть знают, что корниловщина будет жить».

К концу октября, по приказу Каледина, все промышленные центры Донской области были заняты казачьими частями. В северной части области (Каменск, Миллерово, Черт-

ково) Каледин расположил 5 и 8 казачьи дивизии для того, чтобы в нужный момент двинуть их на Воронеж и Москву.

13 ноября * Каледин отдал приказ 7 казачьей дивизии, штаб которой находился в ст. Урюпинской, через Поворино и Лиски начать наступление с целью овладения Воронежем.

Для объединения контрреволюционных сил Дона, Кубани и Терека был создан т. н. «Юго-Восточный союз». В середине ноября 1917 года в Новочеркасск прибыл генерал Алексеев и приступил к организации «добровольческой» армии. Таким образом, Новочеркасск превратился в центр всероссийской контрреволюции, во главе с Калединым, который еще 8 ноября объявил о переходе всей государственной власти в Донской области в руки Войскового правительства и вслед затем ввел военное положение.

На Дону образовалось два противоположных, враждебных друг другу центра — в Ростове и Новочеркасске, — решающая схватка между которыми была неизбежной. Борьба предстояла упорная и ожесточенная.

Большевики Дона понимали создавшуюся обстановку и деятельно готовили силы для борьбы с калединской контрреволюцией.

В самый острый момент борьбы с калединщиной правый оппортунист Сырцов и его сторонники, следуя примеру Каменева, Рыкова, Зиновьева стали на предательский путь и, вместо решительной борьбы с контрреволюцией, вошли в соглашение с ростовскими меньшевиками и эсерами и вместе с ними вступили в переговоры с Калединым.

На конференции Советов рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Донской области, состоявшейся в Ростове 18 ноября и проходившей под большевистским руководством, правые оппортунисты выступали против взятия власти пролетариатом, уверяя, что без соглашения с меньшевиками, одни большевики не удержат власть. Они утверждали, что между большевиками и меньшевиками «разногласия продолжаются лишь по инерции».

Всем было известно, что меньшевики и эсеры, превратившись в агентуру империалистической буржуазии, яростно боролись против социалистической революции, Советской власти и большевистской партии. Так было и на Дону. Меньшевики и эсеры выступали против признания Советской власти. Член Ростовской продовольственной управы меньшевик С. Гурвич 8 ноября на заседании Совета истошным голосом кричал по адресу Петрограда: «Узурпаторам хлеба не давать».

* Здесь и ниже все даты указаны по новому стилю.

И с этими отъявленными врагами Советской власти правые капитулянты предлагали объединиться.

Областная конференция дала решительный отпор правым предателям, эсерам и меньшевикам и приняла следующую резолюцию: «Конференция представителей революционных демократических организаций Донской области констатирует факт разрастающейся гражданской войны. В Донской области, где сохранилось казачье дворянство, общественные условия дают наибольшую возможность создания центра для организации контрреволюционных сил России, долженствующих обрушиться в гражданской войне на революционную демократию. Считая, что такой центр контрреволюции является прямой угрозой всем революционным завоеваниям, конференция призывает революционно-демократические организации Донской области принять все зависящие от них меры для борьбы с вооруженным наступлением контрреволюционного лагеря. Областным центром для согласования руководства деятельностью революционно-демократических организаций, конференция признает Военно-Революционный комитет при Ростово-Нахичеванском Совете рабочих и солдатских депутатов» [46].

Таким образом конференция признала большевистский Военно-Революционный комитет при Ростово-Нахичеванском Совете руководящим областным центром, который должен был объединить все революционные силы для борьбы с Калединым.

К этому времени авторитет большевистских организаций во всех промышленных центрах Дона был непререкаем. Рабочие массы и солдаты шли за большевиками.

В докладе Центральному Комитету партии о положении в Ростове 17 ноября Ростово-Нахичеванский комитет большевиков писал, что «настроение рабочих масс на нашей стороне, подавляющего большинства гарнизона—тоже» [47]. Это подтвердили и выборы в Учредительное собрание, проходившие 25—27 ноября.

В Ростове за большевистский список было подано 25529 голосов, за эсеров — 7565, за меньшевиков — всего 4615.

В Таганроге большевистский список собрал 9352 голоса, эсеровский — 2490 и меньшевистский — 2436. В Александровске-Грушевском из 9237 человек, принявших участие в голосовании, за большевистский список подано 7117 голосов.

Большевистское влияние, распространяясь всё шире в массах, стало проникать в казачьи части, в первую очередь, в северных округах области, где имелись значительные слои

казачьей бедноты. В этих округах революционную работу проводили большевики Царицына.

22 ноября в ст. Урюпинской казачья команда и часть казаков 5 сотни 6-го запасного казачьего полка, под руководством казака-большевика А. М. Селиванова,* подняли вооруженное восстание. Восставшие казаки арестовали командира 7-й казачьей дивизии, окружного атамана, командира 6-го запасного полка и ряд других офицеров, заняли штаб дивизии и правление окружного атамана. Однако, вызванный в станицу 22-й казачий полк подавил восстание. Это восстание, хотя и было подавлено, имело большое значение. Оно сорвало приказ Каледина о наступлении 7-й казачьей дивизии на Воронеж и усилило дальнейшее разложение в казачьих частях.

Против большевистской агитации Каледин принимал всевозможные меры. Он издал приказ о закрытии большевистской газеты «Наше знамя», имевшей ежедневный тираж до 10 тыс. экземпляров. Ему в этом помогали чиновники почты и железной дороги, отказавшиеся принимать газету для рассылки по области. Когда это не дало желательных им результатов, калединцы, по примеру Керенского, 24 ноября совершили налет на редакцию газеты «Наше знамя» и разгромили ее. Но большевистская газета продолжала выходить под охраной красногвардейцев и солдат ростовского гарнизона, которые в массе своей стояли на стороне Военно-Революционного комитета.

В эти решающие дни Военно-Революционный комитет проявил нерешительность. Правый оппортунист Сырцов и его сторонники запугивали Ревком превосходством сил Каледина, который, по их уверениям, сосредоточил вокруг Ростова до 50 тысяч казаков, готовых в любую минуту разгромить

---

* Селиванов Алексей Михайлович, сын казака-учителя. С юношеских лет принимал активное участие в революционном движении. В 1906 г. был арестован Донским жандармским управлением. После февральской революции — активный деятель в Урюпинской станице. 9 ноября 1917 г. руководил восстанием против местной атаманской власти. Восстание было подавлено, Селиванов был арестован и посажен в тюрьму. 17 января 1918 г. под его руководством снова было поднято восстание, и в станице Урюпинской была установлена Советская власть. Был секретарем Окружкома ВКП(б), редактировал газету «Донская правда». В июне 1918 г. Селиванов, с небольшим отрядом красноармейцев, ворвался в ст. Урюпинскую, занятую белыми, освободил из тюрьмы арестованных, сторонников Советской власти, но при отступлении сам попал в плен к белоказакам. После долгих пыток, Селиванов в ночь на 2 июля 1918 г. был расстрелян белоказаками.

город. Эти провокационные слухи и панические настроения, умышленно распространявшиеся правыми предателями и меньшевиками, оказали известное влияние и на Ростово-Нахичеванский комитет, который в докладе ЦК партии 25 ноября указывал на эту мифическую цифру в 50 тысяч казаков, якобы стоявших вокруг Ростова, и не менее мифические броневики, будто приготовленные Калединым. В заключение Ростово-Нахичеванский комитет в своем докладе писал: «Нам нужна военная помощь. Имейте это ввиду. Нас раздавят в один день при наличии броневиков, отсутствии у нас снарядов и сомнительности флотской поддержки. Область сопротивления оказать не может» [48].

Все это свидетельствует о том, что Ревком не знал истинного положения в лагере врага. Каледин не располагал под Ростовом не только 50 тыс. казаков, готовых беспрекословно выполнять его приказы, он не имел и 5 тысяч.

На заседании Войскового круга 16 декабря атаман Каледин, касаясь борьбы с Ростовом, говорил, что он не мог в начале ноября наступать ввиду отсутствия вполне надежных, готовых к наступлению казачьих частей. Он отмечал также, что в самый разгар боев в Ростове, когда 10 декабря казаки, во главе с генералом Потоцким, сложили оружие, казачьи части, двинутые из Новочеркасска на Ростов, «торговались из-за того, идти ли вперед. Приходилось составлять по кусочкам, беря от разных частей, отряд, действовавший под Ростовом»[49].

Но правые капитулянты свое дело сделали. Они пошли на соглашение с меньшевиками и эсерами.

26 ноября было созвано совместное совещание с меньшевиками и эсерами, на котором договорились о ликвидации большевистского Ревкома и создании вместо него «Военно-Революционного комитета объединенной демократии» с участием меньшевиков и эсеров.

27 ноября т. н. «Военно-Революционный комитет объединенной демократии» в приказе № 1 объявил себя областной властью и предложил не исполнять распоряжений калединского Войскового правительства. Но, вместо решительной борьбы с контрреволюцией, Комитет стал на путь переговоров с Калединым. Меньшевики и эсеры — эти лютые враги пролетарской диктатуры — настаивали на соглашении с Калединым и, по существу, на признании его власти. Они только хотели, чтобы Каледин «пригласил» их в состав областного правительства. Меньшевики и эсеры настояли на отмене приказа № 1 и согласились с генералом Потоцким (началь-

ником ростовского гарнизона), требовавшим роспуска Красной гвардии. Они вели работу по разложению солдат ростовского гарнизона и добились своего: подавляющая часть солдат в решающие дни боев сохраняла «нейтралитет». К тому же Каледин издал провокационный приказ о роспуске пехотных полков по домам; в результате, многие солдаты стали покидать город.

Пока шли переговоры с «Военно-Революционным комитетом объединенной демократии», Каледин разоружил революционно настроенные пехотные полки в Новочеркасске и ст. Каменской и спешно стягивал надежные казачьи части для наступления на Ростов.

Партийная организация большевиков решила положить конец этим предательским переговорам. По постановлению партийного собрания, большевики, входившие в «Военно-Революционный комитет», были обязаны прервать переговоры с Калединым и приступить к организации боевых действий.

Ввиду этого, меньшевики и эсеры, совершив свое предательское дело, 8 декабря вышли из «Ревкома объединенной демократии». Большевики в тот же день создали новый областной Ревком под своим руководством.

Большевистский Военно-Революционный комитет принял спешные меры к организации отпора готовившемуся нападению калединских банд на Ростов. Но слишком много времени было упущено. Контрреволюция, при поддержке эсеров, меньшевиков успела подготовить силы для нападения.

В ночь на 9 декабря юнкера и офицеры, по приказу генерала Потоцкого, напали на Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов, помещавшийся в театре «Марс». Ими были убиты депутат Совета, рабочий завода Максимова — Кунда, член штаба Красной гвардии Казбирюк и несколько красногвардейцев. Красная гвардия и ставшие под большевистские знамена революционно настроенные воинские части отбили это нападение. Начались бои в самом Ростове с казачьим гарнизоном и юнкерами.

Матросы Черноморского флота, прибывшие на помощь ростовчанам, вместе с рабочими заводов и фабрик мужественно дрались против калединцев.

Сражение, начавшись в районе Нахичевани в ночь на 9 декабря, продолжалось весь день, а затем, перекинувшись на станцию Ростов, закончилось 11 декабря победой рабочих, красногвардейцев и матросов. Станция Ростов была занята красногвардейцами; при этом был захвачен штаб белых и

арестован генерал Потоцкий. Казачий гарнизон сложил оружие.

По поводу одержанной победы Военно-Революционный комитет обратился к населению Ростова с воззванием, в котором говорилось:

«Сражение, начавшееся в районе ст. Нахичевань в ночь на 26-е ноября * и продолжавшееся целый день, а затем перекинувшееся на ст. Ростов, закончилось сегодня утром полной победой революционных войск.

Казаки на ст. Ростов сдались и выдали оружие. Генерал Потоцкий арестован. Он находится под надежной охраной. Личность его неприкосновенна.

Товарищи солдаты, матросы и рабочие Ростова и Нахичевани! Вы проявили чудеса храбрости и героизма. Вы доблестно и стойко отразили натиск контрреволюции. Честь вам и слава!

Честь и слава живым, вечная память павшим в борьбе за свободу, за революцию, за власть народа.

Товарищи, наша победа велика, но велики те трудности, которые еще предстоят. Но к нам со всех сторон идет помощь. Вся Российская демократия с нами. Мужайтесь. Окончательная победа близка.

Товарищи казаки — дети трудового народа — они отказываются сражаться с нами. Они сдали свое оружие, ибо не хотят проливать братскую кровь. Привет им от имени демократии.

Товарищи солдаты, рабочие и матросы! За мир, за хлеб, за землю, за волю, вперед!

Долой контрреволюцию!

ОБЛАСТН. ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОН. КОМИТЕТ»[50].

Советская власть в Ростове и Нахичевани победила, но продержалась она тогда недолго.

Потерпев первый раз неудачу, Каледин стянул свежие казачьи части и «добровольцев» генерала Алексеева и бросил их на Ростов. С новой силой разгорелись бои. 15 декабря, на седьмой день героической борьбы, Красная гвардия вынуждена была отступить. Калединцы заняли Ростов.

Советская власть в Ростове, в декабре 1917 года, после недолгого существования пала.

Это произошло потому, что красногвардейские отряды были еще малочисленными, а солдаты ростовского гарнизона, разложенные меньшевиками и эсерами, за небольшим исклю-

* По новому стилю 9 декабря.

чением, сохраняли «нейтралитет», а часть из них расходилась по домам.

Казаки, хотя и колебались, и даже были случаи, когда отдельные сотни отказывались наступать на Ростов, все же не перешли на сторону Советской власти, не подняли оружия против Каледина и калединцев.

В то время большевики имели еще слабую связь с казаками, у которых о большевиках было смутное и, очень часто, превратное представление, навеянное лживой контрреволюционной пропагандой калединцев. Правые оппортунисты внутри ростовской партийной организации своей предательской тактикой объединения с эсеро-меньшевистской «демократией» и переговоров с Калединым усыпляли бдительность рабочих, содействовали «нейтрализации» солдат и дали время Каледину для подготовки наступления.

В Таганроге сильный белогвардейский гарнизон тоже обеспечивал превосходство за калединцами. Им помогали меньшевики и эсеры, в то время еще стоявшие во главе Таганрогского Совета рабочих и солдатских депутатов. Таганрогские эсеры и меньшевики в ноябрьских событиях на Дону вели, так же как и их ростовские друзья, политику соглашения с Калединым. Они всячески удерживали рабочих от активных выступлений против белогвардейцев и посылали делегации в Новочеркасск для «мирного» разрешения конфликтов. Эти предательские действия меньшевиков и эсеров дали возможность Каледину выиграть время, собраться с силами, ввести в Таганрог, кроме юнкерской школы, 2 казачьих полка и стать хозяином положения в городе. Ввиду сложившейся обстановки, таганрогские рабочие не смогли оказать помощь Ростову.

Что касается горняцких районов, то там свирепствовали белогвардейские казачьи карательные отряды. Шахтеры имели слишком мало оружия для вооруженной борьбы с калединцами.

Тем не менее, борьба рабочих Дона, во главе с ростовским пролетариатом, в ноябре имела огромное значение. Она связывала руки Каледину и не давала ему возможности вести наступательных действий на север — Воронеж, Москву. Эта борьба вносила разложение в ряды казачества, ввиду чего отдельные казачьи части революционизировались, отказывались от борьбы против рабочих и впоследствии переходили на сторону Советской власти.

Огромная работа большевиков, проведенная в октябре-ноябре, оказала свое сильное воздействие на рабочих, трудя-

щихся крестьян и казаков. Вот почему большевики, отступив из Ростова, могли с полным основанием и уверенностью заявить в своей листовке: «Мы еще придем!».

5. Разгром Каледина и установление Советской власти на Дону

Калединская контрреволюция, утвердившаяся на Дону, являлась серьезной опасностью для молодого Советского государства. На Дон стекались помещики, буржуазия и главари всероссийской контрреволюции (Корнилов, Деникин, Милюков и др.), рассчитывая поднять казаков на борьбу с Советской властью. К Дону начали протягивать руки англо-французские империалисты, к которым обратились за помощью генералы Алексеев и Корнилов.

Посол США в Петрограде Френсис 2 декабря 1917 года направил донесение в государственный департамент о Каледине и просил оказать ему помощь.

Государственный секретарь Лансинг дал указание американскому послу в Лондоне тайно предоставить Каледину заем при посредстве английского или французского правительства. «Вы, конечно, понимаете,—добавлял в своей телеграмме Лансинг, — что следует действовать без промедления и внушить тем, с кем вы будете разговаривать, необходимость держать в тайне сочувствие и, тем более, финансовую помощь Соединенных Штатов движению Каледина» *.

Представители Антанты предложили Каледину заем в 100 миллионов франков на борьбу с Советской властью.

10 декабря 1917 года правительство Англии и Франции заключили между собой тайное соглашение о «сферах влияния» в России. По этому соглашению сферой французских империалистов признавались Украина, Бессарабия, Крым; английских — Дон, Кубань, Кавказ.

Советское правительство приняло энергичные меры для разгрома калединщины. По указанию Ленина, на Дон были направлены красногвардейские отряды.

Совнарком за подписью Ленина обратился с воззванием к казакам, разъясняя им сущность Советской власти и её политики. Совнарком призвал казаков, по примеру рабочих и крестьян, установивших власть Советов, создать Советы на Дону с тем, чтобы власть принадлежала не «атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям». Разоблачая

---

* Майкл Сейрес и Альберт Ким. «Тайная война против советской России», Госиздат, 1947 г., М., стр. 20—21.

ложь контрреволюции, пугавшей казаков тем, что якобы Советская власть отберет у них землю, в воззвании говорилось: «Кто вас пугает, казаки? — богачи, которые знают, что Советская власть хочет помещичьи земли передать в ваши собственные руки». Далее Совнарком разъяснял мероприятия, принятые им для прекращения империалистической войны и, обращаясь к казакам, ставил перед ними вопрос — «Теперь, казаки, решайте сами: хотите ли вы дальше вести пагубную, бессмысленную, преступную бойню. Тогда поддержите кадетов—врагов народных, поддержите Чернова, Церетели, Скобелева, которые бросили вас в наступление 18-го июня, поддержите Корнилова, который ввел на фронте смертную казнь для солдат и казаков. А если хотите скорого и честного мира, становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народных Комиссаров» [51].

Для агитационной работы среди казаков, для разъяснения им декретов Советской власти на Дон, по указанию Центрального Комитета большевистской партии, была направлена большая группа агитаторов-казаков (около 100 чел.) 1, 4 и 14 донских казачьих полков, стоявших в Петрограде.

К концу декабря красногвардейские отряды, двигавшиеся через Воронеж и Харьков, подошли к Дону и завязали бои с калединцами.

Атаман Каледин и его приспешники повели среди казаков провокационную агитацию об угрозе, нависшей якобы над всем казачеством со стороны красногвардейцев. Но эта провокация была разоблачена товарищем Сталиным.

В беседе с представителями левой части Донского Войскового круга, прибывшими в Петроград в конце декабря, товарищ Сталин, на вопросы делегации о причинах наступления красногвардейцев, от имени Советского правительства разъяснил, что «борьба ведется не с Донской областью, тем более не с трудовым казачеством, а с контрреволюционной группой Каледина, превратившего Новочеркасск в надежное убежище врагов народа: Корнилова, Керенского, Савинкова, Родзянко, Милюкова и др.».

Разоблачив гнусную ложь, распространяемую калединцами о целях наступления красногвардейцев на Дон, товарищ Сталин заявил далее, что «Совет Народных Комиссаров твердо уверен, что в борьбе с врагами народа Донской области он найдет полную поддержку со стороны трудового казачества и крестьянства этой области» [52].

Ход событий целиком подтвердил предвидение товарища Сталина.

* * *

Большевистские организации Дона, уйдя в подполье, продолжали вести большую политическую работу среди рабочих, крестьян и казаков, сплачивали революционные силы в калединском тылу для разгрома контрреволюции. В Ростове работал подпольный Ростово-Нахичеванский комитет партии под руководством Г. П. Фадеева-Васильева и В. Дунаевского. Они держали связь с большевиками Таганрога, Александровск-Грушевского угольного района и др.

Областной Ревком, перебравшись в Воронеж, проводил работу по организации наступления против Каледина. Им издавалась газета «Известия Военно-Революционного комитета», распространявшаяся среди казаков 5 и 8 дивизий, стоявших на северных границах Донской области.

В городах и промышленных центрах Дона, несмотря на жестокий белогвардейский террор, рабочие под руководством большевиков продолжали борьбу. То тут, то там непрерывно вспыхивали забастовки. Подпольные большевистские организации создавали вооруженные группы рабочих, подготавливали вооруженное восстание.

Волновались крестьяне. Когда стало очевидным, что контрреволюция бессильна для борьбы с Советской властью, Каледин и Багаевский, ранее выступавшие против привлечения представителей иногороднего крестьянства в Донское областное правительство, теперь переменили курс, и в конце декабря предложили иногородним объединиться с ними для борьбы против большевиков. Каледин рассчитывал этим отколоть крестьян от рабочих и увлечь их на борьбу с Советской властью. Но на союз с Калединым откликнулись и пошли только кулаки. Бедняцко-середняцкое крестьянство было враждебно настроено против калединщины и продолжало громить помещиков. В январе 1918 года в Таганрогском округе было разгромлено 8 помещичьих имений.

Деятельность большевистских организаций Дона оказала огромное влияние на казаков. Казачьи части, стоявшие на северной границе области, все более революционизировались и отказывались воевать с советскими войсками. Казаки говорили: «Мы теперь не дураки, мы знаем, чего хотят генералы, знаем, что за гусь Каледин, воевать против рабочих и крестьян мы не хотим»[53].

Все больше и больше казачьих частей отказывалось повиноваться Каледину. Вскоре это вылилось в открытое восстание.

23 января 1918 года в ст. Каменской, по инициативе большевиков, был созван съезд представителей полков 5 и 8 казачьих дивизий, а также отдельных частей фронтового казачества. На съезде присутствовали представители рабочих и крестьян.

Съездом руководили большевики Дона, среди которых видную роль играл Е. А. Щаденко. На съезде присутствовал представитель Московского Совета и Московского комитета партии. Выступавшие казаки от разных частей говорили о том, что казаки воевать с красногвардейцами не хотят, что идти против Советской власти они не будут.

От имени рабочих-шахтеров выступил тов. Щаденко. Указав на то, что Каледин, защищая помещиков и капиталистов, толкает казаков на гражданскую войну против рабочих и крестьян, Щаденко говорил об обреченности калединской казачьей контрреволюции. «За советскую власть, — говорил тов. Щаденко, — стоят много миллионов рабочих и крестьян и, конечно, не кучке казаков справиться с народом». Он призывал казаков-фронтовиков дружно и решительно выступить против Каледина и покончить с этим очагом контрреволюции. Его речь произвела сильное впечатление на казаков.

Каменский съезд имел решающее значение для быстрого разгрома калединской контрреволюции и установления власти Советов на Дону.

Каменский съезд, взяв власть в свои руки, избрал Военно-Революционный комитет во главе с Федором Подтелковым— казаком хутора Крутовского, ст. Усть-Хоперской. Ф. Подтелков служил подхорунжим (подпрапорщиком) в гвардейской казачьей батарее, и среди сослуживцев, за прямой и открытый характер, пользовался большим авторитетом. Секретарем Ревкома был избран молодой казачий офицер 28-го Донского казачьего полка М. Кривошлыков, сын казака-хлебороба ст. Еланской.

В принятой резолюции съезд решил «взять на себя революционный почин освобождения трудового населения и, прежде всего, трудового казачества от гнета контрреволюционеров из Войскового правительства: генералов, помещиков и капиталистов» [54].

Каменский съезд в ультиматуме, предъявленном генералу Каледину, потребовал от него добровольно передать власть Военно-Революционному комитету. Съезд, объявляя членов Войскового круга неправомочными, поручил Военно-Революционному комитету арестовать контрреволюционных агентов,

разоружить белогвардейские дружины и всех врагов народа, собравшихся со всей России под крылышком Каледина, и выслать их из пределов Донской области.

Каменский съезд революционного казачества в своем обращении к трудящимся заявил: «Товарищи рабочие и крестьяне! Мы своим выступлением разрушаем последние преграды между Вами и казачеством. Мы уверены в Вашей полной поддержке. Военно-Революционный комитет, полностью справившись при поддержке всего трудового казачества и трудового населения и при поддержке его успеха со стороны трудового казачества Кубани, Терека, Урала и Сибири и всех трудящихся, созовет съезд всего трудового казачества, рабочих и крестьян для организации на Дону трудовой власти. Да здравствует трудовое казачество! Смело за свободу и счастье трудящихся! Правда на нашей стороне» [55].

Так под руководством большевиков революционное казачество Донской области выступило на борьбу за власть Советов.

По поводу съезда фронтовых казаков Владимир Ильич Ленин писал:

> «На Дону 46 казачьих полков на съезде в станице Каменской объявили себя правительством, воюют с Калединым» [56]

На другой день после съезда в ст. Каменской состоялся большой митинг казаков, рабочих и крестьян. На митинге было объявлено решение съезда и от имени Военно-Революционного комитета обратился к казачеству Федор Подтелков.

«Отцы и братья, — говорил Подтелков, — я ни в какую партию не записан и не большевик. Я стремлюсь только к одному: к справедливости, к счастью и братскому союзу всех трудящихся так, чтобы не было никакого гнета, чтобы не было кулаков, буржуев и богачей, чтобы всем свободно и правильно жилось... Чем же я виноват, что и большевики этого добиваются и за это борются. Большевики это рабочие, такие же трудящиеся, как и мы казаки. Только рабочие-большевики сознательнее и сплоченнее нашего; нас в темноте держали, а они в городах лучше нашего научились жизнь понимать. Выходит, значит, что и я большевик. Но я в партию большевиков не записан» [57].

Подтелков призывал казаков поддержать Ревком в его борьбе с Калединым. Митинг единодушно откликнулся на этот призыв.

Военно-Революционный комитет послал приветствие Сове-

ту Народных Комиссаров. В этом приветствии указывалось, что съезд в Каменской постановил: признать центральной государственной властью Российской Советской Республики ЦИК, избранный на Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, и Совет Народных Комиссаров. Съезд сообщил также об избрании временной областной власти — в лице Военно-Революционного комитета и о предстоящем в ближайшем будущем созыве съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов Донской области.

По предложению большевиков Каменский съезд послал своих делегатов на III Всероссийский съезд Советов. По прибытии в Петроград, делегация казаков была принята Лениным.

Об этой встрече казаков с Лениным представитель Московского комитета партии, сопровождавший делегацию, пишет: «Владимир Ильич прислал нам свой автомобиль и сказал, что он сейчас же нас примет. В Смольном очень легко нас пропустили. Когда мы подъезжали к Смольному в автомобиле, Захаров (один из моих спутников) мне сказал, что он будет говорить от имени Советской власти Донской области. Помню, что когда мы вошли в кабинет, то первая встреча казаков с т. Лениным произвела на них очень сильное впечатление. Когда нас ввели в кабинет, кажется, Захаров сказал: «От имени донского революционного казачества приветствую Председателя Совнаркома Советской России», на что т. Ленин ответил ему в тон, с достоинством: «От имени Советской России приветствую донское революционное казачество» [58].

Делегаты выступали на заседании Петроградского Совета и принимали участие в работе III Всероссийского съезда Советов. Когда Я. М. Свердлов на заседании съезда объявил о прибытии делегации донских казаков, восставших против Каледина, весь съезд тепло приветствовал её.

III Всероссийский съезд Советов обратился с воззванием к донским казакам, в котором, приветствуя их борьбу с Калединым, призывал: «Боритесь дальше. Сотрите с лица земли врагов народа, выгоните Каледина из Новочеркасска, очистите Вашу землю от контрреволюционных банд» [59].

Большую работу в это время провели агитаторы, прибывшие в Каменск в конце января 1918 года, по указанию ЦК большевистской партии, в распоряжение областного Военно-Революционного комитета. Отряд агитаторов был разбит на группы, по 3 человека в каждой, и после инструктивного совещания, на котором с докладом о положении на

Дону выступил тов. Щаденко, разъехался по станицам. Агитаторы разъясняли казакам декреты Советской власти о мире, земле, постановление Совнаркома об отмене тяжелой военной повинности казаков с заменой её краткосрочной службой, о принятии за счет государства снаряжения казаков, призванных на военную службу. Агитаторы призывали казаков выступить против калединской генеральско-офицерской клики, пытавшейся втянуть казачество в братоубийственную войну с рабочими и крестьянами. С помощью агитаторов во многих станицах северных округов (Хоперского, Усть-Медведицкого, Донецкого) были созданы Советы рабочих, казачьих и крестьянских депутатов.

Бедняцко-середняцкие массы казаков, убедившись, что им не по пути с Калединым, перешли на сторону Советской власти.

После Каменского съезда и образования Областного Ревкома к красногвардейским частям, наступавшим с севера на калединцев, присоединились казачьи полки. Наступила решающая схватка. Большевистские организации в тылу у врага поднимали рабочих на борьбу с контрреволюцией.

Таганрогская большевистская организация деятельно готовилась к вооруженному восстанию.

В ноябре 1917 года, когда таганрогским заводам угрожала остановка, ввиду отсутствия сырья и денег, то рабочие, фактически осуществлявшие контроль над заводами, послали в Петроград в Совнарком свою делегацию. Руководители делегации, большевики А. Волошин и В. Стернин получили специальное задание — добыть оружие.

В Смольном делегаты были приняты В. И. Лениным, которому они рассказали о положении в Таганроге и о борьбе с Калединым.

Для успешной борьбы с калединской контрреволюцией Ленин советовал таганрожцам создавать полки из рабочих и вооружать их.

Делегация получила разрешение на вывоз оружия для Таганрога с тульских заводов. Однако, в Таганрог оно не попало. Ввиду хозяйничанья в городе калединцев, оружие было доставлено в Мариуполь.

Значительное количество оружия большевики получили от солдат двух запасных полков, стоявших в Таганроге.

В дни напряженных боев красногвардейских частей, наступавших на Таганрог и Ростов со стороны Матвеева Кургана, большевики Таганрога решили поднять рабочих на вооружен-

ное восстание и этим самым оказать помощь красногвардейцам.

В Таганроге, с прибытием туда свыше 1000 юнкеров, жизнь для рабочих из-за белогвардейского террора стала невыносимой. 23 января юнкера убили рабочего Русско-Балтийского завода. Это вызвало бурю возмущения у всех рабочих города.

26 января, в день похорон убитого рабочего, по призыву большевистской организации, была проведена мощная демонстрация. На другой день, в знак протеста против белого террора, забастовали железнодорожники. 28 января забастовка стала общегородской. Начались стычки с юнкерами. Военно-Революционный комитет, руководимый А. Глушко, В. Стерниным (Мохов), В. Смирновым * и др., стал во главе восставших. Бои с юнкерами, начавшиеся 30 января, закончились полной победой рабочих. На третий день восстания юнкера были изгнаны из города. В Таганроге установилась Советская власть. В этих боях рабочие потеряли около 100 человек убитыми.

Негодование трудящихся против белого террора со стороны калединских банд росло.

В знак протеста против расстрела юнкерами 1 февраля рабочих ростовских железнодорожных мастерских, рабочие Ростова и Нахичевани объявили трехдневную забастовку и потребовали удаления из города белогвардейских отрядов Корнилова.

На рудниках большевики создавали красногвардейские отряды, вливавшиеся в общее наступление против Каледина.

При занятии Сулина 9 февраля отрядом красногвардейцев, по призыву большевиков в Красную гвардию записалось до 1500 рабочих Сулинского металлургического завода, принявших участие в боях с калединцами.

Ввиду полного поражения белогвардейских войск и безнадежного положения контрреволюции, атаман Каледин 11 февраля 1918 года застрелился.

13 февраля советские войска заняли Батайск; войска, на-

---

* Смирнов Владимир Степанович. Родился в 1895 г. в г. Таганроге. С 1916 г. — рабочий Русско-Балтийского завода, организатор подпольных кружков РСДРП. Вел непримиримую борьбу против меньшевиков. В 1917 г. — один из организаторов Совета рабочих и солдатских депутатов и член его; агитатор среди солдат и крестьян. В. Смирнов — один из руководителей восстания в январе 1918 г. Во время боя в районе котельного завода был захвачен юнкерами и расстрелян.

ступавшие с севера, вышли на подступы к Ростову. Начались упорные бои за город.

23 февраля Ленин в своей телеграмме предложил командованию южным фронтом: «Сегодня во что бы то ни стало взять Ростов» [60].

Указание вождя Великой Октябрьской социалистической революции было выполнено: в ночь с 23 на 24 февраля 1918 г. советские войска заняли Ростов. Разбитые белогвардейские отряды, под командованием генерала Корнилова, ушли на Кубань. 25 февраля красногвардейские части совместно с казаками заняли Новочеркасск. Белоказаки, во главе с генералом Поповым, из Новочеркасска ушли в Сальские степи.

Прибыв в Новочеркасск, Донской областной Военно-Революционный комитет обратился с манифестом «К рабочим, трудовым казакам и крестьянам, ко всем трудящимся». В этом манифесте Военно-Революционный комитет писал:

«Товарищи! Общими революционными усилиями, после двухмесячной упорной и ожесточенной борьбы мы свергли последний оплот всероссийской контрреволюционной буржуазии. Пала последняя твердыня врагов народа — генералов, помещиков и капиталистов. Новочеркасск в руках революционных казачьих, рабочих и крестьянских войск. На поле революционной гражданской войны рабочие, трудовые казаки и крестьяне кровно спаялись нерушимыми пролетарскими трудовыми узами. И этим мощным революционным союзом мы будем победоносно продолжать начатую нами борьбу за социализм» [61].

В манифесте отмечалось, что контрреволюции нанесли удар, но она еще окончательно не разбита, она будет продолжать борьбу против революции, поэтому: «первой и очередной задачей нашей в настоящий момент является борьба с контрреволюцией. В этой социальной тяжбе трудящиеся должны выйти победителями во что бы то ни стало».

Военно-Революционный комитет призывал трудящихся Дона вооружиться и организовать Красную гвардию для борьбы с контрреволюцией, твердо проводить в жизнь все решения II и III съездов Советов и Совета Народных Комиссаров.

Указывая, что для укрепления диктатуры пролетариата огромное значение имеет уничтожение разрухи, манифест призывал Советы возглавить трудовой подъем масс.

Обращаясь к крестьянам и казакам, Военно-Революционный комитет писал:

«Пусть ни одна полоса земли не останется не запаханной. Вы должны знать, что в Москве и Петрограде начался страшный голод, что костромской и владимирский рабочий получает в день по четверти фунта жмыхов или овса вместо хлеба. Вы должны знать, что в северной промышленной России начался голодный тиф, что рабочие и крестьянские дети мрут там, как мухи. Пусть немедленно Советы собирают все имеющиеся запасы хлеба и других продуктов и направляют их на север, в голодные губернии, по указанию Отдела народного хозяйства при нашем комитете.

Товарищи шахтеры! Приложите все усилия, чтобы все рудники и шахты стали работать полным ходом. Вы помните, товарищи, что фабрики, заводы и железные дороги частью стали, частью — накануне остановки. Вы примите поэтому все меры, чтобы запасы угля имеющиеся у нас, немедленно были погружены и направлены на север, по указанию Отдела народного хозяйства нашего комитета» [62].

Рабочие, крестьяне и трудящиеся казаки приветствовали революционные войска и Советскую власть, приветствовали большевистскую партию, обеспечившую разгром контрреволюции на Дону.

Вожди и организаторы Великой Октябрьской социалистической революции Ленин и Сталин, непосредственно руководившие борьбой против Каледина, внимательно следили за ходом событий и политической обстановкой на Дону. Среди работников Дона высказывались мнения о необходимости автономии Донской области; крестьян и казаков особо волновал вопрос о земле.

Учитывая эти настроения, Ленин и Сталин дали указание большевикам Дона по всем этим вопросам.

> **«Наш горячий привет всем беззаветным борцам за социализм, привет революционному казачеству,** — писали Ленин и Сталин в телеграмме в Ростов 28 февраля. — **В ответ на Вашу телеграмму из Новочеркасска сообщаем: «Пусть уполномоченный съезд городских и сельских Советов всей Донской области выработает сам свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше. Против автономии Донской области ничего не имею. Географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и автономной республики Донецкого бассейна... Ленин, Сталин»** [63].

Так большевистские организации Дона под руководством Центрального Комитета партии, во главе с Лениным и

Сталиным, в ожесточенной борьбе с калединщиной, меньшевиками, эсерами и правыми оппортунистами добились на Дону победы Великой социалистической революции.

На Дону, с согласия Ленина и Сталина, была образована Донская Советская социалистическая республика. Ростов был превращен в административный центр Донской области.

Объясняя этот шаг, Областной Военно-Революционный комитет в своем воззвании 23 марта, указав на то, что немецкие интервенты и после подписания брестского мира продолжают наступление на юге и подходят к границам Донской области, писал:

«Для защиты завоеваний революции и свободы, Областной Военно-Революционный комитет, как высшая власть на Дону до полномочного съезда Советов, объявляет самостоятельной Донскую Советскую республику в кровном союзе с Российской Советской республикой и выделяет Совет Народных Комиссаров» [64].

В городах, станицах и селах Дона шла упорная работа по созданию и укреплению местных Советов. Это встречало ожесточенное сопротивление со стороны кулачества, офицерства, меньшевиков и эсеров.

Пробравшись в станичные Советы, белогвардейцы вели подрывную работу среди казачества.

В то же время бежавшие из Новочеркасска за Дон генералы и офицеры собирали шайки белогвардейцев и часто производили налеты на Советы. Они подбивали казаков на мятеж против Советской власти. Ожесточенную борьбу с этими белоказачьими шайками пришлось вести в Сальском округе, в степях которого нашли приют остатки разгромленных калединцев.

В создании Советской власти в Сальском округе большую роль сыграл С. М. Буденный. В конце января 1918 года, вернувшись с фронта домой в ст. Платовскую, Буденный, опираясь на фронтовиков, организовал в станице Совет рабочих и крестьянских депутатов. Им была также проведена большая работа по созданию хуторских советов. После того как в ст. Великокняжеской (б. окружной центр Сальского округа) установилась Советская власть, Ревком созвал на 27 февраля 1918 года Окружной съезд Советов. С. М. Буденный, являясь делегатом съезда, принимал в его работах активное участие и был избран заведующим земельным отделом Сальского окружного исполнительного комитета. Через несколько дней после съезда на станицы Торговую (ныне гор. Сальск) и Платовскую напали белоказаки. Захватив 8 марта ст. Платов-

скую, белоказаки из отряда Гнилорыбова и Семилетова совершили там кошмарное злодеяние. За 4 дня пребывания в ст. Платовской ими было расстреляно и замучено 317 крестьян — сторонников Советской власти. Белоказачьи изверги не щадили ни женщин, ни детей [65].

С. М. Буденный, организовав фронтовиков, 13 марта изгнал белоказаков из ст. Платовской.

Так в жестоких боях с белоказаками и меньшевистско-эсеровской контрреволюцией утверждалась на Дону Советская власть.

В городах меньшевики и правые эсеры, существовавшие в то время еще легально, вели бешеную агитацию против Советской власти, используя слабость советского аппарата, трения между местными органами власти и военным командованием, проявление бандитизма, связанного с наплывом в Ростов деклассированных элементов, в частности, анархистов.

На объединенном заседании Ростовского Совета рабочих и солдатских депутатов, совместно с фабрично-заводскими комитетами и правлениями профсоюзов, 7 марта 1918 года меньшевики и эсеры, отражая интересы помещиков и буржуазии, выступили против брестского мира, за продолжение войны с Германией, предлагали ликвидировать военно-революционные комитеты и требовали передачи всей власти Учредительному собранию. Они на все лады высмеивали возможность строительства социализма в отсталой России.

Большевики дали им достойный отпор. Представитель Ростово-Нахичеванского большевистского комитета, разоблачая контрреволюционную роль меньшевиков и эсеров, руководствуясь учением Ленина—Сталина, говорил, что «есть такие вожди «социалисты», которые бросают достаточно палок под колеса революции. Они упрекали нас в том, что мы отошли от марксизма. Это неправда, мы не перестали быть марксистами, но мы не мертвые доктринеры, и когда мы говорим, что социализм начнется с отсталой страны—России, мы имеем ввиду то обстоятельство, что русские рабочие больше страдали и потому первыми пойдут к социальной революции. Буржуазный мир погибнет... По всей России сметены уже жалкие остатки соглашателей-меньшевиков и правых эсеров, только на Дону они продолжают туманить умы рабочим, заодно с буржуазией предают их. Политика этих предателей ясна. Выходцы из могилы напомнили нам сегодня об Учредительном собрании, которого они добиваются вместе с помещиками и буржуа. Они зовут нас к борьбе и вы, товарищи, пойдете, но им вы скажите: «Руки прочь». Вас поведут к социализму только те, кто

идет к нему решительным путем без всяких соглашательств»...[66]

Отстаивая линию Ленина, представитель Ростово-Нахичеванского комитета партии указывал, что меньшевики и эсеры, выступая против заключения мира, за продолжение войны, провоцируют наступление немцев на неокрепшую еще Советскую республику, в надежде — с помощью германского империализма задушить её.

В резолюции, предложенной от имени большевиков, отмечалось, что русская социалистическая революция стоит перед грозной опасностью нашествия германского империализма, наступление которого находится в тесной связи с борьбой всемирной и русской буржуазии против Российской Советской социалистической республики. Далее указывалось, что при создавшейся политической обстановке и соотношении классовых сил, эту грозную опасность разгрома пролетарской революции можно предотвратить только прекращением империалистической войны, заключением мира и созданием крепкой рабоче-крестьянской Красной Армии. Резолюция звала к беспощадной борьбе против российской буржуазии и мирового империализма, который путем интервенции пытается уничтожить диктатуру пролетариата.

Большевики призывали трудящиеся массы — рабочих, крестьян и казаков — вступать в ряды Красной Армии для защиты Великой социалистической революции.

Советом была принята большевистская резолюция.

Огромную помощь большевикам Дона в борьбе за укрепление диктатуры пролетариата оказал Серго Орджоникидзе, прибывший в Ростов 7 апреля 1918 года в качестве чрезвычайного комиссара Совнаркома РСФСР.

В декрете, подписанном Лениным и Сталиным, говорилось:

> «Чрезвычайному комиссару Совета Народных Комиссаров т. С. Орджоникидзе поручается организовать временный чрезвычайный комиссариат южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку.
>
> Цель комиссариата: неуклонное проведение директив Центральной советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение Советской власти в районе своей деятельности, поддержание прямой связи с Советом Народных Комиссаров»[67].

С. Орджоникидзе помог большевикам Дона разгромить меньшевиков и эсеров, изгнать их из советских, профессио-

нальных и других общественных рабочих организаций. По его инициативе был вскрыт и разгромлен ряд контрреволюционных организаций в Донской области. Под руководством большевистских организаций, во главе с т. Орджоникидзе, была организована рабоче-крестьянская Красная Армия Донской области.

После огромной подготовительной работы, проведенной под руководством большевиков, был созван 1-й съезд Советов Донской республики. Съезд Советов открылся 9 апреля 1918 года.

На съезд прибыло 656 делегатов с решающим голосом, 103—с совещательным, всего 759 делегатов. Съезд признал себя вполне правомочным разрешить вопросы революционного строительства на Дону. Под гром аплодисментов почетным председателем съезда был избран Владимир Ильич Ленин. Председателем съезда был избран старый большевик, казак В. С. Ковалев.

Всеми работами 1-го съезда Советов Донской республики руководил Чрезвычайный комиссар Юга России и уполномоченный ЦК партии большевиков Серго Орджоникидзе.

Приветствуя съезд от СНК и ЦИК РСФСР, С. Орджоникидзе в своем выступлении наметил программу деятельности съезда, пути разгрома контрреволюции и дальнейшую линию развития революции и строительства социализма на Дону.

«Я думаю, — говорил т. Орджоникидзе,—не будет преувеличением сказать, что сегодняшний день есть день торжества Советской власти. Здесь собралось трудовое казачество. А известно, что когда на севере буржуазия была разбита, то она бежала на Дон, здесь она хотела воздвигнуть свой трон. Но Совет Народных Комиссаров верил, что трудовое казачество не пойдет против власти Советов и в этом Совет Народных Комиссаров и вся трудовая Россия не обманулись. Подтверждением этого является настоящий съезд, на котором почетным членом избран товарищ Ленин» [68].

С. Орджоникидзе указывал, что по всей России рабочий класс, беднейшее крестьянство побеждают. «Знамя Советов поднимается всё выше и выше, но капиталисты, раздавленные внутри страны, получили помощь из-за границы».

Он призывал трудовое казачество и крестьянство итти вместе с пролетариатом под руководством большевиков и бороться за укрепление диктатуры пролетариата. Бурными, несмолкаемыми аплодисментами сопровождалось выступление т. Орджоникидзе. Представители рабочих, трудящихся каза-

ков, крестьян горячо приветствовали в его лице партию Ленина — Сталина и Совет Народных Комиссаров.

После приветствий от коммунистической партии Украины и местных партийных и общественных организаций с докладом о работе Областного Военно-Революционного комитета и о дальнейшей борьбе с контрреволюцией выступил председатель Военно-Революционного комитета Ф. Подтелков, нарисовавший яркую картину героической борьбы пролетариата и трудящихся масс крестьянства и казачества за власть Советов. Его речь дышала уверенностью в полном разгроме контрреволюции и укреплении Донской Советской социалистической республики.

10 апреля съезд заслушал доклад о текущем моменте. Стержнем этого доклада был вопрос о брестском мире.

Против брестского мира выступили «левые» эсеры Комков и Карелин, а вместе с ними — меньшевики и «левые коммунисты».

С уничтожающей критикой всех антиленинских выступлений по вопросу о выходе из войны, о заключении брестского мира выступил С. Орджоникидзе.

Разоблачая «левых» эсеров, меньшевиков и «левых коммунистов» в том, что они, выступая за продолжение войны, хотят погубить Советскую власть, Орджоникидзе говорил:

«Комков в своей речи доказывал, что брестский мир никуда не годится. Я вполне согласен с ним, но я хотел бы знать, что бы Комков и Карелин ответили нам, где у них полки, оружие, батареи и в каком положении у нас находится транспорт. Ведь у нас нет реальной силы, нет войска. Сказать, что мы будем вести войну с капиталистами, помещиками, буржуазией — это легко. Но для ведения войны нужны пушки, пулеметы, войска, фураж, а всего этого у нас нет. Когда мы сорганизуем новую социалистическую армию, отдохнем, мы дадим отпор мировой буржуазии, грабителям, капиталистам» [69].

С. Орджоникидзе призвал съезд одобрить Брест-Литовский договор, так же как он был одобрен VII съездом большевистской партии и IV Всероссийским съездом Советов, использовать передышку, организовать Красную гвардию, приступить к восстановлению хозяйства и приготовиться к новым битвам с империалистами.

О брестском мире съезду было предложено три резолюции: от большевиков, от «левых» эсеров; третья резолюция была предложена от несуществующей на съезде фракции меньшевиков заядлым соглашателем Гросманом. Его резо-

люция, полная злобных выпадов против Советской власти, вызвала бурю негодования. Под крики делегатов «долой предателей!» Гросман, не дочитав резолюции, вынужден был покинуть трибуну.

Большинством голосов съезд принял большевистскую резолюцию. Вслед за этим голосованием, слово взял Сырцов, перекрасившийся из правого оппортуниста в «левого коммуниста». Нарушая самым грубым образом постановление VII съезда партии, подтвердившего правильность ленинской линии в вопросе о брестском мире, Сырцов от имени группы ростовских «левых коммунистов» заявил об их несогласии с брестским миром, о несогласии с политикой большевистской партии. Своим предательским поведением на съезде правые оппортунисты, вместе с «левыми коммунистами» и троцкистами играли на руку эсерам и меньшевикам и помогали им бороться с большевистской партией, с Советской властью.

Большевики Дона добились на 1-ом съезде Советов Донской республики одобрения политики Советского правительства и большевистской партии.

В принятой съездом резолюции говорится:

«Первый съезд Советов Донской республики присоединяется и одобряет мирную политику Совета Народных Комиссаров и рассматривает Донскую республику как часть РСФСР, считает для себя Брестский мирный договор обязательным. Революция на Дону, свергнув всевластие помещиков и генералов, поставила у власти трудовые элементы, сплотившиеся в своей борьбе вокруг рабочего класса. Свержение режима казачьих генералов является лишь началом победы революционного союза рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества. Для полного торжества Советского правительства необходимо победоносно закончить разраставшуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. Главной задачей рабоче-крестьянского правительства в данный момент является создание революционной советской армии и привлечение всех сил к борьбе с хозяйственной разрухой. Советская власть должна быть готова к тому, что империализм всех стран не остановится перед новым нападением на неё, и ни одна минута не должна пропасть даром.

Съезд заявляет перед всем миром, что, признавая Брестский мирный договор, рабочие, трудовое казачество и крестьянство не остановятся ни перед чем для защиты границ Донской распублики и все, как один, с оружием в руках встанут в случае вторжения в пределы Донской республики чужеземных войск» [70].

Ленин и Сталин внимательно следили за работой съезда Советов Донской республики. На второй день работы съезда Серго Орджоникидзе был вызван к прямому проводу. С ним говорил из Москвы товарищ Сталин. Орджоникидзе доложил об обстановке на Дону, о борьбе с анархистами в Ростове, затем рассказал о съезде: «Вчера открылся съезд. На съезде присутствует 759 делегатов. Председателем единогласно избран казак-большевик. Я приветствовал съезд от имени Совнаркома и ЦИК... Съезд объявил себя верховной советской властью на Дону. Съезд протекает при необыкновенном подъеме» [71].

1-й съезд Советов Донской республики принял к исполнению все декреты Совета Народных Комиссаров РСФСР и наметил ряд мероприятий в области социалистического строительства.

Съезд признал, что «необходима самая энергичная работа по налаживанию народного хозяйства и создание на развалинах капиталистического строя новой, социалистической России» [72].

Съезд Советов, заслушав доклад о народном образовании, постановил — создать единую социалистическую школу-десятилетку. В решении съезда было указано, что «программа обучения должна охватить всю совокупность общих знаний, а также и практические общественно-творческие навыки, необходимые для всякого трудящегося социалистического общества» [73].

Съезд Советов проходил в напряженной обстановке. В Ростове и Новочеркасске шла борьба по ликвидации банд анархистов; Новочеркасск на несколько дней был захвачен белоказаками; все ближе подходили к Дону германские интервенты.

Самый съезд по своему составу был неоднороден. При голосовании по вопросу о составе руководящих органов Донской Советской республики большевики получили голосов лишь немногим больше, чем левые эсеры, лидеры которых (Камков и Карелин) специально приехали из Москвы на съезд.

Перед концом работы съезда Подтелков сообщил, что в 1-м Донском и Черкасском округах, а также в станицах Мечетинской и Кагальницкой наблюдается контрреволюционное брожение и что казаки-кулаки в ст. Кривянской подняли мятеж и с боем заняли Новочеркасск. Подтелков призывал рабочих, казаков и крестьян встать грудью на защиту Советской республики.

Для подавления мятежа казачьего кулачества и офицеров были направлены отряды Красной гвардии. Делегаты съезда вместе с ростовскими рабочими взяли винтовки и под руководством Серго Орджоникидзе выступили против белых банд. Контрреволюционное восстание было подавлено, и Новочеркасск занят красными войсками.

Съезд Советов избрал Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Донской Советской социалистической республики.

На заседании Центрального Исполнительного Комитета 14 апреля был избран президиум ЦИК, в который вошли: Орджоникидзе, Ковалев, Подтелков и др. На этом же заседании были сконструированы комиссариаты: внутренних дел, земледелия, продовольствия, труда, просвещения, юстиции, финансов, призрения, путей сообщения, почт и телеграфов и др.

Комиссарами Донской Советской социалистической республики съезд избрал преимущественно большевиков и несколько «левых» эсеров.

Председателем ЦИК Донской ССР был избран Ковалев *, а председателем Совета Народных Комиссаров—Подтелков.

На основании решений съезда Советов Совнарком Донской республики приступил к социалистическому строительству. На всех предприятиях был установлен рабочий контроль; ряд предприятий национализирован. Принимались меры по снабжению городов продовольствием. Был издан декрет об упорядочении финансов. Ввиду недостатка денежных знаков, были выпущены деньги Донской ССР. Помещичьи земли перешли в руки крестьян. Подготавливались мероприятия по разрешению земельного вопроса в целом по Дону.

---

* Ковалев Виктор Семенович, казак ст. Кривянской, Донской области. В большевистской партии — с 1905 г. В 1905—1906 гг. в Петрограде за революционную работу был осужден царским правительством на 12 лет каторги и сослан в Сибирь. Вернулся из Сибири летом 1917 г., работал в Ростове, Юзовке и Макеевке. По большевистскому списку являлся кандидатом в Учредительное собрание. В октябрьские дни в Питере писал статьи, воззвания к казакам, руководил казачьим отделом при ВЦИК'е. После разгрома Каледина, в феврале 1918 г., вернулся на Дон. На 1-м съезде Советов Донской области в апреле 1918 г. был избран председателем ЦИК Донской Советской республики. После занятия Ростова немецкими оккупантами отступил в Царицын. Работал в казачьей секции Царицынского Совета, затем служил в Красной Армии в качестве комиссара дивизии. Ранения, тюрьма, ссылки, всевозможные лишения подорвали больной туберкулезом организм. Ковалев В. С. умер в феврале 1919 г.

* * *

Вооруженные ленинской стратегией и тактикой, разоблачая предательскую роль меньшевиков и эсеров, разбивая попытки капитулянтов внутри областной партийной организации свернуть партию с пути социалистической революции, большевики Дона своей неустанной работой в массах после февральской революции завоевали большинство в рабочем классе и привлекли на сторону социалистической революции трудящиеся массы крестьянства. После упорной борьбы большевикам Дона удалось повернуть против калединской помещичье-буржуазной, казачьей контрреволюции широкие слои бедняцко-середняцкого фронтового казачества. Советская власть победила. Открылась новая глава в истории Дона.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

К главе I

1. В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 379.
2. Там же, стр. 381—382.
3. О роли иностранного капитала на Дону, см. П. В. Оль—«Иностранный капитал в России» Петроград, 1922 г., стр. 12, 66, 102, 107, 180—181.
4. «Памятная книжка области войска Донского на 1899 г.», отд. III, стр. 12 и «Памятная книжка области войска Донского на 1907 г.», отд. III, стр. 7.
5. Г. В. Плеханов, «Наши разногласия», Госполитиздат, 1938 г., стр. 305—306.
6. «Памятная книжка области войска Донского на 1907 г.», отд. III, стр. 5.
7. «Протоколы особой комиссии по обследованию экономического положения войска Донского, 1899 г.», стр. 117 (библиотека Новочеркасского музея). По терминологии этого протокола казачьи хозяйства подразделялись на достаточные, среднего достатка и недостаточные.
8. Статистика земледелия 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России, стр. 64—65. 117.
9. Е. Колодуб, «Труд и жизнь горнорабочих на Грушевских антрацитных рудниках», изд. 2, Москва, 1907 г., стр. 116.
10. К двадцатипятилетию первого съезда партии (1898—1923 гг.). Воспоминания работницы табачной фабрики Е. В. Торсуевой (Быстрицкой), ГИЗ, 1923 г., стр. 138.
11. Г. В. Плеханов, «Русский рабочий в революционном движении», собр. соч., т. III, стр. 190—191.
12. В. И. Ленин, Соч., т IV, стр. 384.
13. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», 1938 г., стр. 9.
14. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 10.
15. Г. В. Плеханов, «Русский рабочий в революционном движении», собр. соч., т. III, стр. 192.
16. В. С. Панкратов, «Воспоминания 1880—1884 гг.», «Красная Новь», М., 1929 г., стр. 110.
17. «Рабочий»—ростовский журнал, 1883 г., «Литературное наследство», № 2, 1932 г., стр. 97.

18. М. Ольминский, «Давние связи», сб. «От группы Благоева к союзу борьбы», ГИЗ, Донское отд., 1921 г., стр. 68.
19. «Рабочий»—ростовский журнал, 1883 г., «Литературное наследство», № 2, 1932 г., стр. 98.
20. П. Пешекеров, «Пропаганда народовольцев среди рабочих в Ростове на Дону в 1882—1884 гг.»., сб. «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», М, 1928 г., изд. об-ва политкаторжан, стр. 124.
21. Партархив Ростовского Обкома ВКП(б)*, фонд № 12, оп. 1, арх. № 135, л. 10.
22. Сб. «От группы Благоева к союзу борьбы», стр. 105.
23. Облпартархив, фонд № 12, оп. 1, арх. № 144, л. 1.
24. Там же, арх. № 159, л. 1.
25. П. А. Моисеенко, «Воспоминания», 1873—1923 гг., «Красная Новь», 1924 г., стр. 127.
26. Облпартархив, фонд № 12, оп. 1, арх. № 135, л. 3.
27. Е. В. Торсуева, «Воспоминания работницы табачной фабрики», сб. «К двадцатипятилетию первого съезда партии». (1898—1923 гг.), стр. 139.
28. Облпартархив, фонд № 12, оп. 1, арх. № 135, л. 3.
29. Там же, фонд № 12, оп. 1, арх. № 159, л. 10.
30. В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 535.
31. «Истпрофтран», № 3, 1925 г., стр. 9.
32. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 17.
33. Там же, стр. 18, 19.
34. Е. В. Торсуева, «Воспоминания», стр. 139—140.
35. Там же, стр. 140.
36. Там же, стр. 142.
37. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 23.
38. Там же.

К главе II

1. «Доклады соц.-демократических комитетов второму съезду РСДРП», 1930 г., стр. 191.
3. «Доклады соц.-демократических комитетов второму съезду РСДРП», стр. 214.
4. «Искра» № 22, 1902 г.
5. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 27.
6. «Доклады соц.-демократических комитетов второму съезду РСДРП», стр. 209.
7. Там же, стр. 209.
8. Там же, стр. 224.
9. «Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае», сборник документов и материалов, сост. Я. Н. Раенко, Азчериздат, Ростов-Дон, 1935 г., стр. 17.
10. «Доклады соц.-демократических комитетов второму съезду РСДРП», стр. 218.
11. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. № 58.
12. Там же, фонд № 12, оп. 26, арх № 58, л. 9.

---

* В дальнейшем именуется сокращенно «Облпартархив».

13. «Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае», стр. 52.
14. Там же, стр. 66.
15. Там же, стр. 37.
16. Там же, стр. 217.
17. Облпартархив, фонд № 12, оп. 1, арх. № 159, л. 128.
18. «Доклады социал-демократических комитетов второму съезду РСДРП», стр. 222.
19. Там же, стр. 215.
20. «Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае», стр. 73.
21. «Искра» № 22, 1902 г.
22. «Искра» № 18, 1902 г.
23. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. № 187, л. 9.
24. Там же, фонд № 12, оп. № 4, арх. № 5, л. 2.
25. Там же.
26. «Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае», стр. 254.
27. Там же, стр. 241.
28. Там же, стр. 63.
29. Там же, стр. 57.
30. Там же, стр. 140.
31. Там же, стр. 143.
32. С. Черноمордик, «Великий юбилей», «Каторга и ссылка» № 6—8 (103—106), 1933 г., стр. 15.
33. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 207.
34. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 105—106.
35. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 206—207.
36. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 209.
37. «Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае», стр. 66.
38. Там же, стр. 68.
39. Там же, стр. 195.
40. Там же, стр. 196.
41. «Искра» № 37, 1903 г.
42. «Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае», стр. 216.
43. «Революция 1905 г.», Материалы и официальные документы, изд. «Пролетарий», 1925 г., стр. 9.
44. «Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае», стр. 149.
45. Там же, стр. 154—155.
46. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). «Краткий курс», стр. 39.
47. Там же, стр. 43.
48. Там же, стр. 44
49. Там же.
50. Там же, стр. 50.
51. В. И. Ленин, Соч., т. XXVIII, стр. 355.
52. Там же, стр. 301.
53. «Общественное движение в России в начале XX века», т. III, стр. 557.
54. «1905 г. на Северном Кавказе» (сб. материалов и документов № 1). Севкавкнига, Ростов на Дону, 1926 г., стр. 29—30.

К главе III

1. В. И. Ленин, соч., т. VII, стр. 47.
2. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 53.
3. Ростовский Областной Госархив, ф. № 8, св. 2, д. 20, л. 18.
4. Облпартархив, ф. № 12, оп. 22, арх. № 1, л. 32.
5. «Искра» № 63, 1904 г.
6. В. И. Ленин, Соч., т. VII, изд. 4-е, стр. 183.
7. Ростовский Областной Госархив, ф. № 8, св. 3, д. 1, л. 404.
8. «Искра» № 61, 1904 г.
9. «Искра» № 81, 1904 г.
10. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 33.
11. Ростовский Областной Госархив, ф. № 2, д. 22, л. 64.
12. «Искра» № 8, 1904 г.
13. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 34.
14. Ростовский Областной Госархив, ф. № 2, св. 5, д. 39, л. 88.
15. «Донские областные ведомости» № 42, 1905 г.
16. «Вперед» № 9, 1905 г.
17. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 345.
18. «1905 г. на Северном Кавказе», сб. материалов и документов № 1. Севкавкнига, Ростов н-Д., 1925 г., (календарь рев. событий).
19. Варзар, «Статистика стачек за 1905 г.», стр. 103.
20. «Искра» № 100, 1905 г.
21. Облпартархив, фонд № 12, оп. 7, арх. № 29, л. 1.
22. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. № 31, л. 52.
23. «Искра» № 108, 1905 г.
24. Облпартархив, фонд № 12, оп. 22, арх. № 1, л. 49—50.
25. Там же, фонд № 12, дело № 132.
26. Цит. по сб. № 3, «История пролетарской борьбы в Таганроге», стр. 19.
27. Сб. «Красные повстанцы», История революционного крестьянского движения в Таганрогском округе 1900—1919 гг., изд. Таганрогского Окружкома ВКП(б)
28. Петр Маслов, «Крестьянское движение в России в эпоху первой революции», т-во «Мир», Москва, 1924 г., стр. 59—60.
29. «Пролетарий» № 17, 1905 г.
30. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр 60.
31. Там же.
32. Орловский, «Совет против партии», Сб. «Как рождалась партия большевиков», стр. 379.
33. «Вперед» № 7, 1905 г.
34. Там же.
35. Там же.
36. «Вперед» № 9, 1905 г.
37. В. И. Ленин, Соч., т. XXVIII, стр. 457.
38. Там же, стр. 464.
39. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, д. № 146, л. 1.
40. «Искра» № 95, 1905 г.
41. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 61—62.
42. В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 186.
43. И. В. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 354.

44. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 62.
45. «Пролетарий» № 16, 1905 г.
46. «Пролетарий» № 17, 1905 г.
47. Там же.
48. Там же.
49. «Пролетарий» № 2, 1905 г.
50. «1905 г. в Ростове на Дону», «Севкавкнига», Ростов н-Д., 1926 г., стр. 299.
51. «Искра» № 111, от 24 сентября 1905 г.
52. «1905 г. в Ростове на Дону», стр. 140.
53. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, св. 8, д. 46, л. 7.
54. В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 17.
55. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, д. № 46, л. 102.
56. «Донская речь» № 263, 1905 г.
57. «Донская речь» № 267, 1905 г.
58. Облпартархив, фонд № 12, оп. 22, арх. № 1, л. 120.
59. «Донские областные ведомости» № 232, 259, 1905 г.
60. «Пролетарская революция на Дону», сб. № 1, 1922 г., стр. 30.
61. В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 433.
62. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 76.
63. А. М. Греков. «Приазовье и Дон», стр. 57.
64. «Донская жизнь», №№ 11, 20, 1906 г.
65. Л. Ильин, «Восстание 2-го Урупского казачьего полка», «Севкавкнига», Ростов-Дон, 1926 г., стр. 15.
66. В. С., «Декабрьские дни в Ростове на Дону», журнал «Отклики современности» № 3, 1906 г., стр. 1.
67. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. № 69, л. 90.
68. В. С., «Декабрьские дни в Ростове на Дону», стр. 7.
69. Облпартархив, фонд № 12, св. № 11, д. № 64.
70. «Пролетарская революция на Дону», сб. № 1, Донесение нач-ка Донского Окр. Отд. от 6 декабря 1905 г.
71. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, св. 9, д. № 49, л. 9.
72. Облпартархив, фонд № 12.
73. В. С., «Декабрьские дни в Ростове на Дону», стр. 10.
74. «Пролетарская революция» № 12/47, 1925 г., стр. 167.
75. Облпартархив, фонд № 12, оп. 7, арх. № 235, л. 62.
76. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, св. 15, д. № 76, л. 12.
77. Облпартархив, фонд № 12, оп. 22, арх. № 1, л. 368.
78. «Боевые дни». Первая политическая забастовка и вооруженное восстание 1905 г. в Тихорецке, 1931 г., стр. 30.
79. Облпартархив, фонд № 12, оп. 22, арх. № 1, л. 369
80. Там же, л. 389—390.
81. Сб. «Боевые дни», стр. 27.
82. Облпартархив, фонд № 12, д. № 63, л. 11.
83. Там же, фонд № 12, оп. 22, арх. № 1, л. 177.
84. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 49, л. 54.
85. «История пролетарской борьбы в Таганроге», сб. № 4., Истпарт Таганрогского Окружкома ВКП(б), 1926 г., стр. 8.
86. Карл Маркс, Избр. произвед., т. II, Госполитиздат, 1940 г., стр. 428.
87. В. И. Ленин, Соч., т. X, стр. 50.
88. В. И. Ленин, Соч., т. IX, стр. 26.
89. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, дело № 80, л. 116.

90. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). «Краткий курс», стр. 80.
91. Облпартархив, фонд № 12, оп. 10, арх. № 26, л. 10.
92. Там же, фонд № 12, оп. 10, арх. № 31, л. 3.
93. Облпартархив, фонд № 12, оп. 10, арх. № 27, л. 2.
94. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 81.
95. «Приазовский край» № 65 и 80, 1906 г.
96. Государственные думы. стенографический отчет, сессия первая, т. II, 1906 г., стр. 963.
97. Там же, стр. 1324.
98. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, д. 105, л. 78.
99. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 105, л. 233.
100. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 82.
101. Протоколы четвертого (объединительного) съезда РСДРП. Партиздат, Москва, 1934 г., стр. 62.
102. В. И. Ленин, Соч., т. XI, стр. 424.
103. Там же, стр. 425.
104. «1905 год на Северном Кавказе». Сборник материалов и документов, № 1, Севкавкнига. Ростов н-Д., 1925 г., стр. 67.
105. Там же.
106. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, св. 15, д. 76, л. 190.
107. Облпартархив, ф. № 12, св. 12, д. 79, л. 1.
108. В. И. Ленин, Соч., т. X, стр. 59.
109. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, д. 114, л. 799.
110. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2. д. 21, л. 192.
111. А. И. Петровский, «Донские депутаты во II Государственной Думе» (историческая справка), С.-Петербург, 1907 г.
112. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). «Краткий курс», стр. 86.
113. Облпартархив, фонд № 12.
114. В. И. Ленин, Соч., т. XI, стр 464.
115. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 88.
116. Там же.
117. В. И. Ленин, Соч., т. XX, стр. 13

К главе IV

1. Облпартархив, фонд № 12.
2. Там же.
3. «Приазовский край» № 274 от 16 октября 1907 г.
4. Б. С. Э., т. 30, стр. 618.
5. «Южный телеграф» от 6 октября 1912 г.
6. Ростовский Областной Госархив, фонд № 7, д. 248, л. 251.
7. Там же.
8. «Южный телеграф» № 3402 от 15 августа 1912 г.
9. «Звезда» № 20 от 20 марта 1912 г.
10. Там же.
11. «Правда» от 11 октября 1937 г.
12. И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 11, стр. 484.
13. «Социал-демократ» № 13, за 1910 г.

14. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 128.
15. Там же.
16. Там же.
17. Облпартархив, фонд № 12, оп. 12, арх. № 2, л. 7.
18. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, д. 105.
19. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, дело № 158, л. 94.
20. Облпартархив, фонд № 12, оп. 13, арх. № 7, л. 6.
21. Там же, фонд № 12, оп. 15, арх. № 3, л. 9.
22. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 14, л. 269.
23. «Социал-демократ» № 13 за 1910 г.
24. «Рабочая газета» № 4—5 от 15 февраля 1911 г.
25. Там же.
26. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 23.
27. Там же, фонд № 8, д. 277, л. 70.
28. Там же, фонд № 8, д. 277, л. 72
29. «Социал-демократ» № 21—22, от 19 марта 1911 г.
30. Там же.
31. «Социал-демократ» № 25 от 8 декабря 1911 г.
32. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 134.
33. Там же.
34. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. № 306, л. 40—41.
35. В. И. Ленин, Соч., т. XIV, стр. 208.
36. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 342 (расшифровка слов, взятых в скобки, сделана нами — **Ред.**).
37. «Социал-демократ» № 25 от 8 декабря 1911 г.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.
41. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 229, л. 25.
42. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. № 306, л. 44.
43. Стенографический отчет XV съезда ВКП(б), стр. 374.
44. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, 1941 г., стр. 181.
45. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. № 306, л. 45.
46. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 299, л. 94.
47. Там же, фонд № 8, д. 230, л. 260.
48. Там же.

К главе V

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 140.
2. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 342, л. 1.
3. Там же, лист 3.
4. Там же, лист 17—18.
5. Облпартархив, фонд № 12.
6. Там же, фонд № 12, оп. 26, арх. № 237, л. 2.
7. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 342, лист 120.
8. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 394, л. 8
9. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 143.
10. Там же, стр. 147.

11. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. № 274, л. 2.
12. Там же, фонд № 12, оп. 26, арх. № 304-а.
13. Там же, фонд № 12, оп. 26, арх. № 858, л. 4.
14. Там же, фонд № 12, оп. 17, арх. № 3, л. 4.
15. Там же, фонд № 12, оп. 18, арх. № 1, л. 1.
16. Там же, фонд № 12, оп. 10, д. 1, л. 2.
17. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 418, л. 9.
18. Там же, фонд № 8, д. 445, л. 124.
19. Там же, фонд № 8, д. 342, л. 85.
20. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 138.
21. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 342, л. 340.
22. Там же.
23. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. 304-а, л. 2.
24. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. № 446, л. 245
25. Там же, л. 247.
26. Там же, л. 248.
27. Там же.
28. Там же, л. 250.
29. Облпартархив, фонд № 12, оп. 18, арх. № 7, л. 1.
30. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 153.

К главе VI

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 155.
2. Там же, стр. 157.
3. Госархив Ростовской области, фонд № 8, д. 418, л. 201.
4. Там же, л. 302.
5. Там же, фонд № 8, д. 408, л. 197.
6. Облпартархив, фонд № 12, оп. 20, арх. № 7, л. 5—6.
7. Там же.
8 Там же.
9. Там же, фонд № 12, арх. № 1, оп. 20, л. 76.
10. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, д. 638, л. 19—20.
11. Облпартархив, фонд № 12, арх. № 18—20, оп. 20, л. 9.
12. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 548, л. 118.
13. Там же.
14. «История пролетарской борьбы в Таганроге» № 2, 1925 г., стр. 4, Журнал Истпарта Таганрогского Окружкома ВКП(б).
15. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 572, л. 22.
16. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 166.
17. Там же, стр. 157.
18. Там же, стр. 167.
19 Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 491, л. 78.
20. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 165.
21. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, д. 623-а.
22. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. № 246, л. 30.
23. Там же, фонд № 12, арх. № 18—20, оп. 20, л. 29.
24. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, д. 658.
25. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 548, л. 372.

26. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 548, л. 372.
27. Там же, л. 373.
28. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. № 410, л. 21.
29. Ростовский Областной Госархив, фонд № 8, д. 548, л. 373.
30. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 168.
31. Ростовский Областной Госархив, фонд № 2, д. 627.
32. Там же, фонд № 8, д. 591, л. 15.
33. «Приазовский край», экстренный выпуск 2 марта 1917 г.
34. «Ростовская речь» № 59 от 4 марта 1917 г.
35. «Ростовская речь» № 60 от 5 марта 1917 г.
36. «Ростовская речь» № 62 от 7 марта 1917 г.
37. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 172.

К главе VII

1. «Приазовский край» № 90 от 3 апреля 1917 г.
2. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 175.
3. «Ростовская речь» № 85 от 6 апреля 1917 г.
4. «Приазовский край» № 71 от 16 марта 1917 г.
5. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 177.
6. «Приазовский край» № 95 от 16 апреля 1917 г.
7. Облпартархив, фонд № 12, д. № 8324, л. 7.
8. «Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 23 от 11 мая 1917 г.
9. «Наше знамя» № 9 от 8 июня 1917 г.
10. Там же.
11. «Наше знамя» № 17 от 9 июля 1917 г.
12. Там же, № 12 от 15 июня 1917 г.
13. «Рабочее дело», орган Донкома РСДРП (меньшевиков) № 24 от 13 июня 1917 г.
14. «Наше знамя» № 13 от 18 июня 1917 г.
15. «Наше знамя» № 14 от 22 июня 1917 г.
16. «Наше знамя» № 17 от 9 июля 1917 г.
17. «Пролетарская революция на Дону», выпуск второй, 1922 г., стр. 81.
18. «Наше знамя» № 20 от 21 июля 1917 г.
19. Облпартархив, фонд № 12, оп. 12—21, арх. № 233, л. 6, 7.
20. «Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих и солдатских депутатов» от 3 августа № 66, 1913 г.
21. Там же.
22. И. Сталин, Соч., т. III, стр. 177.
23. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), «Краткий курс», стр. 191.
24. «Наше знамя» № 28 от 23 августа 1917 г.
25. Там же.
26. «Донецкий землероб», журнал № 67, 1917 г.
27. Облпартархив, фонд № 12, оп. 21, арх. № 194, л. 26.
28. В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 204.
29. Облпартархив, фонд № 12, оп. 12—21, св. 6, арх. № 233, л. 16.
30. «Наше знамя» № 47 от 19 сентября 1917 г
31. Там же.

32. Облпартархив, фонд № 12, оп. 21, арх. № 56, л. 6.
33. «Пролетарская революция на Дону», выпуск второй, стр. 91.
34. Там же.
35. Там же
36. И. Сталин, Соч., т. III, стр. 297.
37. Облпартархив, фонд № 12, оп. 26, арх. № 610, л. 2.
38. Там же, фонд № 12, оп. 12—21, св. 6, арх. № 233, л. 20
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же, л. 23.
42. «Наше знамя» от 1 ноября 1917 г.
43. «Наше знамя» от 19 ноября 1917 г.
44. И. Сталин, Соч., т. IV, стр. 160.
45. Там же.
46. «Наше знамя» от 7 ноября 1917 г.
47. Облпартархив, фонд № 12, оп. 12—21, арх. № 233, л. 46.
48. Там же, л. 51.
49. «Пролетарская революция на Дону», выпуск четвертый, стр. 245.
50. «Пролетарская революция на Дону», выпуск второй, стр. 101.
51. «Пролетарская революция на Дону», выпуск четвертый, стр. 193.
52. Сб. из истории борьбы за установление Советской власти, ОГИЗ 1943 г., стр. 116.
53. «Пролетарская революция на Дону», выпуск четвертый, стр. 119.
54. Там же.
55. Там же.
56. Ленинский сборник, т. XI, стр. 21.
57. Облпартархив, фонд № 12.
58. «Пролетарская революция на Дону», выпуск четвертый, стр. 158.
59. «Известия ВЦИК № 13 (27), от 18 января 1918 г.
60. В. И. Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 483.
61. «Известия Новочеркасского Совета рабочих и казачьих депутатов», № 11, 1918 г.
62. Там же.
63. В. И. Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 484.
64. «Известия Ростовского военно-революционного комитета» № 22 от 17 марта 1918 г.
65. Облпартархив, ф. 12, д. 809, л. 7.
66. «Известия Ростовского военно-революционного комитета» от 10 марта 1918 г.
67. «История гражданской войны в СССР», сборник документов, г. 1,
68. «Известия Ростово-Нахичеванского Совета рабочих депутатов» от 11 апреля 1918 г.
69. Там же, от 13 апреля 1918 г.
70. «Донские известия» № 15 от 14 апреля 1918 г.
71. З. Орджоникидзе «Путь большевика», Госполитиздат, 1945 г., стр. 161.
72. «Революционное знамя» от 13 апреля 1918 г.
73. «Донские известия» № 13 за 1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава V

Большевики Дона в годы подъема рабочего движения перед первой империалистической войной

Глава VI

Большевики Дона в период империалистической войны и второй революции

Глава VII

Большевики Дона в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции

ПОПРАВКИ
к книге „Очерки истории большевистских организаций на Дону“

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
68	1 св.	19 июля подготовила	19 июля она подготовила
134	1—2 сн.	вместе с другими 26 бакинскими комиссарами	в числе 26 бакинских комиссаров

Редактор Б. И. Табайник
Технич. редактор Н. А. Попова
Обложка А. Е. Губина.
Корректор Н. Д. Боровинская.

Изд. № 18/8408. Подп. к печати 4-X 1948 г. Объем 16,5. Тираж 12000.
ПК 16080. Тип. им. Калинина РОУИиП в Ростове н-Д. Заказ № 1090.

Глава V

Большевики Дона в годы подъема рабочего движения перед первой империалистической войной

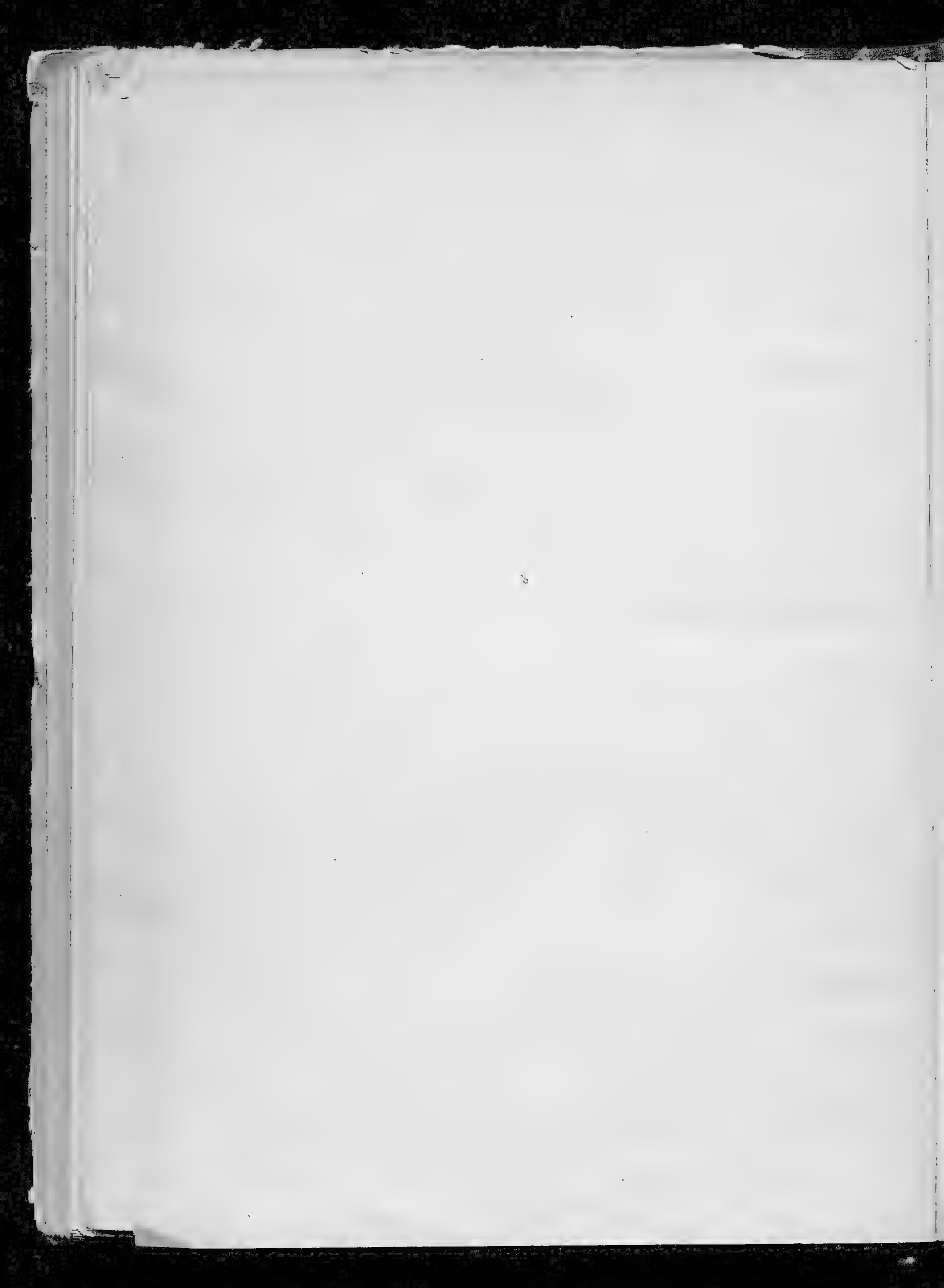
Глава VI

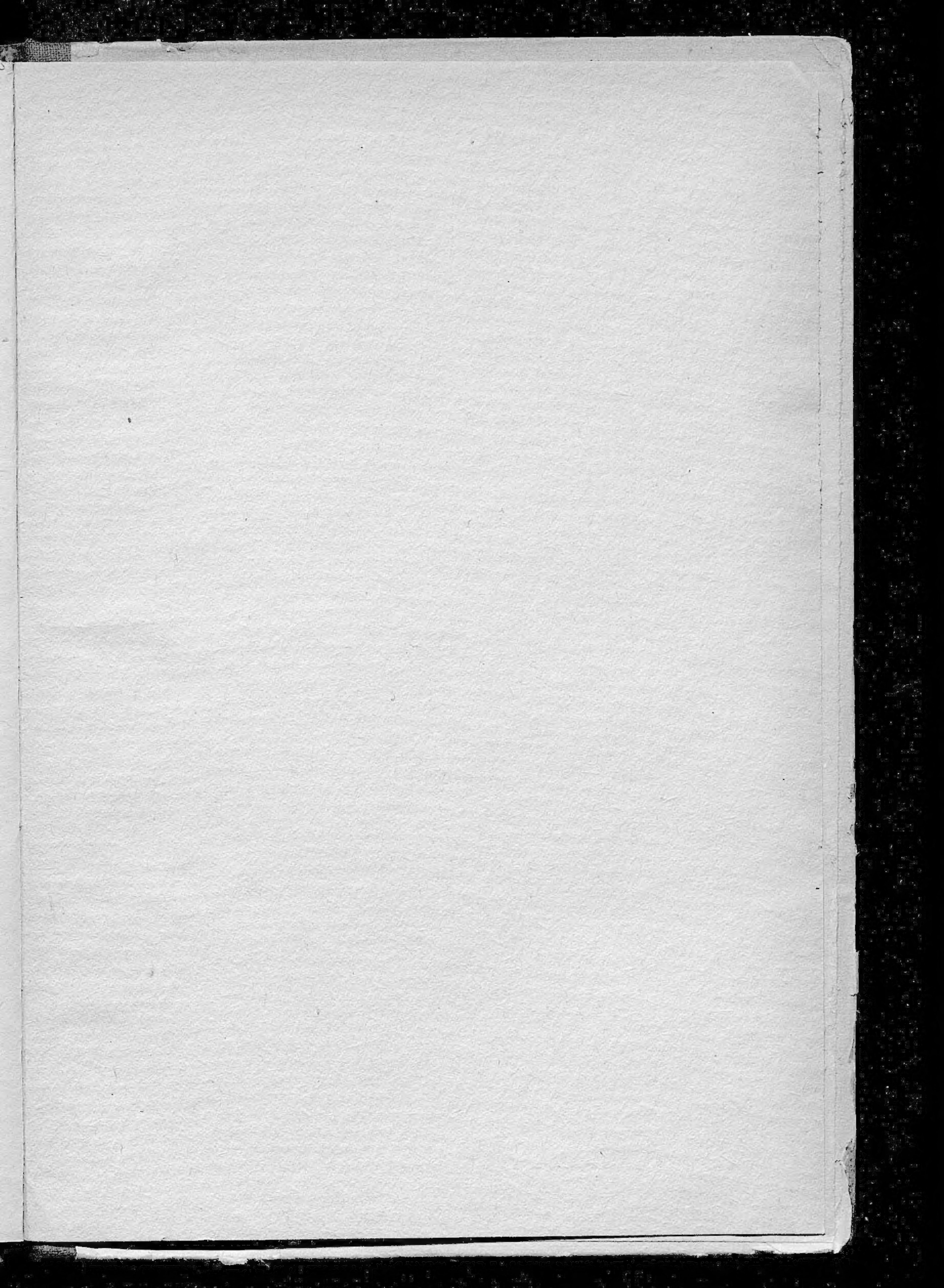
Большевики Дона в период империалистической войны и второй революции

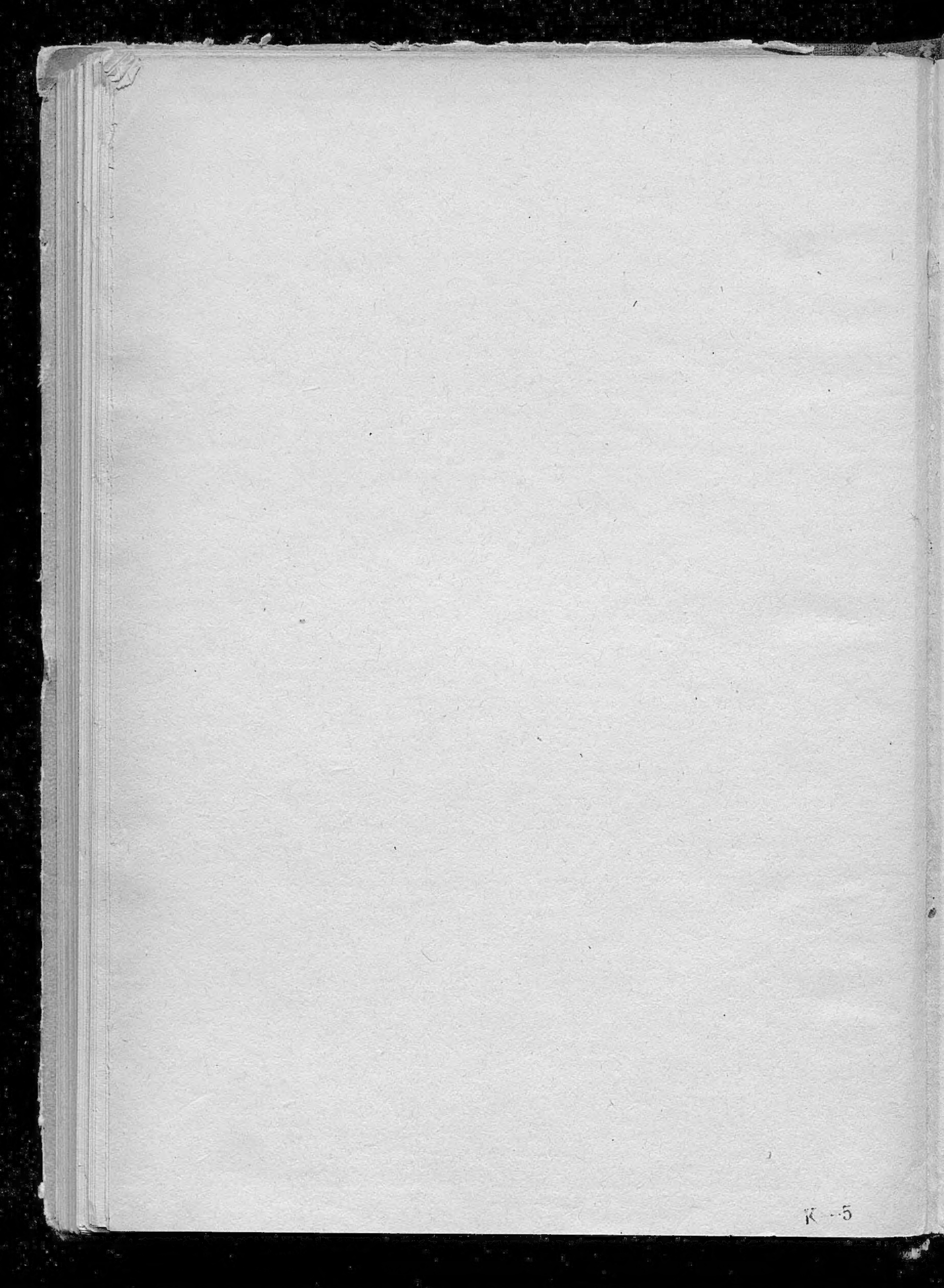
Больше[illegible]

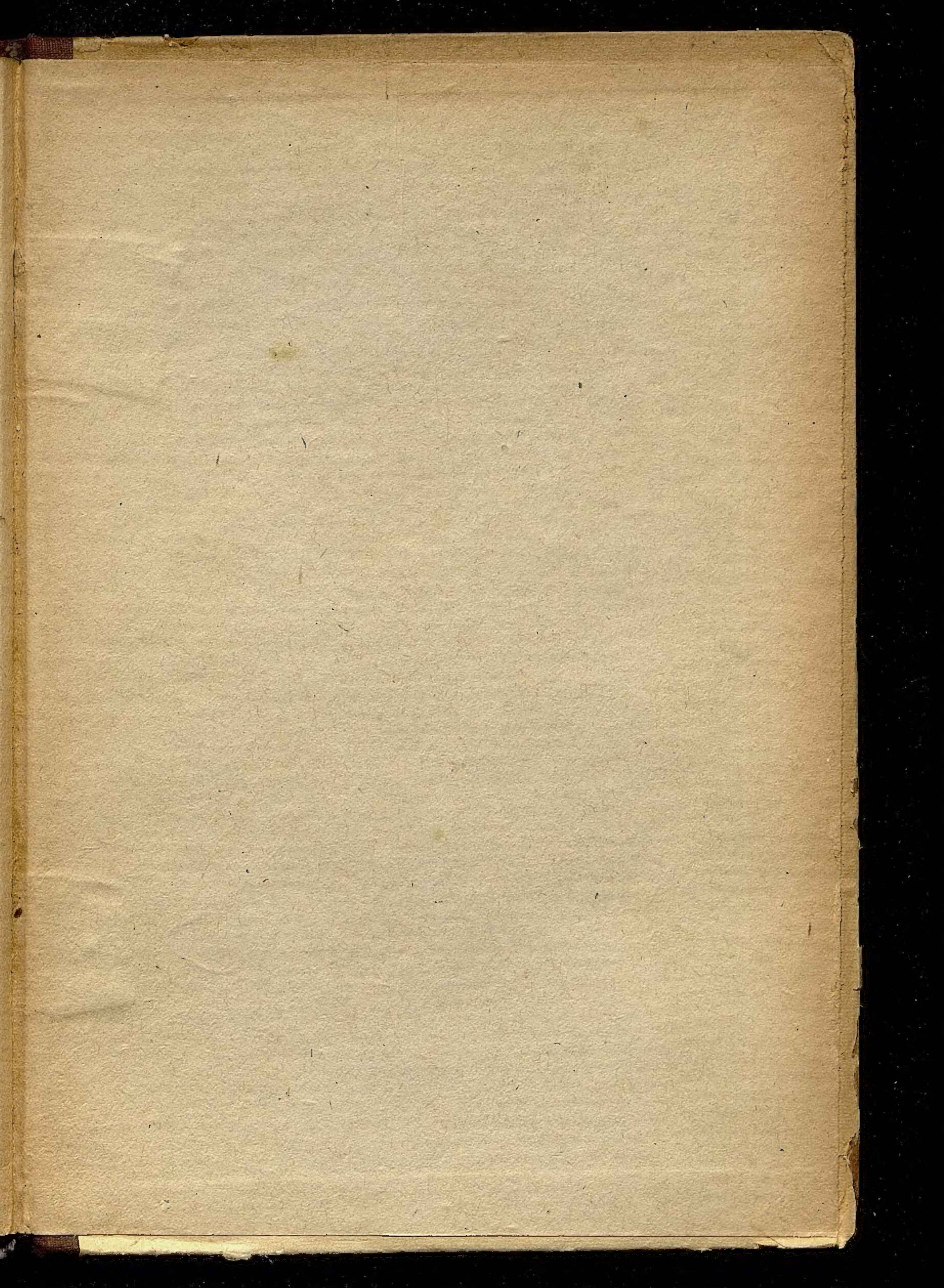
Редактор Б. И. Табайник
Технич. редактор Н. А. Попова
Обложка А. Е. Губина.
Корректор Н. Д. Боровинская.

Изд. № 18/8408. Подп. к печати 4-X 1948 г. Объем 16,5. Тираж 12000.
ПК 16080. Тип. им. Калинина РОУИиП в Ростове н-Д. Заказ № 1090.









Цена в переплете 11 руб.



РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д., ул. Энгельса, 24.